

Институт археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан
Центр гуманитарных исследований, Будапешт
Научно-исследовательский центр древних венгров

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 27

А.Х. Халиков

**ВЕЛИКАЯ ВЕНГРИЯ
МЕЖДУ ВОЛГОЙ И УРАЛОМ**

Казань
2022

A. H. Khalikov Régészeti Intézet
A Tatarstani Köztársaság Tudományos Akadémiája
Humanitárius Tanulmányok Központja, Budapest
Ókori magyarok Kutatóközpontja

AZ EURÁZSIAI SZTYEPPÉK RÉGÉSZETE

27. szám

A. H. Halikov

MAGNA HUNGARIA
A VOLGA ÉS AZ URÁL KÖZÖTT

Kazany
2022

A.H. Khalikov Institute of Archaeology
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Center for Humanities Studies, Budapest
Research Center of Ancient Hungarians

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

Issue 27

A.H. Khalikov

MAGNA HUNGARIA
BETWEEN THE VOLGA AND THE URALS

Kazan
2022

УДК 902
ББК 63.444
Х17

Издание реализовано в рамках проекта «Археологическое исследование контактов между Венгрией и Востоком» («Наше восточное наследие»), Междисциплинарная исследовательская группа по истории и археологии Католического университета им. Петера Пазманя; ТКР2020-НКА-11) при поддержке программы Thematic Excellence Министерства национальных исследований Венгрии, развития и инноваций и при поддержке Программы династии Арпад, проект IV.2.

*Журнал «Археология Евразийских степей»
приложение к журналу,
издается с 2007 года
Выпуск 27*

Научное издание

Печатается: по решению Ученого совета Института археологии им. А. Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

Ответственный редактор:
чл.-корр. АН РТ, д.и.н. Ситдигов Айрат Габитович

Рецензенты:
д.и.н. Ф.Ш. Хузин, д.и.н. А.М. Белавин

Редакционная коллегия
к.и.н. Г.И. Дроздова, PhD habil. А. Тюрк, д.и.н. Е.П. Казаков, д.и.н. Т.Б. Никитина,
к.и.н. Р.Р. Саттаров, к.в.н. Г.Ш. Асылгараева

Халиков А.Х. Великая Венгрия между Волгой и Уралом / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; отв. ред. А.Г. Ситдигов. – Воронеж: АЛЕКС ПРИНТ, 2022. – 160 с. – (Серия «Археология евразийских степей»; вып. 27).

ISBN 978-5-6049094-1-6

Монография А.Х. Халикова является продолжением его работы в авторстве с Е.А. Халиковой «Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник)», переведённой с немецкого языка и вышедшей в 2018 году в серии «Археология евразийских степей» в 25 томе.

Представленная работа не была издана при жизни автора. В научном фонде Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в личных документах А.Х. Халикова сохранилась неопубликованная рукопись продолжения монографии по материалам раскопок Больше-Тиганского могильника под названием «Великая Венгрия между Волгой и Уралом». В ней представлены материалы раскопок с 1979 по 1985 год из погребений № 57–142 Больше-Тиганского могильника.

Издание будет интересно археологам, историкам, музеоведам и всем интересующимся средневековой историей и проблемой происхождения угро-мадьяр.

ISBN 978-5-6049094-1-6

© Халиков А.Х., 2022

© Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2022

ОТ РЕДАКЦИИ

Вопрос о происхождении и ранних этапах истории венгров является одним из значимых научных проблем раннесредневековой истории Восточной Европы. Обращение к этой теме обусловлено большой ролью угорских народов в формировании средневековых евразийских этносов и их влиянием на важные мировые процессы от Сибири до Западной Европы. К сожалению, ограниченность исторических источников затрудняет исследовательский интерес в изучении научных проблем. В решении этих вопросов важную роль играют сведения, полученные в ходе изучения объектов археологии.

В Волго-Уралье известны несколько мест, связанных с пребыванием здесь древних венгров. К числу ярких археологических памятников, демонстрирующих угорские древности в Поволжье, является Больше-Тиганский могильник. Материалы раскопок древневенгерского некрополя занимают важное место в исследованиях средневековой истории народов степной и лесостепной полосы Евразии, в изучении процессов межкультурного взаимодействия и определения хронологии культурных явлений региона.

Больше-Тиганский могильник был открыт в 1974 году у с. Большие Тиганы Алексеевского района Татарской АССР примерно в 20 км южнее левого берега низовий Камы. Начало раскопок было вызвано экстренными охраняемыми исследованиями при строительстве дороги между селами Большие и Средние Тиганы. Раскапывался могильник с середины 1970-х до начала 1980-х годов совместной археологической экспедицией Казанского государственного университета и Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала академии наук СССР под руководством А.Х. Халикова и Е.А. Халиковой. За все время исследований было выявлено и вскрыто около 150 захоронений, датированных VIII – началом IX вв.

Результаты первых лет раскопок были представлены более сорока лет назад в монографии Е.А. Халиковой и А.Х. Халикова «Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник)», вышедшей в 1981 году в Венгрии на немецком языке «Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tiganí)». В этой работе были опубликованы материалы 56 погребений (№№ 1–56), изученных в ходе археологических исследований в 1974–1978 гг. В начале 2010-ых годов монография была переведена в Институте археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан на русский язык и переиздана в 2018 году в серии

«Археология евразийских степей» в 25 томе к открытию IV Международного мадьярского симпозиума в Казани.

Материалы последующих лет раскопок Больше-Тиганского могильника оставались вне поля зрения широкого круга исследователей. Представление итогов раскопок памятника на нынешнем этапе в виде монографии оказалось возможным благодаря документам, хранящимся в научном фонде Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. В личных делах архива ученого сохранилась неопубликованная, напечатанная на пишущей машинке рукопись труда, являющейся подготовкой издания результатов продолжения раскопок Больше-Тиганского могильника, проведенных по изучению древневенгерских захоронений после 1978 года. Рукопись научной работы, названной А.Х. Халиковым «Великая Венгрия между Волгой и Уралом», посвященной им 1100-летию обретения венграми Родины, включает в себя подробное описание материалов археологических исследований некрополя в 1979–1982, 1984–1985 гг. и вскрытых на нем с 57 по 142 погребений, не вошедших в предшествующую работу на немецком языке.

Специалистами Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан рукопись была подготовлена к изданию: оцифрован машинописный текст рукописи, собраны архивные материалы по уточнению иллюстративного материала из отчетов исследователей из архивов Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан и Института археологии Российской Академии наук в г. Москва. Работа состоит из двух частей, в каждой из которых представлены материалы, дающие развернутое представление об историческом значении могильника и его месте в культурогенезе угорских народов в Восточной Европе.

Скрупулёзная многолетняя проработка текста и рисунков рукописи позволила выйти на издание материалов раскопок неизданной рукописи А.Х. Халикова. Значимую поддержку при подготовке оказали венгерские коллеги в лице Аттилы Тюрка, оказавшего неоценимую искреннюю помощь в публикации этой монографии. Вводная часть и обобщающая глава монографии, посвященная судьбам венгров, оставшихся на древней Родине, переведена на венгерский язык. В приложении приведена статья «Биоархеологический анализ Больше-Тиганского могильника в контексте ранней истории венгров» на английском языке. Также необходимо сказать слова благодарности за проявленное содействие и внимание к подготовке труда генеральному консулу Венгрии в г. Казани Адаму Штифтеру.

На сегодня Больше-Тиганский могильник самый крупный исследованный археологическими раскопами могильник древневенгерских истоков, изученных в Волго-Уралье. Особую важность ему придает то, что в его погребальном обряде и инвентаре отразились устойчивые традиции населения, оставившего этот комплекс захоронений. Особенности некрополя позволяют подойти к решению многих узловых проблем истории генезиса археологических культур Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине I тыс. н. э. Незаурядность памятника позволяет рассмотреть древние пути миграций народов и формирование новой социальной среды в мире раннесредневековой Евразии. Главная специфика этого археологического объекта, привлекающая в свое время пристальное внимание научной общественности, в выразительности его уникальной и яркой материальной культуры погребального комплекса некрополя.

Издание рукописи монографии А.Х. Халикова является данью памяти замечательным исследователям этого уникального археологического памятника, занявшего важное место в мировой исторической науке. Неутомимый и плодотворный труд ученых раскрыл новые пласты древней и средневековой истории Волго-Уралья. Сеем надеяться, что эта публикация станет не просто мемориальной публикацией итогов раскопок Больше-Тиганского могильника, а по-

служит началу нового плодотворного обсуждения угро-мадьярской проблемы, а также целого ряда узловых проблем истории и археологии региона. Великие первооткрыватели прошлого нашего региона живут в нашей памяти, пока их труды обсуждаются, а их открытия служат отправной точкой дальнейших исследований.

*Ситдигов А.Г.,
Дроздова Г.И.,
Саттаров Р.Р.*

А.Х. Халиков

ВЕЛИКАЯ ВЕНГРИЯ между Волгой и Уралом

К 1100-летию
обретения древними
венграми Родины
на Дунае

Казань. 1993

Посвящается обретению венграми Родины на Дунае

ВВЕДЕНИЕ

В этнической истории народов Среднего Поволжья и Приуралья важное участие принимали финно-угорские племена, среди которых особое место занимали предки современных венгров.

Как известно, венгры, ныне проживающие в южной части Центральной Европы и составляющие примерно 12 миллионов человек, относятся к финно-угорской языковой группе, вернее, к угорской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи.

Одним из важных вопросов раннесредневековой истории является вопрос о происхождении и ранних этапах истории венгерского народа. Согласно письменным источникам и археологическим материалам, в конце IX века, около 895–896 гг., на территорию современной Венгрии пришла с востока большая группа собственно венгерских племен. Византийский император Константин Багрянородный среди них называет племена неки, мегери, куртугермата, тариана, генах, кари, каси и примкнувших к ним каваров, «оторвавшихся от хазар» (Багрянородный, с. 163). В Европе и, в частности, у соседей-славян за пришельцами утвердился собирательный этноним оногуры – онгры – венгры. По сообщению того же Константина Багрянородного (с. 159), племена венгерской конфедерации в IX в., до появ-

ления в Карпатском бассейне, жили в местности Леведии, вблизи Хазарии, а затем в более «западной стороне, в местах, именуемых Ателькузу». Большинство исследователей относит появление венгров в Леведии к 30-м годам IX в. и локализует ее в области между Доном и Днепром, а Ателькузу помещает в междуречье Днестра и Прута, хотя полного единства мнений здесь нет (Шушарин, 1961, с. 133–135). Что же касается истории венгерских племен до переселения в Леведию и более древней их прародины, называвшейся в средние века Великой Венгрией, то письменные источники сообщают об этом еще более скупо. Единственным «очевидцем» Великой Венгрии, свидетельства которого дошли до нас, был венгерский монах-доминиканец Юлиан, незадолго до монгольского нашествия, в 1235–1236 гг., предпринявший путешествие на восток с целью найти своих соплеменников, остававшихся на древней родине, и обратить их в христианство. Восточных венгров, у которых еще сохранялись предания об уходе от них основной массы сородичей, Юлиан отыскал близ реки Этиль в двух днях пути от большого болгарского города (Аннинский, 1940, с. 81).

Лаконизм письменных источников, отсутствие в них четких сведений породили многочисленные гипотезы о локализации

древневенгерских племен в Восточной Европе. В дискуссии приняли участие лингвисты, историки, этнографы, археологи-ученые нескольких поколений. Появившиеся в последнее время сводные работы (Шушарин, 1961; Гарипов, Кузеев, 1962; Эрдели, 1971; Fodor, 1982; Chalikova, Chalikov, 1981), где в той или иной связи рассматриваются и суммируются высказанные точки зрения, освобождают нас от необходимости повторять их здесь. Достаточно указать, что помимо северокавказской теории, сформулированной еще Б. Мункачи и живущей, по существу, до сих пор, наиболее распространенной является гипотеза о поволжско-приуральской прародине древних венгров. Однако регион поисков территории их расселения здесь накануне ухода на запад достаточно велик – Южное Приуралье и Нижнее Поволжье (Смирнов, 1972), Башкирия (Артамонов, 1962), долины рр. Б. Черемшан, Кинели, Сок и Кондурчи (Кузеев, 1974), правобережные районы Поволжья (Perényi, 1959). К сожалению, ни одна из высказанных гипотез долгое время не была подкреплена вескими археологическими аргументами. Единичные погребения в Восточной Европе, которые археологи пытались сопоставить с древневенгерскими на Дунае – Воробьевское близ Воронежа и Волошинское на Днепре (Москаленко, 1972), Танкеевское, найденное в 1904 г. в Казанской губернии (Fettich, 1937), Стерлитамакский могильник в Башкирии, погребение с конем из раскопок Н.П. Сорокиной на Таманском полуострове (Эрдели, 1970), а также отдельные находки «венгерских» вещей (Спицын, 1914) не могли существенно повлиять на решение проблемы. Неудачными оказались и попытки связать с венграми определенные археологические культуры – салтовскую (Zakharov, Arendt, 1934), бахмутинскую (Шмидт, 1929), именьковскую (Степанов, 1964). Исследователи еще недавно единодушно приходили к выводу, что ранневенгерский археологический комплекс пока не определен и венгерские памятники не выделены среди массы единообразных памятников раннего средневековья степей и лесостепей Восточной Европы.

В настоящее время положение изменилось. В 1970–1980 гг. на Средней Волге, Нижней Каме и в бассейне Белой в пределах Башкирской и Татарской АССР сделаны важные археологические открытия, проливающие свет на венгерскую проблему. Так, Е.А. Халикова (1972) отмечала параллели в погребальном обряде Танкеевского могильника IX–X вв., широко исследованного в 1961–1988 гг., в Куйбышевском районе Татарии (Khalikova, Kazakov, 1977) и древневенгерских захоронений на Дунае, указывались аналогии и в инвентаре этих памятников (Кзаков, 1972). Любопытные параллели в ряде деталей погребального обряда и вещей, в частности в очень специфических детских и женских украшениях, были отмечены при раскопках и другого памятника раннебулгарской эпохи, синхронного Танкеевке, – Тетюшского могильника (у г. Тетюши на правом берегу Волги близ устья Камы) (Кзаков, Халикова, 1981). Рассмотренные параллели позволили сделать вывод о тесных контактах древних венгров с ранними булгарами и о наличии общего этнического компонента в составе населения Волжской Булгарии в конце IX–X вв. и складывавшегося одновременно с ней Венгерского государства в Карпатской низине. Однако и Танкеевский, и Тетюшский могильники были оставлены населением, чрезвычайно смешанным в этническом отношении, имевшим разные истоки и происхождение и принявшим самое активное участие в формировании населения Волжской Булгарии, т. е. тюркоязычным населением. Достаточно сказать, что в Танкеевском могильнике представлена керамика нескольких культур – керамика ломоватовских памятников Верхнего Прикамья, поломских могильников бассейна Чепцы, неволинских памятников бассейна Сылвы, сосуды кушнаренковского типа и, наконец, лепные плоскодонные горшки, а также лепные и гончарные кувшины, связанные происхождением с салтовским миром (Кзаков, 1972). Столь же разнороден остальной вещевой инвентарь и детали погребального обряда. Корреляционный анализ, проведенный при обработке танкеевских и тетюшских материалов, показал,

что отдельные детали обряда и предметы инвентаря, встречающиеся в погребениях в различных сочетаниях, свидетельствуют о глубоко зашедшем процессе смешения населения, имевшего разные истоки. В этих условиях выделить интересующий нас компонент, общий с древними венграми, и весь характеризующий его комплекс признаков было очень трудно, практически невозможно. Задача облегчилась открытием в Нижнем Прикамье нового памятника последней трети VIII – начала IX вв. – Больше-Тиганского могильника (Халикова, 1976а), который позволил наконец выделить ранневенгерский археологический комплекс в Восточной Европе (Халикова, 1976б) и, в частности, дал возможность связать с древними венграми определенные археологические памятники второй половины I тыс. н. э. в Волго-Уралье (Chalikova, Chalikov, 1981).

Этот интересный и уникальный памятник, открытый в 1974 г. у с. Б. Тиганы Алексеевского района Татарской АССР примерно в 20 км южнее левого берега низовий Камы, в течение почти десяти лет исследовался археологической экспедицией Казанского университета и в 1985 г. был завершён раскопками. Выявлено около 150 захоронений, датированных массовым материалом, а

также находками монет VIII – началом IX вв. (Халиков, 1987а). Очень важно, что погребальный обряд и массовый материал Больше-Тиганского могильника, с одной стороны, находит ближайшие аналогии в древневенгерских могильниках на Дунае времени «обретения венграми Родины», а с другой – имеет множество параллелей, в том числе и диахронных, в материалах памятников VII – начала IX вв. Прикамья и Приуралья (Халикова, 1976б, Халиков, 1984б), что позволяет более детально обрисовать территорию так называемой Великой Венгрии и проследить истоки древневенгерских племен. Как уже отмечалось выше, результаты первых двух лет исследования этого уникального памятника получили достаточное полное освещение как в советской (Халикова, 1976а), так и венгерской (Chalikova, Chalikov, 1981) печати. В настоящей книге, во второй её части, публикуются результаты изучения Больше-Тиганского могильника в 1979–1985 гг., проведенные А.Х. Халиковым после безвременной кончины в 1977 г. основной исследовательницы этого памятника – Елены Александровны Халиковой. В первой же части книги излагаются некоторые соображения автора, возникшие в результате изучения новых материалов.

ЧАСТЬ I

ДРЕВНИЕ ВЕНГРЫ МЕЖДУ КАМОЙ И УРАЛОМ

1. «ВЕЛИКАЯ ВЕНГРИЯ» И БОЛЬШЕ-ТИГАНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Письменные и археологические источники единодушны в том, что на территории современной Венгрии венгры появились основной массой лишь в конце IX века, точнее в 895–896 гг., как об этом наиболее четко сообщал византийский император Константин Багрянородный. В своем сочинении «Об управлении государством», написанном около середины X века, он писал: «Народ турок (так К. Багрянородный называет венгров-мадьяр) в старину имел местожительство вблизи Хазарии, в местности, называемой Леведией... В то время они назывались крепкими Савартами. У турок (мадьяр) было семь родов (Константин Багрянородный их перечисляет: Неки, Мегери, Куртигермата, Тарнака, Генах, Кари, Каси и примкнувшие к ним родственники хазар – Кабары или Кавары)... Они жили три года вместе с хазарами, помогая им во всех войнах... В войне, возникшей между Турками (мадьярами) и Печенегами ..., они (мадьяры) разделились на две части: одна часть поселилась на востоке, в части Персиды..., а другая часть вместе со своим воеводою и предводителем Леведием поселилась в западной стороне, в местах, называемых Ателькузу». Вскоре мадьяры вынуждены были под давлением тех же печенегов уйти на современную территорию обитания. Но они хорошо знали об оставшихся далеко на востоке сородичах. Им-

ператор Константин по этому поводу замечает: «К вышеупомянутым туркам (мадьярам), поселившимся на востоке в краях Персиды, эти западные Турки доселе отправляют посланцев, которые видят их и часто приносят от них ответы» (К. Багрянородный, с. 17–18). Связи не прерывались и позднее. Более того, оставшиеся далеко на востоке мадьяры и связанные с ними племена знали о своих сородичах, ушедших далеко на запад. Так, около 970 г. при князе Токшуне из далекой Булгарии на Волге в Венгрию приходит значительная группа людей во главе с князьями Билла и Бокшу, которые были поселены в Пеште. Позднее к ним присоединяется еще одна группа выходцев из далекой земли булгар (Terra Bulgar) во главе с Хетеном (Хасаном). Из их среды затем длительное время назначались министры финансов при королевском дворе Венгрии.

В 1150–1153 гг. в Венгрии и её крупнейших городах три года прожил богатый арабский купец из Гренады Хамид ал-Гарнати. Он с восторгом описывает эту страну, которая тогда была «одной из наиболее изобильных и благоденствующих». Здесь хорошо помнили свою старую родину на востоке, которую называли «Terra Bascart id est Magna Hungaria» и, очевидно, знали путь к ней. Недаром Хамид ал-Гарнати, оставив в Ункерии (Венгрии)

одного из своих сыновей, отправился в Булгарию на Волгу (Хамид ал-Гарнати..., 1971, с. 42–43).

В XIII веке, когда складывается историческая традиция венгерского народа, о чем свидетельствуют появившиеся на грани XII–XIII вв. собственно венгерские историко-хронографические сочинения, как, например, «Книга магистра П., нотарию короля Белы (III) о делах Хунгаров», предпринимаются попытки найти эту легендарную прародину, старейшую (Maior) или Великую (Magna) Венгрию (Hungaria). В начале такая попытка была предпринята четырьмя монахами во главе с братом Рихардом, который сообщал: «Найдено было в истории венгров христиан, что есть будто бы другая Венгрия, старейшая (Maior), из которой вышло когда-то семь вождей¹ со своими народами искать себе место для жительства, потому что земля их не могла вместить многочисленности жителей... После того, как они прошли и разрушили много царств, пришли они наконец в страну, которая ныне называется Венгрией...» (Аннинский, 1940, с. 87).

Первая попытка венгерских монахов дойти до легендарной Великой Венгрии не увенчалась успехом. Пропутешествовав три года, они вернулись домой, но одному из них – священнику по имени Отто – все же удалось узнать, где располагается область проживания оставшихся на востоке сородичей.

Поиск этой области был предпринят другой группой монахов, из которых только брату Юлиану в 1236 г. удалось с большими трудностями и приключениями добраться до страны, лежащей далеко на востоке и известной под именем Великой Булгарии². В одном городе, называемом Великим городом – именно так называлась столица Великой Булгарии, Юлиан нашел одну венгерскую женщину, которая выдана была замуж в те края из страны, какую он искал. Она указала брату (Юлиану) пути, по которым ему надо идти, утверждая, что через две дневки он, без сомнения, может

найти тех венгров, которых ищет (Аннинский, 1940, с. 81).

Так и случилось, Юлиан вскоре действительно нашел людей, еще говоривших на венгерском языке, «близ большой реки Этиль. Те, увидев его и узнав, что он венгр, немало радовались его прибытию: водили его кругом по домам и селениям и старательно расспрашивали о короле и королевстве братьев своих христиан. И все, что только он хотел изложить им о вере и о прочем, они весьма внимательно слушали, так как язык у них совершенно венгерский: и они понимали его и он их. Они – язычники... Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них, но не знали, где они» (Аннинский, 1940, с. 81).

Чувствуя надвигающуюся опасность страшной войны, ибо Юлиан в Булгарии был летом 1236 г., т. е. в то время, когда монголы сюда уже стягивали свои войска, Юлиан скорее пошел домой, ибо его все время преследовала мысль, что «если ему случится вскоре умереть или заболеть, то труд его окажется напрасным, так как и сам он не достиг успеха, и братья в Венгрии не смогут узнать, где находится тот народ» (Аннинский, 1940, с. 81).

Так и произошло, ибо когда вскоре (в 1237 г.) Юлиан снова пошел, как он сообщал, «в Великую Венгрию с братьями, данными мне в спутники, и мы, желая выполнить порученное нам путешествие, дошли до крайних пределов Руси, мы узнали действительную правду о том, что все те, кто называются венгры-язычники, и болгары, и множество царств совершенно разгромлено татарами» (монголами – А.Х.) (Аннинский, 1940, с. 82). Юлиану удалось лишь узнать, как храбро сражались с монголами болгары и венгры. В связи с этим он сообщает факты, которые подтверждаются сообщениями восточных источников, например, Ибн ал-Асиром и русскими летописями. Так Юлиан сообщает, что, подступив к стране куманов (половцев-кып-

¹ По хронике венгерского анонима рубежа XII–XIII вв. известны их имена: Алмош, Эльёд, Онд, Конд, Таш, Хуба и Тёхётём.

² Великая, или Волжская Булгария – страна с процветающими городами, хозяйством и культурой находилась в XII–XIII вв. на северо-востоке Европы, в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье (Халиков, 1991).

чак – А.Х.), монголы их одолели и подчинили (это произошло в 1223 г. – А.Х.). «Оттуда они воротились в Великую Венгрию, из которой происходят наши венгры, и нападали на них четырнадцать лет (1223–1236 гг. – А.Х.), а на пятнадцатый год (1236–1237 гг.) завладели ими, как нам сообщили сами язычники-венгры» (Аннинский, 1940, с. 83). Последних, т. е. «бежавших перед лицом татар венгров-язычников», видели в 1237 г. в Суздальской земле четверо других венгерских монахов (Аннинский, 1940, с. 83).

Так, очевидно, была разорена земля древних венгров, а жившие там остатки венгров были или убиты, или разбрелись по разным сторонам, растворяясь в том или ином этносе. Во всяком случае, побывавшие в середине XIII века вблизи древневенгерских земель другие монахи, например, Вильгельм Рубрук (1253 г.), о древних венграх и их стране, расположенной в прошлом на восточном пограничье Великой Булгарии между Уралом и Волгой, говорят лишь ссылаясь на сообщения своих предшественников «братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия Татар» (Рубрук, с. 123).

Где же располагалась эта таинственная и легендарная страна – «старейшая» (Maior) или «Великая» (Magna) Венгрия (Hungaria)? Приведенные выше сообщения как будто единодушно локализируют её на северо-востоке Европы, между Волгой, Камой и Уралом, поблизости или непосредственно на восточной окраине территории государства Волжской Булгарии, существовавшей в X–XIV вв. Между прочим, именно здесь её указывают и европейские средневековые карты. Так, на карте Борджия начала XV в. земля Мадьяр (Ungariis) отмечена как граничащая с севера с Золотой Ордой (Tardy, 1982, p. 187). На картах XVI века, например, на карте Мартина Вальдземюллера 1507–1516 гг., примерно на этом же месте отмечена страна «Hungaria Magna». Это же повторяется на картах мира 1531 и 1534 гг. (Tardy, 1982).

Опираясь только на эти, преимущественно отрывочные данные, ученые, интересующиеся древнейшей историей венгров и особенно

вопросом местоположения их древней Родины «Maior» или «Magna Hungaria», высказывали различные предположения и гипотезы (см. об этом подробно в работах венгерских ученых Б. Мункачи, Д. Ласло, Д. Дьёрфи, К. Цегледи, И. Фодора и др.). Но большинство всё же склонялось к мысли, что легендарная прародина венгров располагалась в лесостепной зоне между Волгой (на западе), Камой (на севере) и Уралом (на востоке). Учитывая скудность письменных источников, которые к тому же описывали давно минувшие события, ученые для доказательств своих предположений пытались привлекать и археологические материалы. Так, многие считали, что древняя культура венгров должна быть близка к культуре древних башкир, другие искали предков венгров в носителях таких археологических культур Восточной Европы середины и второй половины I тысячелетия н. э., как бахмутинская, салтовская, именьковская и др. Однако до середины 1970-х годов большинство исследователей справедливо приходило к выводу, что ранневенгерский археологический комплекс на предполагаемой территории «Magna Hungaria» еще не определен и древневенгерские памятники еще не выделены.

Наряду с этим, на территории современной Венгрии, особенно в областях, которые рассматривались учеными как первоначальные земли, освоенные венграми в период «приобретения Родины», т. е. на рубеже IX–X и в первой половине X века, уже 150 лет тому назад (в 1834 г.) были открыты памятники, которые указывали на приход сюда с востока каких-то групп населения (Fodor, 1982). Особенно выразительны в этом отношении небольшие могильники, непосредственно раскрывающие культуру древних венгров в период их прихода на современную территорию обитания. Публикации интересных результатов исследования этих памятников посвящены работы венгерских археологов Н. Феттиха, Д. Ласло, И. Диенеша, И. Эрдели, И. Фодора и др.

В преобладающем большинстве это небольшие могильники, расположенные на вершине невысоких холмов, с рядовым поло-

жением в обряде только ингумации умерших. Характерными их чертами (см. обобщающие работы И. Эрдели, Ч. Балинта, И. Диенеша и др.) являются: частое помещение с умершим коня с головой, хвостом и конечностями, закрывание лица умершего тканью с нашитыми на месте глаз, а иногда и рта серебряными пластинами; погребение умерших в лучшей одежде с украшениями, почти обязательным поясным набором, с личным оружием и т. д.

Некоторые из этих особенностей были прослежены в памятниках IX–X вв., выявленных в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. Особенно в этом отношении интересны работы казанских археологов Е.А. Халиковой и Е.П. Казакова, которые проследили ряд древневенгерских параллелей в широко исследованных ими и автором настоящих строк Танкеевском (Khalikova, Kazakov, 1977) и Тетюшском (Казаков, Халикова, 1981) могильниках. Но последние, содержащие преимущественно не древневенгерские, а древнеболгарские захоронения, свидетельствовали больше о тесных контактах древних венгров с волжскими булгарами и о наличии общего этнического компонента в составе населения Волжской Булгарии в IX–X вв. и складывающегося одновременно с ней Венгерского государства в Карпатской низине, чем о культуре древних венгров «*Magna Hungaria*».

Положение изменилось, когда в 1974 г. был открыт, а затем широко стал исследоваться Е.А. Халиковой и А.Х. Халиковым Больше-Тиганский могильник в Алексеевском районе Татарии. В результате был получен чрезвычайно интересный материал, давший возможность основной исследовательнице этого памятника Е.А. Халиковой в ряде докладов и статей (Халикова, 1976а, 1976б) по-новому осветить не только проблему венгерской прародины, но и вопросы происхождения древних венгров, их контакты с другими племенами и др. Многие из них нашли отражение в опубликованной в 1981 г. в Венгрии книге Е.А. Халиковой и А.Х. Халикова «*Altungaren an der Kama und im Ural*» («Древние венгры на Каме и Урале. Могильник у Больших Тиган») (Chalikova, Chalikov, 1981).

Больше-Тиганский могильник, открытый случайно при дорожно-строительных работах в 1974 г. в 300 м к северу от с. Б. Тиганы, располагается на возвышенности левого берега р. Шенталы, правого притока р. Камы (в 29 км южнее этой крупной реки). Поверхность памятника издавна распахивается и поэтому не имеет каких-либо внешних признаков.

В 1974–1975 гг. на ограниченной площади 35×40 м была вскрыта компактная группа, состоящая из 54 могил с 61 захоронением (Chalikova, Chalikov, 1981): восемнадцать женских, двадцать детских и подростковых, двадцать три мужских, в том числе и два кенотафа, т. е. могилы, устроенные символически в честь воинов, погибших на стороне, тела которых, очевидно, не могли быть доставлены к родовому кладбищу.

Площадь, занятая вскрытыми в 1974–1975 гг. могилами, небольшая: с ЮЮЗ на ССВ – 18 м; с ВЮВ на ЗСЗ – 20 м. Каких-либо следов ограды или других окружающих конструкций не прослежено. Явно незаметны и следы курганной насыпи, т. к. поверхность могильника в среднем на глубину 30–35 см распахана. Однако по еле заметному возвышению почвы в районе наибольшего скопления погребений, а также по наличию поминальных комплексов в виде костей животных, преимущественно лошади, можно предполагать, что над всеми захоронениями существовала какая-то общая невысокая земляная насыпь.

Могилы как будто располагаются неровными рядами, вытянутыми с ЮЮЗ на ССВ (рис. 1). Внутри рядов можно проследить отдельные группы, расположенные более компактно. Так, в центре южной половины вскрытой площади идет ряд из 8 мужских могил с богатым инвентарем. Центральное место в нем занимает кенотаф, представлявший собой большую яму прямоугольной формы длиной около трех метров и шириной до полутора метров (рис. 2), где человеческого костяка не было, но в определенном порядке были разложены вещи: лепной сосуд, три небольшие серебряные пластины (наглазники и наротник) с остатками кожаного лоскута под ними, наконечники стрел, диргем,

сабля в ножнах, ремень с многочисленными серебряными бляшками, костяные накладки на лук, бедренная кость и хвостовые позвонки лошади. В восточном углу кенотафа в специально вырытом небольшом подбое (120×90 см) были захоронены два ребенка (одному года 3–4, другому около года) с характерным набором детского инвентаря – миниатюрные серьги, браслет, ожерелье с подвесками, в том числе диргемом (рис. 3). Были ли это ритуальные захоронения специально умерщвленных детей, сказать трудно, но в том же ряду есть еще одна мужская могила, на ступеньке-заплечике которой, вырытом вдоль южной стенки могилы, также расчищены остатки детского костяка.

Западнее описанного ряда богатых мужских погребений располагается ряд могил женщин, детей и юношей-подростков, а восточнее – еще два неровных ряда, в которых встречаются мужские, женские и детские погребения.

Для мужских могил характерны относительно крупные размеры: длина от 250 до 350 см при ширине 100–175 см. Длина женских могил 180–225 см, ширина 70–120 см. Глубина колеблется от 70 до 120 см от современной поверхности, преобладает 80–90 см. Могилы преимущественно имели вертикальные стенки и ровное дно, но встречались и с боковыми приступками, т. е. заплечиками.

Все захоронения совершены по обряду ингумации, т. е. погребены в нормальном состоянии. Погребенные уложены в могилах вытянуто на спине и ориентированы головой на запад с небольшими отклонениями к северу или югу. Под костяками, а иногда и поверх них зафиксированы фрагменты досок от гробовищ, а также остатки войлока, древесной коры и грубой ткани, выстилавших дно. Во многих могилах, в засыпи и на дне, наблюдались включения углей и золы, в детском погребении № 18 поверх скелета обнаружены обуглившиеся деревянные плашки, скорее всего, обожженная крышка гробовища, а в погребении № 36 (ребенка 1,5 лет) дно могилы в изголовье имело следы обугленных досок. Видимо, огонь играл определенную роль в

погребальном обряде, хотя трупосожжений не встречено.

Погребенные хоронились в одежде, от которой сохранились фрагменты истлевших шелковых и шерстяных тканей, кожи и меха; сопровождалась различными вещами – украшениями, немногочисленными орудиями труда, а мужчины, кроме того, оружием. Характерен для могильника и обряд сопровождения умерших погребальной пищей. В 31 могиле первой группы найдены лепные глиняные сосуды, стоявшие обычно справа или слева у черепа. Изредка встречались и остатки деревянных чашек с серебряными обкладками по краю. Интересны костяные ложки-лопаточки, иногда лежащие рядом с сосудом. В 23 могилах, в основном мужских, реже женских и детских, встречены кости животных – остатки мясной пищи, причем наиболее частой находкой этой категории (17 из 23 случаев) является крупная бедренная кость лошади, лежавшая, как правило, в изголовье, неподалеку от сосуда. В единичных случаях встречены ребра, крестцы или скопления нескольких раздробленных костей.

Половина могил взрослых – восемь мужских и четыре женских – сопровождалась частичными захоронениями коней. В семи случаях – это черепа лошадей, в остальных – череп и кости ног. В ряде могил (особенно детских) найдены, кроме того, хвостовые позвонки лошадей. Это остатки захоронений шкуры коня вместе с головой, ногами и хвостом, или же шкуры коня без головы и ног. Кости коней лежат у ног погребенных на 10–15 см выше дна могилы или непосредственно на дне справа, слева или прямо перед ногами (рис. 4, 6, 8).

Очень специфической особенностью ритуала могильника является применение погребальных лицевых покрытий. В семи мужских и двух женских захоронениях на лицах погребенных, непосредственно на глазницах, обнаружены наглазники – округлые или прямоугольные пластины из листового серебра с маленькими отверстиями по краям для пришивания (рис. 3: 1–3). Под ними сохранились фрагменты ткани – видимо, лица умерших обертывались или покрывались тканью, на

которую и нашивались наглазники. Обычно пластин две, но встречаются и по одной пластине, удлинённой на оба глаза.

Оригинальным представляется прослеженный в нескольких случаях обряд завязывания ног погребенного (обычно женщин) кожаным ремнем, иногда с накладками (погребение № 47) (рис. 10).

Вскрытые в 1979–1985 гг. погребения имеют некоторые отличия от описанных выше. Во-первых, они сильно разбросаны по всей площади раскопа и не имеют такой компактности (рис. 1). За эти годы всего выявлено 89 могил и не менее чем 100 костяков, но они раскиданы на значительно более обширной площади – почти 1300 м² в первой группе. Во-вторых, почти все они ограблены в древности, причем очень точно по контуру могилы, что свидетельствует о наличии над каждой из них внешнего признака, скорее всего, в виде отдельной небольшой насыпи. В-третьих, хотя все захоронения были и здесь совершены по обряду ингумации, но наряду с обычным труположением здесь отмечается и обряд вторичного погребения, когда в могилу помещали не тело умершего, а груды костей от тела, первоначально, очевидно, находившегося на поверхности (см. об этом ниже).

В остальном погребения, выявленные в 1978–1985 гг., близки к погребениям 1-й группы – неглубокие ямы, положение умерших на спине головой на запад, нередкое сопровождение, особенно взрослых, частичным конем, следы наглазников, сосуды и т. п.

Остановимся на характеристике погребального инвентаря, касаясь параллельно размещения вещей в могилах и связанных с этим формы и деталей костюма, некоторых дополнительных особенностей погребального обряда и т. п. Все это можно рассмотреть лишь по материалам нетронутых грабителями погребений первой группы. Именно здесь относительно хорошо сохранились те или иные украшения и детали костюма и головных уборов: височные подвески, серьги, бусы, подвески к ожерельям, пуговицы, украшения на косниках, перстни, браслеты, детали поясных наборов, металлические нашивки на рукава и

обувь, располагавшиеся там, где они обычно носились при жизни (рис. 2–11).

Остатки головных уборов сопровождали только женские захоронения и были, видно, специфически женской деталью костюма. От них сохранились фрагменты кожи, ткани, серебряные бляшки разнообразной формы: округлые с тройными или двойными выступами по двум сторонам, сердцевидные с ушком, восьмеркообразные с перехватом. Они украшали венчики, располагаясь по 30–35 штук в ряд (рис. 5: 1; 11: 4).

Разнообразны височные подвески и серьги, выполненные преимущественно из серебра, иногда с позолотой. У женщин подвески встречаются попарно. Они, как правило, массивны и, видимо, крепились к венчикам головных уборов по одной с каждой стороны. Это обычно литые с полуовальным кольцом и ажурным прорезным щитком прямоугольной или трапециевидной формы; или составные с овальным кольцом и булавообразным напуском на стержне, украшенным зернью; составные с овальным кольцом и нанизанными на стержень крупными металлическими бусами с прокладками в виде мелких шариков. Встречены и бронзовые цельнолитые серьги с 4–5 бусинами. В двух случаях височные подвески в женских захоронениях были соединены цепочками, лежавшими под нижней челюстью в области шеи и, очевидно, в свое время при ношении свободно свисавшие под подбородком. Мужчины, как правило, носили лишь одну серьгу, обычно с правой стороны. Это серьги так называемого салтовского типа – литые с овальным колечком и стерженьком, украшенным вздутиями. В детских погребениях обычно простые колечки или небольшие сережки с нанизанными серебряными бусинами.

Бусы и бисера в погребениях относительно немного, и они более однообразны. Преобладают многочастные бусы с металлической прокладкой, а также желтый и синий, редко зеленый и белый, рубленый бисер. В составе ожерелий в отдельных женских и детских захоронениях встречены раковины-каури, а у детей – просверленные клыки кабана, медве-

дя, зубы бобра, куницы, рыбы позвонки и т. п. У мужчин и детей ожерелья скромны и состоят из 3–5 многочастных бусин и бисеринок. У женщин количество бус и бисера колеблется от 30 до 150 (преобладает бисер).

К числу шейных украшений относятся довольно многочисленны литые или штампованные серебряные или бронзовые подвески. Особенно характерны листовидные подвески, плоские или слегка выпуклые, гладкие или чаще с прорезьями, встреченные у мужчин и детей – по одной на шее, у женщин – наборы по 3–5 штук. Подвески крепились к ожерельям из бус или составляли отдельные ожерелья на шнурках, чередуясь спиралевидными пронизьями. Иногда такие подвески украшали и верхнюю одежду. В семи погребениях в качестве подвесок к ожерельям найдены восточные монеты.

Специфически женскими и девичьими украшениями являются шумящие подвески, прикрепленные к медным цепочкам длиной 30–35 см и встреченные попарно на груди. Очевидно, они вплетались в косы. Преобладают шумящие подвески с ажурным щитком арочной формы с изображением четырех- или пятилепестковой розетки, спиральными завитками или прорезные.

С левой стороны верхней части груди преимущественно женских погребений обнаружены своеобразные туалетные принадлежности в виде тубиков из тонких серебряных листов с тиснением, между которыми располагалась пропитанная благовониями прокладка – это так называемые «флакончики». К туалетным принадлежностям следует отнести также бронзовые ложечки, зеркало из белой бронзы с циркульным орнаментом на обратной стороне, а также костяные гребешки (рис. 11).

Во многих погребениях – мужских, женских, детских – встречены перстни и браслеты. Обычно по одному у мужчин, а у женщин иногда по два-три экземпляра. Перстни, обычно серебряные, в основном одного типа – с гнездом для вставки и четырьмя захватами, в котором крепились вставки из зеленого, синего или красного стекла, в двух

случаях из сердолика. Браслеты преимущественно бронзовые, достаточно разнообразные: пластинчатые с изогнутыми концами, без орнамента и орнаментированные насечками; дровые – круглые или слегка овальные в сечении с приостренными или ровными концами; прямоугольные в сечении с расплюснутыми концами, укрепленными треугольными выемками или со слегка загнутыми концами, украшенные насечками, шести- и восьмигранные с расширяющимися концами, без орнамента или с кружковым орнаментом на 3–5 наружных гранях, прямоугольные в сечении с волнистой наружной поверхностью, дополнительно украшенной нарезками, круглопроволочные с приостренными концами; витые из двух проволок, а также витые из двух проволок и дополнительно перевитые тонкой сканной проволокой; пластинчатые с расширенными в виде змеиных головок концами и т. п.

Особенно интересны поясные гарнитуры, детали которых встречены почти во всех взрослых и ряде детских захоронений. Они представлены пряжками, бляшками разной формы и наконечниками ремней. Детали поясных наборов выполнены в большинстве случаев из серебра в технике литья, реже штамповки, и украшены, как правило, изящным орнаментом. Литой узор иногда дополнен гравировкой, а фон позолочен (рис. 3: 16; 5: 33–39; 7: 8–15; 9: 3–7; 11: 4, 9, 12; 12).

Среди пряжек преобладают щитковые. Половина из них – с подвижным соединением, остальные имеют щиток, неподвижно скрепленный с рамкой. Поясные бляшки по форме разнообразны: квадратные, арочные, овальные, сердцевидные, округлые, в форме полумесяца с шишечками у концов, гладкие и прорезные, а также бляшки с ушком и продетым в него подвижным колечком. Наиболее распространенным орнаментальным мотивом в украшении поясных наборов является трилистник, встречающийся в разных вариантах: одиночный трилистник, окаймленный бордюром; серия трилистников, расположенных друг над другом в виде древа жизни; сложные

композиции из трилистников. Часто трилистники дополняются изображением строенных ягод. Следует отметить, что в большинстве случаев контуры отдельных листьев в трилистнике обрисованы достаточно четко, т. е. стилизация фактически отсутствует. Стилизованный трилистник в комбинации с пальметкой, характерный для прикладного искусства салтовской культуры, встречается значительно реже. Очень своеобразен и характерен для могильника выпуклый бордюр по краям бляшек, наконечников и пряжек, составленный из чередующихся овальных и круглых звеньев. Он отмечен почти на всех литых наборах. Помимо растительных узоров, на деталях поясных гарнитуров представлены изображения животных, преимущественно фантастических, и человеческие фигуры. В сюжетах и их трактовке ощущается влияние восточного, и в частности сасанидского, а также согдийского искусства. Особенно любопытны изображения крылатых коней, грифонов, крылатых собак и т. п. (рис. 12). В целом художественный стиль изделий очень выразительный и достаточно своеобразный.

Орудия труда в погребениях немногочисленны. Это обычно ножи, положенные у левой руки, между берцовыми костями, иногда под черепом. У женщин чаще всего нож был подвешен к поясу справа на кожаном ремешке, продетом сквозь спиралевидные пронозы; у мужчин он обычно лежал у левой голени, очевидно, засунутый в сапог. Ножи однолезвийные, отличаются лишь размерами: у мужчин, как правило, ножи более крупные (длина лезвия 9–13 см), у женщин и детей более миниатюрные (лезвие 6–8 см). В двух случаях сохранились чехлы-ножны от ножей с обкладками из листового серебра. Известны находки шильев, иголок. В мужских могилах найдены кресала в виде небольших железных пластин и кремни, обычно справа у таза рядом с поясом. По всей вероятности, они были подвешены к поясу в специальных мешочках или кисетах, в которых находился весь набор огнива.

В некоторых женских погребениях были положены деревянные рукоятки нагаек или

стеки длиной 45–50 см с костяным навершием клювовидной формы или бронзовым набалдашником. По всей длине они были обернуты медной пластинкой, крепившейся к деревянной основе мелкими гвоздиками (рис. 4: 44 на плане).

Оружие, происходящее исключительно из мужских могил, представлено саблями, наконечниками стрел и остатками луков.

Сабли – важнейший и дорогой вид кочевнического оружия эпохи средневековья – довольно частая находка в Больше-Тиганском могильнике. На 23 погребальных мужских захоронения, включая два кенотафа, приходится 9 сабель (рис. 3, 7, 9). Обычно они лежали слева от погребенных. Все сабли относятся к одному, так называемому хазарскому типу, являющемуся ранней формой в развитии сабель (Мерперт, 1955). Все они однолезвийные, слабо изогнутые, короткоконечные. Длина клинков 70–75 см, ширина у рукоятки 3–3,5 см. Стержень рукоятки длиной 9–10 см всегда несколько наклонен в сторону лезвия, а заостренный конец клинков чуть приподнят в противоположную, т. е. лезвия очень незначительно выгнуты. Длина всей сабли вместе с ножнами, деревянной частью рукоятки и металлическим, часто серебряным, навершием, обычно венчающим рукоять, 90–100 см. Навершия, как правило, литые из двух половин с округлым верхом и двумя отходящими вниз боковыми выступами – «язычками». Перекрестия – железные, напускные, длиной около 9 см с расширением посередине, в большинстве случаев прямые с расплюснутыми овальными или подромбической формы концами. Есть также единичные экземпляры со слегка опущенными вниз концами, завершающимися шарообразными утолщениями. От ножен сохранились фрагменты дерева и кожи, которой они были обтянуты, к которым крепились петли для подвешивания сабель к поясу и в ряде случаев обкладки из листового серебра и литые серебряные наконечники, иногда с позолотой. Петли для подвешивания сабель имеют деревянную основу в виде полуовала, облицованную серебряной пластиной или кожей и окантованную по краю металличе-

ской обоймой. В центре петель – бронзовые или железные скобки, куда зацеплялись ремешки. Детали оформления сабель и ножен и, в частности, орнаментальное оформление накладок, петель и т. д. различны. Немногочисленны боевые железные топоры узко вытянутой формы с расширенным лезвием на одном конце и молоточковидным бойком на другом.

Наконечники стрел, найденные преимущественно в мужских погребениях в количестве от 3 до 10 штук в каждом, разнообразны: несколько втульчатых с пером ромбовидной формы, но абсолютно преобладают черешковые – трехлопастные, плоские и граненые (рис. 3, 7, 9). Стрелы, лежавшие в большинстве случаев справа и слева у ног погребенных, были вложены в колчаны, от которых сохранились бронзовые или железные оковки дна, боковые петли, а также крючки для подвешивания. Довольно часто встречаются костяные накладки сложных луков, обычно срединные, по две штуки. Во всех прослеженных случаях стрелы в колчанах лежали наконечниками вверх.

Детали конской сбруи, найденные в могилах, состоят из железных двусоставных удил с перегибами и эсовидными или прямыми гвоздевидными железными псалиями (рис. 7, 9). Стремена имеют овальную верхнюю часть, но отличаются по форме подножек и петель. Интересны остатки уздечных наборов, состоявших из кожаных ремней, украшенных металлическими накладками и соединенных между собой тройными или простыми кольцами (рис. 13).

Погребальная посуда, как уже отмечалось, представлена остатками деревянных чаш с серебряными обкладками и глиняными, лепными от руки, сосудами. Выделяется единственный сосуд, изготовленный на гончарном кругу, – небольшой кувшинчик (высота 14 см) палевого цвета с расширенным сливом и следами лощения по тулову – крестообразным в верхней части и вертикальным в нижней (рис. 15: 1).

Среди лепных сосудов абсолютно преобладают круглодонные. Цвет их темнокоричневый, иногда черный. Сосуды имеют

небольшие размеры (диаметр горла от 4 до 8 см, диаметр тулова от 7 до 14 см, высота 6–9 см), тонкие стенки (2–3, редко 4 мм) и следы лощения на наружной поверхности. Форма однотипна: округлое дно, шаровидное или реповидное тулово и невысокая (1–2 см) шейка. По форме верхней части выделяются три разновидности – с цилиндрической горловиной и резким переходом от горла к тулову со слегка отогнутой наружу шейкой и более плавным переходом и чашевидные сосуды, но с профилированным краем. Преобладают сосуды первой разновидности. Абсолютное большинство сосудов орнаментировано по шейке, плечикам и верхней части тулова (рис. 3, 5, 9, 11). Орнамент, как правило, выполнен с большой тщательностью и состоит из 5–6 горизонтальных поясков, составленных из оттисков короткого мелкозубчатого штампа, чередующихся иногда поясками тонких резных линий. Внизу орнаментальный узор нередко завершается фестонами, нанесенными по тулову резными линиями или оттисками того же мелкозубчатого штампа. На некоторых сосудах весь орнамент выполнен тонкими резными линиями, но сохраняет ту же композицию. Венчики покрыты тонкими насечками. Во многих случаях орнаментирован насечками и верхний край горловины внутри сосудов. В целом большая часть круглодонных сосудов могильника относится к типу, известному под названием кушнаренковского, иллюстрируя поздние этапы его развития.

Многие из описанных вещей были широко распространены в последней четверти I тысячелетия нашей эры в степной и лесостепной полосе Восточной Европы и хорошо представлены, в частности, в могильниках салтовской культуры. Сюда относятся сабли, многие типы наконечников стрел, удила с эсовидными и гвоздевидными псалиями, оба типа стремян – с плоской и округлой подножкой, некоторые типы поясных наборов, круглопроволочные браслеты, перстни со вставками и четырьмя лапками-захватами, бронзовые пуговицы, коромыслообразные подвески-костыльки, многие типы бус и некоторые височные подвески – цельнолитые со стерженьком, украшенным

вздутиями, и составные с нанизанными на стержень металлическими бусами. Аналогии этим вещам в салтовских памятниках хорошо известны и датированы в основном VIII – первой половиной IX вв. Что касается остальных вещей могильника, не представленных среди салтовских древностей (в основном это украшения женского костюма, некоторые детали поясных наборов и керамика), то они имеют параллели в памятниках второй половины VIII–IX вв. в Верхнем Прикамье и особенно в Башкирии. Так, височные подвески с булавообразным напуском, украшенные зернью; литые сережки с гроздевидной привеской; пластинчатые, витые и граненые браслеты; шумящие подвески – коньковые и арочные со спиральными завитками на щитке; плоские подвески в виде четырехлепестковой розетки; рожковые и колокольчиковидные привески к поясам; пронизи со вздутиями – прорезные и без прорезей на вздутиях – частые находки в могильниках позднеломатовской культуры Верхнего Прикамья, преимущественно в комплексах второй половины VIII – первой половины IX вв. Почти все перечисленные украшения известны и в более южных районах – в могильниках второй половины VIII–IX вв. на территории Башкирии и прилегающих к ней восточных районов современной Татарии: Чишминском, Кушулевском, Стерлитамакском, Старо-Халиловском, Лагеревском, I–II Бекешевских, Старо-Мусинском, Ишимбаевском, Хусаиновском, Каранаевском, Ямаши-Таусском и др. (Халикова, 1976б).

Вместе с тем только в этих могильниках встречены многие типы очень характерных вещей, имеющих в Больше-Тиганском могильнике и отсутствующих в ломатовских (Голдина, 1985). Это специфические украшения женских головных уборов – кожаные венчики с многочисленными бляшками; литые височные подвески с полуовальным кольцом и массивным ажурным щитком прямоугольной и трапециевидной форм; листовидные подвески к ожерельям; подвески ромбической формы с выступами по углам; накладки и подвески с бордюром – цепочкой по краю; серебряные пряжки без щитка, многие поясные

наборы, особенно с крупными гладкими неорнаментированными бляшками квадратной, арочной и полулунной формы с шишечками на концах и т. п.

Во многих из вышеназванных памятников восточной Татарии и Башкирии находят аналогии и лепная посуда Больше-Тиганского могильника, на чем мы еще остановимся ниже. Если к тому же учесть, что в этих памятниках обильно представлены вещи салтовского круга – литые сережки салтовского типа, лапчатые перстни со вставками, подвески-«костыльки», удила с эсвидными и гвоздевидными псалиями, сабли и т. д., то станет очевидным, что в ряде могильников Башкирии второй половины VIII–IX вв. почти полностью повторяется весь комплекс вещевого материала Больше-Тиганского могильника. Показательно и то, что более 40 типов вещей Тиганского могильника имеют аналогии с материалами Больше-Тарханского раннеболгарского могильника VIII–IX вв. (Генинг, Халиков, 1964). В основном это вещи, широко распространенные в салтовском круге памятников – стрелы, накладки на луки и колчаны, детали сбруи и т. д. Среди специфических общих вещей можно назвать лишь шумящие подвески арочной формы со спиралевидными завитками на щитке.

Совокупность приведенных аналогий достаточно убедительно датирует инвентарь первой группы погребений Больше-Тиганского могильника второй половиной VIII–IX вв., а найденные в погребениях монеты позволяют еще более конкретизировать эту дату. Все монеты, как уже говорилось, использовались в качестве украшений, они пробиты или снабжены ушками. Наиболее ранняя монета – драхма омейядских наместников Ирана с портретом Хосроя II (590–628 гг.) и с именем наместника Зийяд ибн Аби Суфьяна, чеканенная в 50-х гг. хиджры (670-е гг.), наиболее поздняя – 171 г. хиджры (787–788 гг.) (Халикова, 1976б). Первую группу погребений Больше-Тиганского могильника, таким образом, следует датировать концом VIII – первой половиной IX вв., хотя отдельные периферийные погребения, единичные и

ограбленные, могли быть и несколько более поздними. Об этом свидетельствует найденная в погребении № 65, изученная в 1980 г. монета – саманидский дирхем, чеканенный в 287 г. хиджры (900 г. н. э.) (Халиков, 1984а – см. об этом ниже).

Погребальный обряд и массовый материал Больше-Тиганского могильника, достаточно выразительный и своеобразный, находит почти полные аналогии в собственно венгерских могильниках на Дунае, относящихся к так называемому времени «завоевания Родины» и датирующихся концом IX – первой половиной X вв. (Halikova, 1976).

Больше-Тиганский могильник сближается с ними многими особенностями, составляющими вместе с тем целостный комплекс.

Так, для наиболее ранних собственно венгерских могильников, как и для Больше-Тиганского, характерно расположение могильников на возвышенных местах, преимущественно на холмах (см. Тисабездед, Кенезлэ I и II, Эперешке, Сегед-Боярхалом, Карош и др.), отсутствие сохранившихся внешних признаков, небольшие размеры кладбищ, принадлежавших, по мнению венгерских исследователей, патриархальным семьям (Тисабездед – 18 могил, Кенезлэ I и II – по 25 могил, Башхалом – 24, Эперешке – 8 и т. д.), характерное расположение могил, при котором центральное положение занимают богатые захоронения мужчин-воинов (Fodor, 1982; Valint, 1989). При преобладании простых по конструкции могильных ям с отвесными стенками у древних венгров известны и широкие, преимущественно мужские, могилы с односторонними заплечиками-ступеньками. Подобно Больше-Тиганскому могильнику, в древневенгерских некрополях абсолютно господствует ориентировка погребенных головой на запад, иногда с небольшими отклонениями к северу или югу. Обряд трупосожжения неизвестен, но так же, как в Тиганах, встречаются в могилах угли, зола, обугленное дерево. Несмотря на плохую сохранность дерева, в древневенгерских могильниках обнаружены остатки гробовищ и досок, выстилавших дно могил,

иногда кора берез и т. п. Известен и обряд сопровождения умерших погребальной пищей – примерно 15% древневенгерских захоронений сопровождалось глиняными сосудами, причем обычно они ставились так же, как и в Больших Тиганах, в изголовье, редко у ног погребенных.

Встречаются в погребениях, причем также обычно в изголовье, и кости домашних животных: чаще всего берцовые и позвонки, т. е. остатки лучшего мяса. Специфической чертой погребального обряда древневенгерских некрополей, роднящей их с Больше-Тиганским могильником, является захоронение рядом с умершим шкуры коня вместе с головой и ногами. Причем древние венгры, как правило, не делали чучела лошади, как это имело место, например, у печенегов или торков, а клали шкуру без набивки. Череп и кости ног коней чаще всего располагаются у ног погребенных: слева, иногда справа, перед ногами, в единичных случаях, подобно тому, как в некоторых погребениях Больше-Тиганского могильника, на заплечиках. Венгерские исследователи (см. Ч. Балинт, И. Диенеш, И. Эрдели и др.) считают эту форму захоронения с конем типично древневенгерской (ПАДИУ, 1972). В некоторых могильниках на Дунае, подобно Тиганскому, до половины и более могил сопровождаются этими характерными комплексами костей лошади (Тисабездед – 12 из 18, Кенезлэ II – 15 из 25, Башхалом – 11 из 22, и т. д.), и не только мужские, но часто и женские (Fodor, 1982).

Не менее важен еще один общий, очень своеобразный элемент обряда – применение погребальных масок. Впервые на эту деталь обряда древних венгров обратил внимание И. Диенеш (Dienes, 1972) благодаря находке в погребении 10 могильника Тисаэслар – Башхалом II, где череп скелета был обернут кожаным лоскутом, а на место глаз и рта наложены тонкие серебряные пластины четырехугольной формы. Подобные пластины – наглазники и наротники, а иногда только наглазники (например, погребение 5 в Кенезлэ, погребение 4 в Шошхартянь – Хоссутетё, погребение воина у с. Пилинь и др.), положенные или нашитые

в свое время на лицевые покрытия из ткани или кожи, зафиксированы теперь во многих могильниках венгров в Карпатском бассейне, причем так же, как и в Больше-Тиганском могильнике, преимущественно в богатых мужских погребениях (Dienes, 1972). Аналогичны и сами пластины – небольшие, сплошные (без прорезей), округлой или подпрямоугольной формы, из литого серебра, иногда с позолотой.

В Больше-Тиганском могильнике серебряные пластины использовались не только в качестве лицевых покрытий. В трех мужских могилах они найдены у предплечий. Очень любопытно, что такие же находки обнаруживаются и у древних венгров. И. Фодор (1982) полагает, что эти накладки отмечали сердце. Нам же, исходя из наших материалов, кажется вполне вероятным использование таких пластин-нашивок на рукаве в качестве знаков отличия мужчин-воинов, связанных с положением в дружинном войске.

Очень близки в нашем и древневенгерском могильниках состав и размещение в могилах погребального инвентаря. Что же касается типологии вещей, то полной близости ожидать не приходится, т. к. сравниваемые памятники разделяет семь-восемь десятилетий, а в большинстве случаев – столетие и более. Особенно близок набор вещей в мужских погребениях (см., например, погребения № 9 и 10 могильника Башхалом I, погребения № 2 и 3 у Стреда под Бодрогом и др.). В наиболее полном варианте он включает: серьги (часто только одну, как и в Больших Тиганах, справа), бронзовые пуговицы, браслеты, поясной набор, нож, огниво и кремь в специальной сумочке, костяные накладки на луки, сабли, реже копыя и топоры. Сабли в интересующую нас эпоху были достаточно распространены в степях Евразии. Но у многих народов, в частности у алан и болгар, обряд захоронения с саблей не получил широкого распространения, ибо, как полагают исследователи, у болгар по обычаю сабля передавалась сыну умершего и лишь в редких случаях попадала в могилу. Иное дело у древних венгров. В их могильниках на Дунае найдено уже свыше 120 сабель

(Kovács, 1987). Можно думать, что положение сабель в могилу входило у венгров в ритуал захоронения знатных воинов. С этой точки зрения находка 9 сабель в небольшом Тиганском могильнике, где всего 20 неграбленных мужских погребений, – весьма показательный факт.

В инвентаре женских могил отличий несколько больше. Это объясняется не только хронологическим разрывом. Известно, что накануне переселения за Карпаты венгры понесли большие потери в столкновениях с печенегами и болгарами, которые в основном коснулись их семей. Нехватка женщин ускорила слияние венгров-завоевателей с аборигенным населением Карпатского бассейна. И тем не менее в древневенгерских памятниках можно проследить интересные параллели в характерных особенностях женского костюма и украшений. Во многих женских могилах обнаружены остатки головных уборов, украшенных по венчику литыми бляшками (Сегед-Боярхалом, Хенцида, Орошхаза II, Карош и др.). Форма бляшек иная, нежели в Тиганах, но важно сохранение самой традиции. Из старых типов височных подвесок сохраняются у венгров поздние разновидности составных сережек с напускными бусами и несколько видоизменившиеся литые серьги с гроздевидной привеской, не считая простых колечек с несомкнутыми концами. В отдельных случаях сохраняется и древняя традиция соединять женские височные подвески цепочкой. Эта интересная деталь зарегистрирована в погребении X в. у Дьёра, где височная подвеска с напускными бусами обнаружена вместе с прикрепленной к ней длинной цепочкой. Бытуют у древних венгров и ожерелья из бус или цепочек с листовидными подвесками (Кунсентмартон, Хотин, Шошхартянь-Хоссутетё, Клоштар, Карош и др.). Причем сами подвески листовидной формы – одинарные и двусоставные, соединенные с бляшками округлой и ромбической формы – одно из наиболее распространенных у венгров женских украшений, использовавшихся не только для ожерелий, но и для головных венчиков, воротников одежды, поясов, украшений кос. В боль-

шинстве случаев по деталям оформления они отличаются от Тиганских, будучи покрыты разнообразным орнаментом, но в некоторых случаях все же сохраняют очень близкую к исходной форму (Оросламош, Гёделлэ и др.). И, наконец, еще одна общая деталь женского убора – накосники. Они продолжают бытовать у венгров в X в., хотя форма их меняется. На смену шумящим подвескам на цепочках приходят крупные листовидные или круглые (литые ажурные или штампованные из листового металла с тисненым орнаментом) бляхи, крепившиеся к шнуру или к ленте и вплетавшиеся в косы. Иногда их дополняли привески из бус и спиральных пронизей (см. особенно материалы могильника Карош на р. Бодрог).

Список параллелей можно было бы продолжить за счет других предметов – литых пуговиц, во множестве встречающихся у древних венгров, лапчатых перстней со вставками, граненых, пластинчатых и витых браслетов, костяных наверший на трости (точнее, видимо, на стеки и кнуты) в форме птичьих головок и т. д., но эти вещи распространены достаточно широко. Мы остановимся на более специфических аналогиях – форме и орнаментации поясных бляшек и наконечников (не касаясь широко распространенных форм), а также на стиле художественного оформления металлических изделий в целом. В отдельных случаях сходство здесь доходило до деталей: поясные накладки в форме полумесяца с шипечками у концов из могильников Башхалом I и у г. Бана аналогичны Тиганским накладкам; бляшки с концевым ремешка из погр. 2 могильника Надькёреш с трилистником в центре и бордюром по краю как бы повторяют подобные бляшки из Тиган, так же как бляшки с подвижным колечком, украшенные изображением трилистника и ягод, из могильника Вереб. Мотив трилистника – один из наиболее распространенных в прикладном искусстве древних венгров, причем здесь представлены все его основные варианты, известные и в Больше-Тиганском могильнике: одиночный трилистник, серия трилистников, расположенных друг над другом по вертикали, – «дерево жизни», сложные композиции из трилистни-

ков, связанных друг с другом ветками и т. п. Достаточно часты на металлических изделиях венгров и изображения животных, в том числе фантастических существ, в трактовке которых, подобно Тиганам, ощущается влияние сасанидского искусства. Сюжет сенмурва в варианте, близком к тиганскому, повторяется на копоушке из Эгера и на крышке сумки из Бездеда. Очень близка трактовка животных (с хвостом, зажатым между задними лапами) на накладках из Тиган и из могильника Гадорош. И, наконец, еще одна любопытная параллель, которая, возможно, прольет свет на загадку сокровищ из Надь-Сент-Миклоша (László, Rácz, 1977). Изображение грифона на наконечнике ремня из погр. 23 Больше-Тиганского могильника (рис. 12: 15, 17) по стилю исполнения и трактовке деталей (крыльев, нижней части туловища, лап) напоминает грифонов на некоторых изделиях из этогоклада. Особенно близко к нашему изображение стоящего грифона на одной из чаш с пряжкой и изображение грифона, терзающего оленя, на одном из кувшинов. Создается впечатление, что мастер, изготовивший наш наконечник, заимствовал сюжет и его трактовку с восточных изделий, очень близких, если не идентичных, надьсентмиклошским.

Важной и очень характерной общей деталью художественного оформления металлических бляшек и наконечников является и своеобразный бордюр в виде цепочки из чередующихся овальных и круглых звеньев.

Вся совокупность приведенных аналогий, среди которых главная роль принадлежит параллелям в погребальном обряде (Халикова, 1972; 1976б), убедительно свидетельствует о принадлежности Больше-Тиганского могильника одной из групп ранних венгров, кочевавших в конце VIII – начале IX вв. в левобережье Нижней Камы.

Выразительный археологический комплекс Больше-Тиганского могильника позволяет выделить подобные ему памятники в сопредельных районах и на этом основании археологически наметить территорию легендарной древней Венгрии, или «Magna Hungaria».

Особенно интересна и важна в этом отношении лепная керамика могильника, относящаяся в преобладающей массе к кушнаренковскому и близкому ему караякуповскому типам. Наибольшее число памятников с такой керамикой сосредоточено на территории бассейна р. Белой, Ик и Нижней Камы (рис. 16). Наиболее «чистые» и выразительные комплексы её дали Хусаиновские, I и II Бекешевские курганы в Башкирии. Находятся эти памятники на восточных склонах Южного Урала и датируются второй половиной VIII – началом IX вв. Встречены кушнаренковские сосуды в некоторых захоронениях Стерлитамакского могильника второй половины VIII – первой половины IX вв. и Иткучуковском могильнике этого же времени в той же Башкирии (Казанцев, 1981; Казанцева, Ютина, 1986).

Интересен Лагереvский курганный могильник на р. Ай в северо-восточной Башкирии, где есть курганы, синхронные нашему могильнику. Отдельные курганы, а иногда и вводные погребения с кушнаренковской керамикой известны и в других курганных могильниках Башкирии второй половины VIII – IX вв.: Старо-Халиловском, Каранаевском, Муракаевском и др. (Мажитов, 1981).

В перечисленных памятниках Башкирии с кушнаренковской керамикой находятся по преимуществу и те многочисленные аналогии вещевому инвентарю Больше-Тиганского могильника, которые приводились выше.

Близок и погребальный обряд этих памятников: особенно преобладание могил с отвесными стенками при наличии ям с односторонними и двусторонними заплечиками; ориентировка погребенных головой на запад, иногда с отклонением до северо-запада и юго-запада; следы гробовищ, углей, обугленных плашек и обожженных гробовищ. Характерно для обряда однотипное положение сосуда и крупной кости ноги лошади (хороший кусок мяса) в могиле. Близки набор и расположение остальных вещей: достаточно часты сабли, аналогичны детали женского костюма, интересна в Бекешеве находка деревянного «стержня», обвитого бронзовой пластиной, аналогичного стеку из Тиган. Комплексы конских костей

(череп и кости ног) встречаются часто, но лежат они большей частью рядом с могилами на погребенной почве (под курганными насыпями), что наблюдалось и в Больших Тиганах. Редко, но тем не менее известны в Башкирии находки погребальных лицевых покрытий-наглазников (Стерлитамакский могильник). Встречаются в памятниках Башкирии и очень специфические особенности обряда, отмеченные в Тиганах – связывание ног покойников (I Бекешево, Ямаши Тау), расчленение черепа коней, когда нижние челюсти были положены отдельно (I Бекешево), и, наконец, кенотафы (Лагерево, Валиши, Ишимбаево). К памятникам, близким Больше-Тиганскому, можно отнести еще ряд могильников Приуралья – Ромашкинское погребение VIII в. в Оренбургской области; курган I Старо-Мусинского могильника в Башкирии; некоторые погребения Кушнаренковского могильника, Чишминский могильник в Татарии с тем же характерным частичным захоронением коня и специфическими женскими украшениями.

Все это не оставляет сомнения в том, что легендарная Великая Венгрия, или «Magna Hungaria», до начала IX в. располагалась на северо-востоке Европы, в лесостепной области между Волгой, Камой и Уралом, т. е. в области, где протекала река Этиль, или Идель, а так в древности называли Волгу снизу до устья Камы, Каму до устья Белой и Белую (Халикова, 1975).

Но когда же появились здесь древние венгры? Думается, что это произошло не ранее рубежа VI–VII вв., ибо именно лишь этим временем датируется начало памятников, как могильников, так и отдельных поселений, содержащих очень характерную для памятников типа Больше-Тиганского могильника кушнаренковскую керамику. Это время хорошо согласуется и с известными по письменным источникам историческими событиями.

Известно, что еще в середине и второй половине VI века в Тюркском каганате – складывающемся в азиатских степях раннекочевническом государстве (Гумилев, 1966) – наряду с тюркютами немаловажную роль играли угорские племена, в том числе и дале-

кие предки венгров. Из их среды выдвинулся один из наиболее удачливых предводителей каганата – Истеми-каган (по Дьерфи, истеми – венгерское слово, обозначающее духа предка), который в 558 г. доходил до низовий Волги, в 567–571 гг. воевал на Северном Кавказе, угрожая одновременно Византии и Сасанидскому Ирану. Византийцы Истеми-кагана называли Дезавулом. Истеми-кагану в 576 г. наследовал его сын Турксанф, которому достались также владения в степях Южного Урала между Аральским морем и Волгой. В 576 г. ему даже удалось захватить Босфор, т. е. северное побережье Черного моря. В 582–583 гг. он предпринимает попытку через Кавказ проникнуть в Иран. Но вскоре, после начавшихся в 584 г. распрей в Тюрксом Каганате, угры, которых уже в это время византийцы начинают именовать тюрками или турками (см. сообщения Менандра) и савирами-сабирами (см. сообщения Феофана), попали в каганате в немилость. В 597 г. угры подняли восстание против тюркютов. Это восстание было жестоко подавлено и большая часть угров ушла в более безопасные северные районы Западного Приуралья и южного Прикамья и здесь образовала существовавшее до начала или середины IX в. полукочевое государство «Великую Венгрию».

Пребывание угров-протовенгров в VI в. в составе Западного Тюркского каганата не прошло бесследно. Именно в это время они, участвуя в непрерывных набегах тюркютов на владения Сасанидского Ирана и Византии, познакомились с достижениями их высокой культуры. Очевидно, именно в это время в их руки попадали несметные богатства, в том числе и великолепные изделия среднеазиатских (согдианских), сасанидских и византийских мастеров. Менандр – византийский историк VII века, так, например, описывает приемный зал Истеми-Кагана (Дизавула): «Дизавул сидел на ложе, которое было все из золота. На середине этого помещения были золотые сосуды и кропильницы и бочки также золотые..., они (византийские послы – А.Х.) вошли в другую комнату, где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе

вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед комнатой на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины и многие изображения четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас. В этом состоит роскошь тюркютского князя» (Менандр, с. 378–379). Часть этих великолепных изделий попадала и в руки воинов, в том числе и угров. Очевидно, ими некоторые из этих предметов были принесены затем в Приуралье и Прикамье, где и осели в виде знаменитых кладов «пермского серебра». Весьма показательным, что большинство этих кладов происходит из районов предполагаемой территории «Magna Hungaria» и окрестных с нею северных земель – см. Уфимский, Куганакский, Шестаковский, Усть-Кишертский, Бартымский и многие другие клады (Халиков, 1971). Многие из них состоят из великолепных серебряных блюд и чаш сасанидско-согдианского и византийского изготовления, сасанидских, реже византийских монет. На ряде из этих изделий имеются изображения крылатых фантастических существ, растительные узоры, которые затем повторяются на украшениях из Больше-Тиганского и близких им могильников VIII–IX вв. Приуралья, в изделиях знаменитого Сент-Миклошского клада и богатых погребений древних венгров в Подунавье – см. Земплин, Ракамаз и др.

В VII–VIII вв. в степях Нижнего Поволжья, Предкавказья и Подонья болгарами и хазарами создается Хазарский каганат, археологическая культура которого для VIII–IX вв. известна под именем салтовской или салтово-маяцкой (Артамонов, 1962). Венгры Великой Венгрии, очевидно, находились в тесном союзе с хазарами и через них восприняли многие элементы салтовской культуры.

Не позже середины VIII в. западное пограничье Великой Венгрии по Волге и в низовьях Камы начинает заниматься ушедшими под давлением арабского нашествия и хазарского притеснения с низовий Волги и северо-восточного Предкавказья болгаро-барсилскими

племенами. Появление последних на Средней Волге фиксируется такими могильниками, как Больше-Тарханский, Кайбельский и др. С этого времени усиливаются венгерско-болгарские контакты, уходящие корнями в более древние века. Но если собственно болгары (барсилы) уже с VIII в. становятся соседями венгр-мадьяр с запада, то с севера (Среднее Прикамье) мадьяры ограничивались более древними болгарами-эсегелами или эскалами (это, скорее всего, иски-эли – старое племя), как об этом писал Гардизи, в какой-то степени повторяя Ибн Русте: «Между владениями болгар и владениями искилей, тоже принадлежащих болгарам, находится область мадьяр» (Заходер, 1967, с. 48). Культура этих искилей (археологически это ломоватовская культура) в значительной степени была близка к культуре древних венгров. Не позже первой половины IX в. искили, или эсегелы, вынуждены были из районов Среднего и Верхнего Прикамья уйти вниз по Каме на Среднюю Волгу, где они соединились с булгарами-барсилами. Это сообщение фиксируется прекращением функционирования в первой половине IX в. большинства ломоватовских и близких им памятников на Каме и Чепце (Голдина, 1985) и началом функционирования на Средней Волге таких могильников, как Танкеевский и Тетюшский, содержащих своеобразную синкретическую барсило-эсегелскую (салтово-ломоватовскую) культуру (Khalikova, Kazakov, 1977).

В результате мадьяры-протовенгры оказываются в достаточно тяжелых условиях, усугубленных тем, что в это же время, т. е. в первой половине IX в. с востока их начинают теснить будущие их почти столетние враги печенеги и близкие к ним древние башкиры. Ибн Русте, автор начала X в., опирающийся в основном на сведения одного из наиболее ранних арабских географов Ибн Хордадбега, писавшего в 840-х годах, сообщает, что первый из краев Мадыарских, т. е. Magna или Maior Hungaria, лежит «между землею Печенегов и землею болгарских Эсегель» (Заходер, 1967, с. 48).

В результате сложившихся тяжелых условий, не позже середины IX века, основная масса венгров была вынуждена уйти из районов между Уралом, Камой и Волгой в область Леведию (лесостепное Подонье), где они, как сообщает об этом Константин Багрянородный, в течение трех лет были вернейшими союзниками хазар, но вскоре опять под натиском печенег были вынуждены двинуться дальше на запад в область Ателькузе, а далее в Паннонию и другие районы современного обитания.

Но часть венгров, очевидно, осталась на прежней родине. По предположению Е.А. Халиковой, эти венгры, может быть, и создавали то племя савар – сувар – суваз (в связи с этим вспомним наименование Константином Багрянородным венгров крепкими савартами), которые, как это сообщает Ибн-Фадлан под 922 г., еще отказывались подчиниться болгарскому царю Алмушу и долгое время оставались язычниками (Халикова, 1976б). Эту версию, между прочим, недавно поддержал и А.П. Новосельцев.

Очевидно, этими племенами и оставлена вторая группа захоронений Больше-Тиганского могильника, которая, судя по вещевому материалу, а также одной монете, относится к IX–X векам (см. об этом ниже). Эти венгры, очевидно, сохраняются в нижней части Волго-Камья вплоть до монгольских нашествий, т. е. до 1236 г., когда они со значительной частью волжских болгар и других народов Среднего Поволжья и Приуралья или были истреблены, или вошли в состав покоренного монголами населения. Но имя венгров-мадьяр в этих краях не исчезло. Как считают исследователи (см., например, работы И. Вашари) имя мадьяр, очевидно, сохранилось в имени мишар, составляющих одну (западную) из частей татар Среднего Поволжья и Приуралья, далеких потомков населения Волжской Булгарии (Vásári, 1975). Об этом мы несколько подробнее остановимся в следующей главе настоящей книги.

2. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПРЕБЫВАНИИ ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ МЕЖДУ КАМОЙ И УРАЛОМ¹

В первом разделе настоящей книги мы постарались показать, как была определена и доказана мысль о размещении древней прародины венгров или области «Великая Венгрия» – «Magna Hungaria» между Камой и Уралом. Первостепенное значение в этом сыграло исследование в 1974–1975 гг. Больше-Тиганского могильника.

Последующее изучение этого памятника, проведенное в 1978–1985 гг. А.Х. Халиковым, позволило ответить еще на ряд вопросов, связанных с проблемой древних венгров, в том числе и на такие, как сравнение культуры древних венгров, живших между Камой и Уралом в VIII–IX вв., с культурой ранних венгров, заселивших в конце IX и начале X в. Паннонию (Халиков, 1984б); вопрос о взаимосвязи культуры древних венгров, болгар и бургас (Халиков, 1985); вопрос о судьбе венгерских племен, оставшихся на территории между Камой и Уралом после ухода основной массы сородичей (Халиков, 1984а), и др.

Однако отнюдь не все исследователи согласны с утверждением, что основная территория древних венгров в VII–IX вв. располагалась в лесостепной зоне между Камой и

Уралом. Так, И. Фодор (1985, с. 22) соглашается с тем, что Больше-Тиганский могильник действительно оставлен древними венграми, но оставшимися на древней родине после ухода основной массы венгров в VI–VII вв. в степи Восточной Европы. Другие археологи, такие как С.А. Плетнева (1981), В.Ф. Генинг (1977б), А. Барта (1972), И. Эрдели (1972), считают, что древние венгры если и были в Приуралье, то только в Южном, а их основная территория кочевий располагалась еще в более южных районах – в предкавказских и нижневолжских степях, в Подонье, но не севернее.

В настоящее время появились новые материалы, вернее оформляется новый взгляд на некоторые старые и давно известные материалы, которые в более документированной форме и с привлечением этнически более достоверных фактов, как, например, данные языка, позволяют утверждать, что территория Древней Венгрии, или «Magna Hungaria», в VII–IX вв. располагалась в лесостепной полосе между Камой и Уралом, точнее между бассейном среднего течения р. Белой и Нижним Прикамьем.

¹ В основу этого раздела положена статья А.Х. Халикова «Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом», опубликованная в сборнике «Проблемы древних угров на Южном Урале». Уфа. БНЦ УрО АН СССР, 1988. 140 с.

Как отмечалось выше, Е.А. Халиковой (1976б, с. 153–156) впервые была подтверждена связь древненевгерских могильников типа Больше-Тиганского могильника с памятниками, содержащими так называемую кушнаренковскую керамику – это изящные тонкостенные шаровидно-цилиндрические сосуды с тонким нарезным орнаментом. Эту идею в последнее время поддержал В.А. Могильников (1983), хотя ряд авторов, например, В.Ф. Генинг (1972) и Е.П. Казаков (1981), считает, что носители кушнаренковской (куштерьяковской, по В.Ф. Генингу, или караякуповской, по Н.А. Мажитову) керамики были самодийцами, палеоазиатами, а Н.А. Мажитов (1977) полагает, что они были башкирами. Территория распространения памятников кушнаренковского типа довольно четко определена в работах В.Ф. Генинга, Е.А. Халиковой, Е.П. Казакова, а в последнее время О.А. Казанцевой и Т.К. Ютиной (1986). Она определяется в основном бассейном среднего течения р. Белой (от Бирска до Стерлитамака), Бельско-Икским междуречьем, бассейном среднего и нижнего течения р. Ик и прилегающим участком Камы, как по левобережью, так и по правобережью (рис. 16). Здесь сосредоточены преимущественно ранние памятники кушнаренковской культуры, датируемые концом VI – первой половиной VIII вв. (Казаков, 1981). Два ранних кушнаренковских курганных могильника (Красногорский и II Береговский) исследованы В.С. Горбуновым в южных районах Башкирии. Как считает исследователь, «они документируют путь продвижения носителей кушнаренковской керамики на территорию Башкирского Приуралья» (Горбунов, 1984).

В этих же преимущественно районах, особенно в бассейне среднего течения р. Белой, а также частично южнее Стерлитамака (Генинг, 1972, рис. 16. Карта распространения находок романовского типа) располагаются памятники романовского типа, увязываемые большинством исследователей с именьковской культурой Среднего Поволжья. Последняя, выделенная в 50–60-е годы

XX века работами Н.Ф. Калинина, А.Х. Халикова (1960), В.Ф. Генинга (1959), П.Н. Старостина (1967) и др., датируется с рубежа VII–VIII вв. и хронологически совпадает со временем (VII в.) бытования ранних кушнаренковских памятников. Именьковская культура характеризуется как культура оседлого земледельческо-скотоводческого населения с укрепленными и неукрепленными поселениями, на которых выявлены наземные и полуподземные жилища прямоугольной и подквадратной формы, грунтовые могильники с погребениями по обряду кремации, глиняной плоскодонной посудой преимущественно горшковидных форм, многочисленными и разнообразными орудиями труда, оружием, украшениями и т. п. Характерны и интересны находки в именьковско-романовских древностях позднеримских, ранневизантийских и сасанидских монет. В противоположность именьковцам-романовцам племени, оставившие памятники с кушнаренковской керамикой, выявляют культуру (преимущественно курганные или одиночные грунтовые захоронения, кратковременные поселения, круглодонная посуда, выраженный культ коня, украшения и оружие всадника и т. п.), характерную больше для кочевнического мира.

Как показали работы Г.И. Матвеевой (1981) и доклады на конференции по проблемам I тысячелетия н. э., проведенной весной 1985 г. в г. Куйбышеве, именьковская культура, как и ее восточный романовский вариант, своим происхождением тесно связана с культурами западного (приднепровского) круга, прежде всего с культурами типа зарубинецкой и постзарубинецкой (типа Почепа), локализованных до II–III вв. н. э. по левобережью Верхнего и частично Среднего Днепра и в бассейне Десны (Седов, 1970, с. 42 и сл.). Из этих районов поздnezарубинецкие племена в конце IV в. были вытеснены на северо-восток волнами гуннского нашествия.

По мнению В.В. Седова (1970, с. 44–48) зарубинецкие и постзарубинецкие племена принадлежали к племенам балтского этноса. В таком случае и именьковско-романовские племена, генетически связанные с поздне-

зарубинецкими и близкими им племенами, должны рассматриваться как балтоязычные. В связи с этим примечательно, что в Среднем Поволжье и западном Приуралье только на территории, занятой в прошлом именьковско-романовскими племенами, встречаются топонимы балтского происхождения (Халиков, 1990а).

Так, В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев (1962) считают характерными для балтских гидронимов следующие речные форманты: на -уса, -са, -ыса. В связи с этим характерны названия рек в бассейне Белой и Ика: р. Уса – левый приток р. Ик, и р. Усень – правый приток р. Ик. На этих реках известны и памятники с керамикой именьковско-романовского типа, например, Карповское городище. На -упе, -уба, -уфа (см. лит. иире, лат. ире – река). Отметим в связи с этим правый приток Белой – р. Уфу, которую башкиры до сих пор называют Өпә. Против устья этой реки сосредоточена основная масса именьковско-романовских памятников, как и в нижнем течении р. Уфы, где выделяются особенно II Уфимское городище и II Ново-Турбаслинский могильник. Известна также р. Уба – правый приток р. Ик.

Именьковско-романовские племена более ста лет (весь VII и начало VIII столетия) очень активно контактировали с кушнаренковскими и близкими им племенами, на что первым обратил внимание П.Н. Старостин (1967), отметивший находки типичных кушнаренковских сосудов на таких именьковских поселениях, как Курган, Щербетьское островное селище в низовьях р. Камы и Татарско-Сюнчелевское городище в бассейне р. Черемшан. Еще более тесными, очевидно, были связи именьковско-романовских и кушнаренковско-караякуповских племен в бассейне р. Белой. Здесь выделяется пока единственный Кушнаренковский биритуальный могильник, сочетающий кушнаренковско-турбаслинские погребения в обряде ингумации с типичными именьковско-романовскими захоронениями в обряде кремации (Генинг, 1977а), а также ряд поселений и других памятников со смешанной романовско-кушнаренковской, романовско-турбаслинской культурами: Кушнаренковское го-

родище; Кушнаренковское селище; Матвеевское, Ахметовское II, Ново-Турбаслинское II селища; городища Кувыковское и Уфа II; Романовские II, VII, VIII селища. Активные контакты именьковско-романовского и кушнаренковского населения прослежены Т.К. Ютиной (1984) на ряде памятников Южной Удмуртии в камском правобережье (см. Верх-Утчанское, Благодатское, Кузебаевское и др. городища).

Очевидно, что все эти именьковско-романовские (древнебалтские) и кушнаренковские (древневенгерские) контакты не остались бесследными, прежде всего для древневенгерских (кушнаренковских) племен, находившихся в это время еще в полукочевом состоянии и испытывавших сильное культурно-экономическое, возможно, и социально-политическое воздействие более развитого земледельческо-скотоводческого оседлого именьковско-романовского древнебалтского населения. Это воздействие должно было оставить значительный след прежде всего в языке (лексическом составе) древних венгров. Однако ни одному из исследователей венгерского языка и венгерской истории не приходила мысль о возможности венгерско-балтских культурно-экономических и языковых взаимосвязей, так как предполагалось, что как древние, так и более поздние венгры и балты никогда территориально не соприкасались и в силу этого никогда не могли контактировать друг с другом. Поэтому в венгерском языке выделяли (см. в связи с этим работы Б. Мункачи, В. Толнай, И. Эрдели, Й. Балашша и др.) иранские и индоиранские, индогерманские (около 100 слов), славянские (около 100 слов), тюркские (более 90 слов), латинские (до 80 слов), но не балтские заимствования. Правда, по подсчетам В. Толнай и Й. Балашша в 1000 корневых слов венгерского языка имеется еще около 100 слов неизвестного происхождения (Балашша, 1951), среди которых многие находят балтские параллели.

В какой-то мере на некоторые из балто-венгерских параллелей указывал А. Йоки (1973). В частности, он подметил сходство таких венгерских слов с балтским, прежде всего литовским, как: венг. *ag* (шило) – лит.

ora; венг. arva (сирота) – лит. arbi (Joki, 1973, р. 297). Вместе с тем А. Йоки рассматривал их как более древнее индоевропейское воздействие на финно-угорские языки, а не как конкретно влияние балтского языка на древневенгерский. Следует также заметить, что, по мнению авторов венгерского этимологического словаря, венг. arva (сирота) скорее имеет латинскую основу – см. латин. orbus, а венг. kutva (щенок) – сербохорватское, kúce.

Вместе с тем следует заметить, что специально вопрос о балто-венгерских, как и венгро-балтских лексических параллелях и связях никем, к сожалению, больше не ставился. В этимологическом словаре венгерского языка как, возможно, балтское считается лишь слово янтарь – см. венг. Gyantara – лит. Gintaris – латыш. dzintars.

Однако сопоставительное рассмотрение ряда венгерских слов, в большинстве своем не нашедших этимологического объяснения, с балтскими, прежде всего литовскими, показало наличие значительного числа венгерско-балтских лексических параллелей. Таковы, например:

венг. ágyás (грядка) – лит. eziá
 венг. vorz (барсук) – лит. borsus
 венг. béres (батрак) – лит. bérnas
 венг. jege (прорубить) – лит. ekete
 венг. fürdés, fürdő (баня) – лит. pūrti
 венг. vágás (бороздить, прорезать) – лит.

vaga

венг. vidék (место) – лит. vietá
 венг. lépcső (лестница) – лит. laiptai
 венг. vezetés (руководитель) – лит. vedlŷs
 венг. megköt (вязать) – лит. megöz
 венг. számítás (счет) – лит. samata
 венг. siker (удача, успех) – лит. šekme
 венг. kakas, kokos (петух) – лит. gaidys
 венг. kerítés (ограда) – лит. gardas
 венг. szolgálat (услуга) – лит. paslauga

Кроме этих лексических соответствий имеется еще ряд венгерско-балтских параллелей, которые авторами этимологического словаря венгерского языка рассматриваются как результат индоевропейских, славянских и латинских заимствований. Но ближайшее их рассмотрение, особенно с учетом того, что

балтоязычные (именьковские) племена были первыми индоевропейцами, с которыми столкнулись предки древних венгров, позволяет полагать, что эти заимствования проникли к древним венграм от балтов. Тем более что большинство из них имеет больше балтское, чем общеиндоевропейское, латинское и славянское звучание. Таковы, например, венгерские слова: *gesztus* (жест), рассматриваемое в венгерском этимологическом словаре как индоевропейское заимствование (см. нем. *geste*, фр. *geste*, чеш. *gesto*), но ближайшее соответствие имеется в лит. *gėstas*; *gem* (цапля) – лит. *gense*; *resz* (участок) – лит. *ruožas*; *sogor* (свояк) – лит. *svogeris*; *smirgli* (наждак) – лит. *smirgelis*; *tengelic* (щегол) – лит. *dagilis*, но нем. *stieglitz*, а болг. щиглец; *garas* (грош) – лит. *gras*, нем. *groschen*.

Ряд венгерско-балтских лексических параллелей имеет латинское (позднеримское) соответствие и, очевидно, происхождение. Но, учитывая, что предки балтских племен, в том числе и вышедшие в IV–V вв. н. э. в области Нижнего Прикамья, имели более ранние, чем собственно венгерские племена, контакты с латинизированным миром, следует полагать возможность проникновения некоторых латинских слов в венгерский через балтийские языки, особенно если последние имеют балтские оттенки. К числу таких слов мы можем отнести в венгерском языке: *egres* (крыжовник) – лит. *agrastai*; латин. *agrestum*; *kömény* (тмин) – лит. *kmynai*, латин. *cuminum*; *sipol* (свистеть) – лит. *svilpe, svilpte*; латин. *fistula*; *katlan* (котел) – лит. *katilas*, готск. *katilus*; *korona* (корона) – лит. *karuna*, латин. *corona*; *olaj* (масло) – лит. *aliej*, латин. *oleum*; *trágyázás* (удобрение) – лит. *trasos, trasa*, латин. *tragea*.

Значительное число венгерско-балтских соответствий имеет как будто славянское происхождение и так в основном рассматривается в этимологическом словаре венгерского языка, но опять-таки большинство этих слов в венгерском языке звучат ближе к словам балтских (особенно литовского) языков, и, учитывая, что древние венгры встретились с балтоязычными племенами раньше, чем со славянами, мы можем предполагать их больше балтское,

чем славянское, происхождение. К таким словам можно отнести: *asztal* (стол) – лит. *stalas*, славян. стол; *bojár* (боярин) рассматривается как румын. *bojer*, но лит.-лат. более близко – *bajars*; *duda* (дудка) – рассматривается как сербохорват. *d' da*, но и лит. *dúda*; *dunuha* (перина) рассматривается как чешск. *duchna*, но лит. *duknos* ближе; *cserép* (черепица) – слав. черепа, но и лит. *cegre* ближе; *cséve* (шпулька) – слав. цева, но лит. *seiva* ближе; *gomba* (гриб) – слав. губа, но лит. *gumbos* (нарост, шишка); *gumó* (клубень) – слав. губа, но латыш. *guma* ближе; *káposzta* (капуста) – слав. капуста, но лит. *korustai*; *kárász* (карась) – болг. караш, но лит. *karosas* ближе; *kard* (меч) – румынс. *kard*, но лит. *kardas*; *kuras* (куча) – сербохорват. *кура*, но и лит. *kauras* ближе; *ladik* (лодка) – южнослав. *aldi*, *ladi*, но лит. *eldija*; *lazar* (лосось) – слав., чешск. *losos*, но лит. ближе *lasica*; *lencse* (чечевица) – слав. леща, но лит., латыш. ближе *leca*, *lesiai*; *malom* (мельница) слав. сербохорват. *mlin*, но лит. ближе *malunas*; *muslica* (мошка) – от болг. мушица, но лит. *masalai* ближе; *penz* (монета) – болг. пенез, лит. *pinigas*; *peľuva* (мякина) – слав. *pleva*, полова, но лит. *pelavas* ближе; *rétegez* (слоить, разрезать) – лит. *reteg*; *sörét* (дробь, крошка) – нем., сербохорват. *schrot*, *sröt*, но лит. *sratai*; *szalonka* (вальдшнеп) – слав. *sluka*, лит. *slanka* ближе; *szarka* (сорока) – слав. *svárka*, но лит. *sarke* ближе; *szemet* (отбросил) – слав. смет., лит. *ismatos*.

Очевидно, при специальном и углубленном лингвистическом анализе будут выявлены и другие балто-венгерские языковые, и не только лексические, параллели, но и приведенных примеров (более 80), мне кажется, вполне достаточно для утверждения, что в истории древневенгерских и древнебалтских племен было время, когда они в течение многих лет (не менее 100–150) жили в самом тесном экономическом, культурном, а может быть, и политическом союзе.

Именно в результате такого лишь тесного сожительства могли проникнуть и сохраниться в венгерском языке балтские лексические заимствования, связанные прежде всего: с пашенным земледелием – града, грабли, че-

чевица, тмин, мельница, мякина, удобрение и др., с садоводством и огородничеством – клубень, капуста, крыжовник и др.; с оседлым жильем – черепица, кран, перина, баня, место, лестница, участок, стол, кладовая, ограда; с торговлей – счет, расчет, удача, успех, объем, мера, грош, кипа, монета, услуга; с культурой – дуда, свисток; с пищей – пирог, фарш; с ремеслами – наждак, шило, шпулька, вязать и др.; с социально-политическими отношениями – боярин, батрак, руководитель – предводитель, воевода, угнетатель, западня, корона; с семейно-родственными отношениями – свекровь, свояк, муж, внук, сирота; с животными, птицами, рыбами, насекомыми – собака, барсук, петух, цапля, сорока, вальдшнеп, лосось, мошка, слепень.

Все эти лексические заимствования могли проникнуть в венгерский язык из балтского лишь в результате кушнареновско-именьковских (романовских) контактов, ибо никаких других культурно-хронологических реалий для этого мы больше не можем предложить. Но если это так, то тогда мы должны признать реальными три нижеследующих историко-археологических факта.

Во-первых, как это предполагала Е.А. Халикова и вслед за ней В.А. Могильников, кушнареновские и близкие им кара-якуповские и куштерьякские племена действительно были носителями древневенгерского этноса.

Во-вторых, легендарная Великая Венгрия, или *Magna Hungaria*, как и утверждала Е.А. Халикова, действительно располагалась в VII – начале IX вв. в лесостепной полосе между Уралом и Нижней Камой.

В-третьих, кушнареновцы и близкие им племена, входившие в древневенгерский союз, не позднее первой половины IX в. в массе покинули территорию между Уралом и Нижней Камой и ушли в юго-западном направлении, чтобы, пройдя промежуточные области Леведии и Ателькузе, к 895 г. значительной группой племен начать освоение своей современной территории обитания в Подунавье (рис. 17).

Но когда же появились на Западе Приуралья древние венгры – кушнареновцы? Дума-

ется, что это произошло не ранее рубежа VI–VII вв., ибо именно этим временем датируется начало памятников, содержащих керамику кушнаренковского типа. Это время хорошо согласуется и с известными по письменным источникам историческими событиями.

Так, известно, что еще в середине и второй половине VI в. в Тюркском каганате – складывающемся в евразийских степях раннекочевническом государстве – наряду с тюркютами и другими тюркоязычными племенами немаловажную роль играли южные угры, далекие предки венгров. Последние, в это время находившиеся в полукочевом состоянии, занимали преимущественно лесостепную зону Западной Сибири и Южного Зауралья, где до IV–V вв. доживают племена саргатской культуры, имеющие, по мнению В.А. Могильникова (1983), многие преемственные черты с кушнаренковской культурой Западного Приуралья. Из среды этих зауральско-западносибирских угров выдвинулся один из наиболее удачливых и воинственных предводителей Тюркского каганата Истеми-каган (по Дьерфи, истеми – венгерское слово, обозначающее дух предка; по-венгерски *isteni* – божий, божественный, чудесный). Под предводительством Истеми-кагана тюркюты и находившиеся с ними в союзе западносибирские угры в 558 г. доходили до низовий Волги, в 567–571 гг. воевали на Северном Кавказе, угрожая одновременно Византии и Сасанидскому Ирану. Византийцы Истеми-кагана называли Дезавулом или Дезабулом. Истеми-кагану в 576 г. наследовал его сын Турксанф, которому кроме западносибирских и зауральских степей достались также владения в степях

Южного Урала между Аральским морем и Волгой.

В 584–590 гг. в Тюркском каганате, особенно в западной его части, начались неурядицы, повлекшие за собой притеснение тюрками угров-венгров. В 597 г. угры подняли восстание против тюрков, но это восстание было жестоко подавлено и большая часть угров, очевидно, ушла в более безопасные северные районы Западного Приуралья и Южного Прикамья и здесь образовала существовавшее до начала IX в. племенное объединение – полукочевое государство, известное под именем «Великой Венгрии». Именно на рубеже VI–VII вв. в западном Приуралье начинает складываться кушнаренковская культура – культура древних венгров VII–IX вв.

Пребывание угро-протовенгров в VI в. в составе Тюркского каганата не прошло бесследно. Как известно, именно в V–VI вв. образуется своеобразный перерыв между саргатской и кушнаренковской культурами, вызванный, очевидно, тем, что древние венгры в это время находились в кочевом состоянии и почти в постоянном состоянии войны с южными государствами – Сасанидским Ираном и Византией.

Итак, все изложенное позволяет утверждать, что ранние венгры, оказавшись в Западном Приуралье, имели достаточно активные контакты с балтоязычными племенами. Эту связь они традиционно перенесли на Прибалтику, когда в конце IX в. оказались на Дунае. Об этих контактах, в основном проходивших через скандинавский мир, имеется интересная статья И. Фодора (1986).

3. ВЕНГРЫ, БОЛГАРЫ И БУРТАСЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ПРИУРАЛЬЕ¹

Письменные источники IX–X вв., особенно сочинения арабских и персидских географов и историков, описывая области Итиля и Урала, почти всегда помещали рядом венгров-мадьяр, болгар-булгар и буртасов. Так, Ибн-Русте и Гардизи сообщают, что область мадьяр и первый из краев мадьярских лежит «между землею печенегов (у Гардизи – болгар) и землею болгарских эсегель» (Заходер, 1967). Масуди, автор X в., пишет о находении «поселений буртасов между государством хазар и булгар» (Заходер, 1962).

Эти же источники сообщают, что по ландшафту обитания, образу жизни и обычаям венгры, болгары и буртасы близки к друг к другу: они живут в лесостепи; сохраняют в той или иной степени кочевнические традиции (наиболее сильно венгры, несколько меньше болгары, еще меньше буртасы); остаются преимущественно язычниками; подчинены или контактируют с хазарами; понимают друг друга или общаются друг с другом на тюркском языке; хорошо вооружены; основное их богатство – меха; часто, если не постоянно, воюют или нападают друг на друга.

На все эти сведения уже обращали свое внимание исследователи. Но они рассматривали каждый из интересующих нас народов по отдельности, о чем свидетельствует достаточно обширная литература как по ранним венграм (Fodor, 1982), так и по ранним болгарам (Генинг, Халиков, 1964) и буртасам (Васильев, 1960). Лишь в последнее время некоторыми исследователями была предпринята попытка рассмотреть во взаимосвязи историю этих народов, да и то не в полной совокупности, а в виде связи между двумя народами. Так, Е.А. Халиковой (1981) намечено рассмотрение венгерско-болгарских взаимоотношений, продолженное А.Х. Халиковым (1990б). Мной неоднократно высказывалась мысль о подчинении или даже завоевании буртас болгарами не позднее XI в. Имеются также суждения о перерастании обугаризованных буртас в татар-мишарей (Халиков, 1991) и о связи имени мишар – мажар с этнонимом мадьяр (Vasari, 1975).

Вместе с тем лишь совокупное рассмотрение истории ранних венгров, болгар и буртас может раскрыть закономерности их развития

¹ В основу этого раздела положены статьи А.Х. Халикова: «Венгры, болгары и буртасы в Среднем Поволжье и Приуралье» // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985; «Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье» // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ АН СССР, 1990б.»

и правильно наметить основные этапы этой истории. Однако отсутствие надежных материалов, и в первую очередь археологических, ибо письменные уже были исчерпаны, затрудняло или делало такое рассмотрение невозможным.

Интенсивные археологические исследования, проводящиеся в последние десятилетия в Среднем Поволжье и Приуралье, привели здесь к открытию археологических памятников, оставленных или связанных со всеми интересующими нас племенными объединениями.

Прежде всего были открыты и начали изучаться археологические памятники ранних болгар и связанных с ними племен (Халиков, 1981б). Вначале были открыты ранние языческие могильники типа Кайбельского в Ульяновской области и Больше-Тарханского в Татарии, оставленные собственно болгарами (берсула-барсилы) и, возможно, савирами (суварами), отогнанными с Северо-Восточного Предкавказья и Нижнего Поволжья арабскими походами 30–40-х гг. VIII в. (Генинг, Халиков, 1964, с. 32–35). Несколько более поздним временем (IX–X вв.) датируются могильники типа Танкеевского (Khalikova, Kazakov, 1977) и Тетюшского (Казаков, Халикова, 1981), проявляющие выраженное смешение особенностей погребального обряда и инвентаря, характерных, с одной стороны, для собственно ранних болгар, а с другой – для приуральско-прикамских племен, археологически увязываемых с ломоватовско-поломским культурным миром.

Изучение раннеболгарских поселений, датированных в основном IX–X вв., показало также включение в раннеболгарскую среду выходцев как из салтовского (болгаро-хазарского), так и из среднеазиатского мира (Хлебникова, Казаков, 1976).

В середине 70-х гг. XX в., особенно после открытия в Татарской АССР Больше-Тиганского могильника, началось выделение в Нижнем Прикамье и Башкирском Приуралье памятников ранних венгров (Chalikova, Chalikov, 1981). Надежная их увязка, с одной стороны, с памятниками древних венгров

Паннонии, а с другой – с кушнаренковско-караякуповским кругом памятников в Приуралье позволила высказать мысль, что древневенгерские племена появились в Западном Приуралье не ранее рубежа VI–VII вв. и находились здесь до 30-х гг. IX в. Здесь, очевидно, и располагалась область легендарной «Magna Hungaria», или «Великой Венгрии» (Халикова, 1976б).

Еще в конце 50-х гг. мной была высказана мысль, что археологическая культура буртас должна быть представлена памятниками типа Армиевских курганов. Проведенные в 1980–1982 гг. археологические исследования обширного курганно-грунтового могильника у с. Армиева в Пензенской области подтвердили это предположение (Халиков, 1981а). Судя по этим исследованиям, удалось установить, что буртасы появились в западных районах Поволжья около рубежа VIII–IX вв. Здесь они, находясь в зависимости от хазар, обитали, сохраняя свою оригинальную культуру в течение IX–X вв., а затем, не позднее рубежа X–XI вв., были покорены булгарами и на земле буртас достаточно широкое распространение получили городища и селища с красноглиняной керамикой болгарского облика (Полесских, 1981; Белорыбкин, 1987).

Археологические исследования показали также, что каждой из интересующих нас племенных группировок были характерны присущие им особенности.

Так раннеболгарские могильники характеризуются грунтовыми могилами без выраженных внешних признаков, относительной бедностью погребального инвентаря, сопровождением взрослых умерших преимущественно кувшинной керамикой, изготовленной на гончарном кругу.

Древневенгерские могильники представлены в основном подкурганными захоронениями, где погребенные сопровождаются преимущественно лепной круглодонной и цилиндрической посудой с тонконарезным изящным орнаментом, так называемого кушнаренковского типа, нередко имеют остатки лицевых покрытий в виде наглазников, наротников, а иногда и целых серебряных масок,

богатое оружие, поясные наборы, украшения и т. п.

Для древних буртас, судя по Армиевскому и Серго-Поливановскому курганно-грунтовым могильникам были характерны: биритуальный погребальный обряд – подкурганное трупосожжение и грунтовое трупоположение, но в обоих случаях имевшие вторичный характер, сопровождение умерших плоскодонной ангобириванной, преимущественно горшковидной посудой, бедность погребального инвентаря и т. п.

Наряду с этим имеются и общие элементы. Так, для могильников ранних болгар, как и ранних венгров и буртас, характерно почти обязательное сопровождение умерших номинальным захоронением частей туши лошади (в Армиевском могильнике больше крупного рогатого скота), т. е. головы и нижних частей конечностей.

Могильники ранних болгар и венгров объединяет то, что они содержат в основном остатки нормальных трупоположений с устойчивой западной ориентацией, погребенные сопровождаются однотипным набором оружия: однолезвийные сабли, остатки сложного лука, черешковые наконечники стрел, боевые топоры; конской сбруи: удила, стремяна, детали седел; орудиями труда и украшениями (ножи, серьги, налобные и шейные украшения, поясные наборы, браслеты, перстни и т. п.). Но в этих могильниках изредка встречаются и вторичные захоронения (Большие Тиганы, погребения № 63 и 64), так характерные для буртас.

В Армиевском курганно-грунтовым могильнике встречаются почти все предметы (оружие, конская сбруя, орудия труда, украшения), имеющиеся в раннеболгарских и древневенгерских могильниках, но одновременно обнаружены и предметы (височные подвески с бипирамидальным грузиком, спиральные пронизки, скульгамы с усиками, пластинчатые накладки, железные тесла и т. п.), характерные для древнемордовских могильников. Но здесь, т. е. в Армиеве, встречены характерные для древних венгров серебряные наглазники и сердцевидные поясные накладки. Изредка

наблюдаются и обычные для венгров и болгар нормальные грунтовые захоронения с западной ориентацией погребенных.

Общие элементы в культуре ранних болгар, венгров и буртас VIII–IX и IX–X вв. в значительной мере объясняются тем, что именно в это время все они входили в круг воздействия широко распространенной в юго-восточных и восточных районах Восточной Европы салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967), в той или иной степени соответствующей культуре племен, связанных с Хазарией или Хазарским каганатом (Артамонов, 1962).

Вместе с тем ряд особенностей прежде всего погребального обряда и частично материальной культуры не имеет аналогий и параллелей в салтово-маяцкой культуре. Таковы, например, погребение вместе с человеком частичного коня, лицевые покрытия в могилах древних венгров и изредка буртас, вторичные погребения буртас и древних венгров, керамика кушнаренковского типа у древних венгров и ангобириванная горшковидная посуда у буртас и т. п.

Эти особенности, характеризую этническое своеобразие культуры каждого из племенных объединений, вместе с тем служат и материалом для поисков истоков, путей формирования и дальнейших судеб ранних венгров, древних болгар и буртас. Естественно, при этом немаловажное значение имеет контаминация выводов, полученных на основе анализа археологических материалов, с данными письменных источников.

Опираясь на все известные материалы и сопоставления, мы можем высказать ряд предположений и соображений о характере и особенностях контактов древних венгров, ранних болгар и буртас.

Археологические материалы показывают, что контакты всех этих племен и их предков начались, очевидно, еще до их появления в Западном Приуралье и Среднем Поволжье. Устанавливается также, что территорией этих древних контактов были районы, лежащие к востоку и юго-востоку от Урала и между Уралом и Аральским морем. Где-то в этих районах до первых веков н. э. находились земли

протоболгар, до рубежа VI–VII вв. – протovenгров (мадьяр), до рубежа VIII–IX вв. – протобуртас (Халиков, 1981б). Именно там происходило сближение предков всех интересующих нас племен, хотя все они уже тогда входили в разные языковые, следовательно, и разные этнокультурные группы: протоболгары – в тюрко-огурскую; протovenгры – в южноогурскую; протобуртасы – в западные группы огузо-кипчакского объединения.

После выхода этих племен в Восточную Европу контакты не прекратились, а еще более усилились. В Нижнем Прикамье, Среднем Приуралье и Среднем Поволжье в VII–IX вв. происходило сближение культуры древних венгров, ранних болгар и близких им племен. Оно происходило как за счет постоянного контакта древних венгров с более северными поломско-ломоватовскими племенами, составившими впоследствии, судя по материалам могильников типа Танкеевского, значительную часть населения ранней Волжской Булгарии, так и за счет непосредственного соприкосновения древних венгров с собственно болгарами, после продвижения последних около середины VIII в. из более южных районов в Среднее Поволжье. Следует заметить, что с собственно болгарами на Волге отношения у древних венгров имели больше характер конфронтации. Все более и более ухудшавшиеся противоборствующие отношения в условиях стремления болгар к созданию в Волго-Камье самостоятельного государства привели к тому, что в 30-е годы IX в. значительная часть древних венгров отошла на запад и на непродолжительное время заняла под свои кочевья область, известную под именем Леведии или Лебедии. Большинство исследователей склоняются к мысли, что эта область располагалась в районах Среднего Подонья. Северо-восточнее Леведии, в верховьях Суры, Цны, Мокши и Хопра в это время уже обитали буртасы, с которыми древние венгры неминуемо должны были вступить в контакт. Причем это был настолько сильный контакт, что буртасы не только восприняли некоторые элементы венгерско-мадьярской культуры (наглазники, сердцевид-

ные накладки), но на буртас частично перешел даже этноним венгров-мадьяр, маджар (Vásáry, 1975).

Около рубежа IX–X вв. и особенно в первой половине X в. болгары, или как их принято с этого времени называть булгары, усилили свою экспансию на буртас и не позднее рубежа X–XI вв. присоединили их территорию обитания к своему государству. С этого времени Булгария становится единоличной владельницей основных земель Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Но в составе населения этой страны совместно с булгарами продолжают обитать и остаточное венгерское и обулгаризованное буртасское население. В 1236 г. еще не полностью растворившихся в болгарской среде венгров на территории Волжской Булгарии недалеко от реки Этиль застаёт венгерский монах Юлиан, а о буртасах начинают писать источники вскоре после монгольского нашествия. Все это говорит о том, что наряду с собственно болгарами значительный вклад в сложение и развитие культуры и этноса населения Волжской Булгарии X–XIII вв. сделали как древние венгры, так и легендарные буртасы. Но и сами они многое восприняли от булгар. Поэтому взаимное рассмотрение ранней истории и археологии древних венгров, ранних болгар и буртас так необходимо.

Особо хотелось бы остановиться на проблеме болгаро-венгерских контактов. Как уже было отмечено выше, в 1976 г. Е.А. Халикова (1981) выступила с докладом на тему «К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе». В своем докладе, а затем и опубликованной в 1981 г. статье, Е.А. Халикова вслед за рядом ученых, среди которых мы можем отметить такие имена, как З. Гомбоц, Г. Фехнер, Н. Поппе, Г. Моравчик и др., указала на тот общеизвестный пласт древнетюркских заимствований, который большинством ученых признается как результат болгаро-тюркских влияний.

Е.А. Халикова убедительно показала, что наиболее вероятным местом праболгаро-правенгерских контактов были районы Среднего

Поволжья и Приуралья, где в VIII–IX вв. наблюдался несомненный контакт древних венгров, ушедших не позднее первой половины IX в. в сторону Подунавья, и древних болгар, появившихся не позднее середины VIII в. в Среднем Поволжье и создавших здесь к X в. известное государство Волжской или Волжско-Камской Булгарии. Но она же отметила кратковременность и в значительной мере конфронтационный характер взаимоотношений древних венгров, оставивших памятники типа Больше-Тиганского могильника, и собственно ранних болгар, археологически представленных в могильниках типа Больше-Тарханского. Правда, она считала возможным продлить время венгерско-тюркских контактов за счет племен именьковской или именьковско-романовской культуры, распространяя на них вслед за В.Ф. Генингом, П.Н. Старостиным и А.Х. Халиковым тюркоязычный этнос, возможно, близкий к протоболгарскому. Работы последних лет, особенно специальная археологическая конференция, проведенная в 1985 г. в г. Куйбышеве, показали, что племена именьковской (именьковско-романовской) культуры имели юго-западное, а не восточное происхождение, и, скорее всего, говорили на индоевропейском (балтском или балто-славянском) языке и поэтому не могли оказать тюркское (протоболгарское) воздействие на древних венгров (см. выше).

Однако все это никоим образом не означает, что древние венгры, появившиеся в Западном Приуралье не позднее рубежа VI–VII вв., не имели длительного контакта с протоболгарами и близкими им племенами на протяжении VI–IX вв. И эти контакты проходили в интересующих нас районах не только в указанное, но и более раннее время. Обратимся в связи с этим к анализу этнокультурной ситуации, сложившейся в Среднем Поволжье и Прикамье в I тысячелетие н. э.

Местные племена и народы Среднего Поволжья и Прикамья еще в начале нашей эры начинают испытывать давление азиатских кочевников, вошедших в историю под именем хунну или гуннов. Собственно, имя хунну носили монголоязычные племена Забайка-

ля. Это были кочевники, тесно связанные с оседлыми племенами и народами Китая, Алтая и Сибири. На рубеже н. э., разгромленные в результате неудачных войн, а главное лишившись своих исконных кочевий, хунну двинулись на запад, по пути ассимилируясь с различными, преимущественно с тюркоязычными, ираноязычными и угроязычными племенами. К первым векам нашей эры эти смешанные племена достигли степей Южного Урала и древнего Устьюрта, где, по нашему мнению, еще в I тыс. до н. э. шло формирование наиболее западных групп древнейших протоболгарских племен (Халиков, 1981в).

Скорее всего, именно эти племена, известные еще Геродоту под именем аргиппеев, говоривших на пратюркском языке, не позднее II в. н. э. столкнулись с пришельцами и вобрали в свою культуру, близкую к позднесарматской и позднепьяноборской, новые особенности, в том числе и характерное для кочевников оружие – саблевидные палаши, сложный лук, прообразы седла со стременами и т. п. Не позже рубежа II–III вв. эти племена из Южного Приуралья продвинулись далеко на северо-запад, в западные районы Среднего Поволжья, где именно этим временем, т. е. II–III вв., датируется группа интересных памятников, представленная Андреевским курганом на востоке Мордовии (Степанов, 1980), Сергачскими курганами в Нижегородской области и Писеральским курганно-грунтовым могильником в Марийской АССР (Халиков, 1962; 1987б), сосредоточенных в бассейне среднего и нижнего течения Суры и в Сурско-Свияжском междуречье. Для этих погребальных памятников характерно погребение умерших на почве или в глубоких ямах, перекрытых курганообразными сооружениями, нередкое сопровождение их ритуальным захоронением частичного коня, а также богатым погребальным инвентарем – железными длинными кинжалами, поясными наборами и украшениями, среди которых нередки и золотые, и т. п.

В продвижении юго-восточных, степных племен на север не позже рубежа II–III вв.

немаловажную роль сыграли и изменившиеся климатические условия, ибо, как считают палеоклиматологи, в I–III вв. степи Евразии, в том числе Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, становятся зоной с катастрофическими засухами и пастбища уже не могут прокормить наличное население (Железчиков, 1983).

В это же время, т. е. не позднее рубежа II–III вв., происходит и значительное изменение позднесарматской культуры (Скрипкин, 1981). В погребальном обряде характерным становятся наземные погребения и определяется культ коня – символизация захоронения коня путем положения в могилы конской упряжи, нагаек, железных пут, а также шкуры или чучела ритуально поедаемого при погребении или на поминках коня; золотые украшения, в том числе и с инкрустациями, и т. п. (Засецкая, 1977). Многие из этих особенностей были привнесены из Западной и Южной Сибири и поэтому, очевидно, правы те исследователи, которые считают, что в составе южноуральского, нижневолжского и ушедшего в Среднее Поволжье андреевско-писеральского населения следует предполагать наличие пратюркского этноса, входившего в состав и гуннского союза. Мне думается, что писеральско-андреевские племена были наиболее западными архаично-тюркскими племенами, говорившими на языке проточувашского типа и в этом отношении близкие к предкам протоболгар. Если это так, то следует полагать начало внедрения предков еще не расчлененных протоболгар не только в Поволжье, но и в Восточную Европу еще в первые века н. э.

В III–IV вв. происходило активное воздействие ранних пришельцев на волго-камское, преимущественно финноязычное население. В первую очередь это воздействие испытали прамарийские (азелинские) и прамордовские (кошибеевско-селиксенские) племена. Но вскоре это воздействие распространяется и в более северные прикамские районы, заселенные предками пермских финнов, а начиная с IV–V вв. и древними пратюрками (раннеломатовские или харинские племена).

Во второй половине IV в. вся масса южноуральских и нижневолжских кочевников, в своей основе представляющая смешанные тюркоугорские и ираноязычные племена, уже именуется гуннами. В последней четверти они переходят Волгу, обрушиваются на Предкавказье и Причерноморье и доходят до Подунавья и Центральной Европы, где к V в. становится известной гуннская империя Атиллы. Это был первый опыт создания собственно гуннами варварского государственного образования, главной силой которого была жесткая военная организация и дисциплина с одной и совершенное для своего времени оружие с другой стороны. Действительно, гунны из всех известных кочевников первыми начали строгую организацию войска и первыми среди всадников начали применять длинные и узкие мечи – палаши – прообразы сабли, будущее грозное оружие конницы, а также как противовес им и стрелам с трехперыми железными наконечниками легкие кожаные и металлические пластинчатые панцири.

Гунны и связанные с ними племена проникли и в более северные районы Приуралья и Поволжья. Так, Аммиан Марцеллин сообщал, что часть гуннов обитает «за Меотийским болотом у Ледовитого океана» (Гумилев, 1960, с. 243). Типичные предметы гуннской культуры, например, массивные бронзовые котлы с коническими поддонами найдены в бассейне Свяги (у с. Осока в Ульяновской области) и Черемшана в Татарской АССР. Одной из пришлых групп, проникших далеко на север в среду финно-угорских племен, был оставлен Тураевский курганный могильник у г. Елабуги на Каме. Это было место погребения в V в. воинов, о чем свидетельствуют найденные в глубоких ямах под курганами с каменными набросками оружие и воинское снаряжение – железные шлемы с серебряной и золотой инкрустацией, кольчуги, длинные железные мечи с рукоятками, обложенными золотой фольгой, боевые топоры и многое другое (Генинг, 1976).

Через эти племена предки ряда местных финноязычных племен Поволжья и Прикамья становятся известными в ранних европей-

ских источниках. Так, в сочинении готского монаха Иордана «Гетика или деяния готов», написанного в VI в., но повествующего о событиях более раннего времени, упоминаются вместе с готами и гуннами племена морденс и меренс.

В V–VI в. в южных районах Восточной Европы распространяются тюрко-угорские племена, известные под многочисленными именами – акациры, савиры, утигуры, сарагуры, хунгуры и т. п. Вскоре большинство из них объединяется под собирательным именем болгары или бологуры. В 463 г. посольство болгар-сарагуров, прибывшее в Константинополь, сообщило о нападении на них новых кочевников, известных под именем авар. С этого времени, почти 100 лет, области Южного Приуралья и Нижнего Поволжья входили во владения аварских каганов. Именно в этих областях авары – потомки тюрко-монгольских племен Центральной Азии, жуань-жуаней или апар-аваров, смешались с угроязычными огурами и стали псевдоаварами. Но в свою очередь собственно авары оказали, очевидно, значительное влияние и на южноуральских угров. Феофилакт Симокатта по этому поводу писал, что псевдоавары принадлежали к племенам огур, живших возле реки Итиль, т. е. были близки и к оногурам – одной из племенных группировок ранних болгар.

Болгаро-угорские связи еще более усиливаются с созданием в середине VI в. Тюркского каганата, в западной части которого, доходившей до Урала и Итиля, особенно сильными были болгаро-угорские племена. Болгары-огуры особенно усилились здесь после того как в 555–558 гг. Истеми (Иштеми) каганом – угром (мадьяром) по происхождению – были разгромлены псевдоавары. Хотя в 580 г. болгары были вновь завоеваны войсками каганата во главе с Тюрксанфом – сыном отореченного Истеми кагана, но не покорены. Известно, что во времена византийского императора Маврикия (582–602 гг.) болгары и огуры-угры подняли восстание против каганата, которое было подавлено. Но более успешным оказалось выступление болгар и их союзников в начале VII в. под водительством

Органы и особенно Кубрата. Последним в первой половине VII в., как известно, удалось создать полукочное государство, известное в истории как Великая, или Старая, Болгария. Хотя основная ее территория и находилась за пределами Поволжья, болгарские племена уже в VII в. доходили до Волги. Об этом свидетельствуют кочевнические погребения у с. Зиновьевка, знаменитое Арцыбашевское погребение на р. Цне и недавно открытое Бозьяковское погребение на Нижней Каме. Найденные здесь предметы, как и погребальный обряд, имеют близкие аналогии в праболгарских древностях.

Почти одновременно, т. е. в VII–VIII вв., севернее и северо-восточнее между Камой и Уралом протомадьярскими племенами создается также полукочное государство Великая, или Старая, Венгрия, основу населения которой составили угро-мадьяры, бежавшие из Западной Сибири и Южного Зауралья в 597–598 гг. после неудачного восстания против Тюркского каганата. Археологические памятники этих племен, как уже отмечалось выше, представлены памятниками кушнаренковской и караякуповской культур, уходящих своими корнями в саргатскую культуру Западной Сибири. Предки протовенгров и протоболгар, таким образом, еще в VI–VII вв., находились в союзе друг с другом, они входили в состав западных групп населения Тюркского каганата и совместно с собственно тюрками или тюркютами играли большую роль в политической жизни не только Поволжья и Приуралья, но и Средней Азии, Сасанидского Ирана и Византии. Скорее всего, именно этими племенами были привнесены в Западное Приуралье всемирно известные собрания среднеазиатских, сасанидских и византийских серебряных и позолоченных изделий.

В середине VII в. после смерти Кубрата хазары разгромили Великую Болгарию и разобщенные болгарские племена были вынуждены искать новые места обитания. Тогда, например, часть болгар (унногундуры) под водительством Аспаруха уходит на Дунай и участвует здесь в формировании Дунайской Болгарии. Но значительная часть болгар

остаётся на старом месте. При этом одна из сильных групп – белые или серебряные болгары (сарагуры, барсилы), жившие в низовьях Волги и в степях между Волгой и Кавказом, не только подчиняются хазарам, но на первых порах становится экономической основой Хазарского каганата. Именно на землях этих болгар и создаются первые хазарские города Беленджер, Семендер и др. (Магомедов, 1983). Очевидно, что жившие на нижней Волге болгары в VII и начале VIII вв. продолжали оказывать воздействие на рассеянных в более северных областях протовенгров. По крайней мере культура их археологических памятников, как болгар, так и венгров, в это время все более и более сближается с формирующейся болгаро-хазарской культурой, известной под именем салтово-маяцкой.

В конце 40-х гг. VIII в. болгары-барсилы и их союзники савиры (по предположению некоторых исследователей, угрозязычные племена) были разгромлены арабами и были вынуждены бежать на север. В VIII–IX вв. здесь, т. е. на Нижней Каме и прилегающих районах Среднего Поволжья, начинается, а в X в. завершается создание государства Волжской или Волжско-Камской Булгарии. Археологически появление болгарских племен в Среднем Поволжье отмечается раннеболгарскими могильниками типа Больше-Тарханского и Кайбельского, а также рядом местонахождений характерной раннеболгарской серолощеной керамики в прибрежных районах Волги, низовьях Камы и в бассейне Черемшана. Погребальный обряд и инвентарь этих памятников, так же как и керамика, близки к обряду грунтовых могильников и основному инвентарю салтово-маяцкой культуры, а так же к материалам протоболгарских могильников в Булгарии типа Нови-Пазара, Келевчи и др.

С самого начала своего проникновения в Волго-Камье болгаро-барсилам пришлось вступить в активную конфронтацию с воинственными протовенграми-мадьярами, и поэтому время с середины VIII до первой трети IX вв. едва ли следует рассматривать как время наибольших контактов между болгарскими и древними венграми, как это предполагалось

исследователями. Около 30-х годов IX столетия болгарам, имевшим большой опыт политической организации и уже начавшим принятие мусульманской религии (Халикова, 1986), удалось разгромить протовенгров-мадьяр и последние вынуждены были отойти в Леведию, а затем в области Ателькузе. В этой победе болгарам, очевидно, оказали содействие прикамско-приуральские племена, входившие в круг ломоватовско-поломской культуры, не позднее второй четверти IX в. передвинувшиеся на Нижнюю Каму и Среднюю Волгу. Все это фиксируется началом функционирования с середины IX в. на Средней Волге таких могильников, как Танкеевский, Тетюшский, Хрящевский и др. Среди них особенно значительным является Танкеевский могильник, где ныне исследовано более 1200 погребений IX–X вв. (Khalikova, Kazakov, 1977).

В культуре этого могильника и близких ему памятников отчетливо прослеживается два основных компонента: собственно протоболгарский (салтово-маяцкий) с серо- и красной гончарной керамикой, характерным набором оружия, орудий труда и украшений, и камско-приуральский, определяемый в основном лепной круглодонной керамикой и многочисленными украшениями уральско-сибирского облика. В более ранней части могильника преобладает второй компонент, в более поздней – первый. Очевидно, что прикамско-приуральское население, родственное в своей основе протоболгарам и называвшееся старым племенем (см. болгарские эсегелы или искиэль), довольно быстро вошло в контакт с болгаро-барсилами, и на этой основе началось формирование населения Волжской Булгарии.

Но прикамско-приуральские племена ломоватовско-поломской культуры, или эсегелы, в течение всего времени пребывания протовенгров на территории Великой Венгрии между Камой и Уралом были их непосредственными соседями. Об этом писал и Ибн Русте, сообщавший, что «первый из краев мадьярских лежит между землею печенегов и болгарских эсегель». Поэтому следует полагать, что и именно со стороны этих племен,

т. е. эсегел, шло в VII–IX вв. болгаро-тюркское воздействие и наоборот.

Изгнанные болгарами и их союзниками в Леведию протовенгры-мадьяры и появившиеся вслед за ними печенеги вытеснили около середины IX в. из лесостепного Подонья на Среднюю Волгу и Нижнюю Каму новые группы болгаро-салтовского населения, для культуры которого были характерны горшководная и баночная керамика с примесью шамота и растительности и многозонным прочерченно-волнистым орнаментом. Не позднее второй половины IX в. такая керамика в массе появляется на раннеболгарских памятниках Волго-Камья (Хлебникова, 1984). Не позже рубежа VIII–IX вв. западными и юго-западными соседями волжских болгар и в определенной степени протовенгров-мадьяр становятся хорошо известные по письменным источникам буртасы, археологическая культура которых в последние годы стала выясняться благодаря широкому исследованию Армиевского курганно-грунтового могильника в Пензенской области.

Археологические материалы и письменные источники показывают, что буртасы были

тюркоязычными племенами, до рубежа VIII–IX вв. обитавшими в лесостепном Южном Зауралье. Перейдя в Западное Поволжье они в течение IX–X вв. находились под эгидой Хазарского каганата и все это время довольно активно конфронтировали с булгарами, но уже в X в. были подчинены последними. Об этом свидетельствует большое число городищ и поселений с культурой болгарского типа, выявленное в районе расселения буртас. Вместе с тем буртасы в IX в., очевидно, контактировали, причем достаточно активно, и с западными группами протовенгров-мадьяр, что привело затем к распространению на потомков обугаризированных буртас – татар-мишарей имени мадьяр-маджар.

Этим собственно и завершается длительный период тесных контактов предков протоболгар и протовенгров, длившийся на территории Поволжья и Приуралья в течение почти всего I тысячелетия н. э. Начало же этих процессов уходит в глубокую древность – в I тысячелетие до н. э., если не глубже, на что уже нам приходилось обращать внимание.

4. О СУДЬБЕ ВЕНГРОВ, ОСТАВШИХСЯ НА ДРЕВНЕЙ РОДИНЕ¹

Раскопки Больше-Тиганского могильника в 1974–1975 и 1978 гг. (Chalikova, Chalikov, 1981) как будто показали его полную исчерпанность, но раскопки этого памятника, проведенные в последующие годы (рис. 1), показали, что могильник еще не исчерпан, хотя и состоит из не столь богатых, как в 1974–1975 гг., захоронений. Изучение последних лет вносит некоторые новые моменты в исследование древневенгерской проблемы. В связи с этим мы остановились на кратких результатах раскопок Больше-Тиганского могильника в 1979–1982 гг., 1984–1985 гг., которые проводились археологической экспедицией Казанского университета под руководством автора.

В 1979 г. небольшой раскоп в 99 кв. м был заложен к западу от раскопа 1978 г. и здесь были выявлены остатки 4-х погребений (№ 57–60) (рис. 1). Все они, к сожалению, оказались ограбленными в древности, поэтому практически не дали ни погребального инвентаря, ни установили особенности погребального обряда. Лишь в погребении № 58, где было захоронение подростка 8–10 лет (определение Р.М. Фаттахова), найдены обломки

железного пластинчато-овального кресала и обломки серебряных обжимных накладок от кошелька-сумочки типа, характерного для древнемарийских кладбищ IX–X вв.

Раскопки, продолженные в 1980 г. (Халиков, 1981в, с. 156) к западу и северу от раскопа 1978 и 1979 гг. (рис. 1), охватили площадь в 106 кв. м и вскрыли остатки 9, также в большинстве случаев ограбленных в древности могильных ям (№ 61–69), расположенных в два параллельных ряда – продолжение ряда 1979 г. (№ 61, 66, 68) и параллельно этому ряду (№ 62–65, 67, 69). Погребения № 61, 63, 64, 66, 67, 69 оказались почти полностью ограбленными и в силу этого сильно нарушенными. Для всех них характерно относительно неглубокое (50–60 см от поверхности) положение, практически в нижнем горизонте слоя чернозема.

Есть и интересные новые моменты. Таково, например, погребение № 63 (рис. 22). На месте погребения еще до выявления пятна могильной ямы на глубине 50–60 см наметились кости лошади, более четко определившиеся на глубине 70–75 см и состоящие из расчлененного конского черепа, лопатки, правой

¹ В основу настоящего раздела положена статья А.Х.Халикова «Новые исследования Больше-Тиганского могильника», опубликованная в сборнике «Проблемы археологии степей Евразии» / Советско-Венгерский сборник. Кемерово. 1984а.

плечевой кости и конечностей лошади в возрасте около 6 лет (определение А. Петренко). Следует отметить, что остатки поминальных конских комплексов найдены также в погребениях № 64, 65, 69 (в погребении 64 – 2 комплекса). В погребении 63 после разбора конского комплекса на глубине 78–80 см расчищены остатки сваленных в кучу костей не менее чем от трех человеческих костяков, сложенных без какой-либо системы в подпрямоугольной яме (140×85 см), вытянутой с востока на запад. Вперемешку с конскими и человеческими костями найдены клык кабана, оловянная поясная накладка типа, известного из погребений Больше-Тиганского могильника предшествующих лет, медная скобочка (рис. 23). В хронологическом отношении погребение № 63 близко к погребениям могильника, изученным в 1974–1975 гг., но по особенностям погребального обряда отличается от них – здесь мы, очевидно, имеем дело с остатками вторичного обряда захоронения. Этот же тип обряда, скорее всего, был характерен и для погребения № 64, где в подпрямоугольной яме (220×110 см), вытянутой с востока на запад (аз. 263°) на глубине 80–85 см расчищено скопление перемешанных человеческих (от трех людей – 2 мужчины в возрасте 20–30 лет и 30–40 лет, одна женщина) и лошадиных (2 особи в возрасте 6–7 лет) костей, в том числе: в юго-восточном углу – 2 человеческих черепа без нижних челюстей, под ними плечевая кость лошади; верхняя часть еще одного черепа выявлена в западной половине ямы; рядом – нижняя челюсть, еще одна челюсть – ближе к северо-восточному углу; в центре скопление длинных трубчатых человеческих костей, а также еще одной плечевой кости лошади и под ней череп лошади. На глубине 80–85 см у восточного края ямы расчищена пяточная кость взрослого человека. Погребение грабленое, но, судя по расположению костей, размерам ямы, можно предполагать, что перед нами остатки погребения, сочетающего в себе как бы два обряда: нормальное труположение, возможно, парное, в яму которого были сброшены остатки

вторично погребенного трупа, а также 2 поминальных конских комплексов.

Погребения № 62, 65, 68, выявленные в 1980 г., сохранились в относительно нетронутом виде, что позволяет рассмотреть их более подробно.

Погребение 62 (рис. 20, 21), принадлежащее мальчику 6–7 лет, было расчищено на глубине 75–80 см в небольшой яме (130×40 см), вытянутой с востока на запад (аз. 265°). Погребенный лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на запад, но лицом к северу (рис. 20). Погребенного сопровождали: правее черепа – плечевая кость жеребенка; левее черепа – сосудик из кости (рис. 20); под челюстью – остатки ожерелья из коньковой подвески (рис. 21: 1), бронзового бубенчика (рис. 21: 2), нескольких озокеритовых (рис. 21: 4, 6, 7) и большой глазчатой (рис. 21: 3) бусины; в районе пояса – тлен от кожаного ремешка с тонкими сильно окислившимися накладками (рис. 21: 10), у правого края таза – железный нож (рис. 21: 11) и сердоликовая вставка (рис. 21: 12) от совершенно разложившегося медного перстня.

Аналогии к ряду из этих предметов имеют довольно растянутый хронологический диапазон бытования. Так, коньковые подвески (рис. 21: 1) близкого типа появляются еще в памятниках харинского времени (Митинский могильник) Прикамья, широко бытуют в памятниках VI–VII вв. (см. Бирский могильник, погребения гыркесщурского этапа Варнинского могильника) (Семенов, 1980), но доживают и до VIII–IX вв. В погребениях мыдлань-шаньского этапа (VIII–IX вв.) полемской культуры (Варнинский могильник, погр. № 20, 38, 75, 127) известны аналогии когтевидным подвескам. Так же находит себе аналогии и глазчатая бусина. В целом следует полагать, что комплекс инвентаря погребения 62 не выходит за пределы основного времени Больше-Тиганского могильника, предложенного Е.А. Халиковой, т. е. VIII – начала IX вв. Вместе с тем показательно наличие здесь большого числа полемско-прикамских аналогий, указывающих на включение в состав

населения, оставившего Больше-Тиганский могильник среднекамского населения.

К основному времени функционирования Больше-Тиганского могильника, т. е. к VIII – началу IX вв., следует отметить и **погребение 68** (рис. 26). Оно выявлено на глубине 50–60 см в слое чернозема, где форма и размеры могильной ямы не прослеживались. Был расчищен слабо сохранившийся мужской костяк, лежавший на спине вытянуто, головой на ЗЮЗ, на левом виске. Вместе с остатками костей обнаружены: под черепом – золотая пластина от наглазника (рис. 27: 17); у челюсти – бронзовая бубенчиковидная пуговица (рис. 27: 1); на поясе – остатки наборного ремня из бронзовых накладок подромбической формы и пряжки (рис. 27: 2, 3), чуть пониже – концевой ремешок с пряжкой и бронзовыми накладками полукруглой формы (рис. 27: 5); на фаланге правой руки – серебряный перстень с сердоликовой вставкой (бусина) в шатон (рис. 27: 4); под правым краем таза – железный нож (рис. 27: 7), несколько ниже фаланг правой руки – набор из 5 железных черешковых наконечников стрел (рис. 27: 8–12), лежавших острием на запад; под правым низом таза и бедра – железный колчаный крючок (рис. 27: 15); у правой бедренной кости – костяные накладки (рис. 27: 18), возможно, от лука; на левом запястье – бронзовый браслет (рис. 27: 14).

Многие из этих вещей находят аналогии в инвентаре ранее вскрытых погребений Больше-Тиганского могильника: наконечники стрел, пряжки, нож, колчаный крючок, браслет, поясные бляшки типа (рис. 27: 3). О хронологической (VIII – I половина IX в.) и этнической принадлежности погребения 68 к основной группе захоронений могильника свидетельствуют и имеющиеся к его инвентарю параллели. Так, поясные накладки (рис. 27: 3, 5) имеют аналогии в материалах средней (мыдланьшайской) группы погребений Варнинского могильника VIII–IX вв.; оригинальная накладка с тремя ромбическими отвершками (рис. 27: 6) близка к накладке из погр. 2, кургана 2 II Бекешевских курганов; проушной топор с удлиненным обухом и лез-

вием, и прямой спинкой (рис. 27: 13) имеет аналогии в Варнинском, Мыдлань-Шаньском и ранних погребениях Танкеевского могильников, также датированных второй половиной VIII – началом IX вв.

Вместе с тем в 1980 г. было вскрыто **погребение № 65**, хронологически более позднее, чем основная группа ранее изученных погребений могильника. Оно прежде всего датируется пробитой серебряной монетой, висевшей на шее и, по определению А.Г. Мухамадиева, являющейся саманидским дирхемом Исмаила-Ибн-Ахмеда, чеканенным в 287 г., т. е. 900 г. н. э. (рис. 25: 26).

Погребенный (женщина 20–30 лет) лежал в яме (200×60–70 см) на глубине 85–90 см, на спине вытянуто, головой на ЗСЗ (аз. 300°), лицом вверх. На дне ямы прослежены следы древесины, очевидно, от гробовища. Погребенную сопровождали (рис. 24): у левого плеча – плечевая кость лошади; на черепе (в глазницах и на верхней челюсти) сохранились следы лицевой маски в виде треугольных и миндалевидных серебряных накладок-наглазников (рис. 25: 1, 2) и наротника (рис. 25: 3); ниже левого виска – бронзовая литая серьга (рис. 25: 4), под которой следы ткани и луба; с правой стороны черепа – комплекс из железных шила (рис. 25: 6) и трех иголок (рис. 25: 7); в районе шейных позвонков – остатки ожерелья из стеклянных синих и светло-голубых бус (рис. 25: 8); в районе груди – бронзовые пуговицы (рис. 25: 10); от центра груди к середине правой плечевой кости – 7 крупных ребристых бус из светло-голубого фаянса (рис. 25: 12); на груди и под ней – украшения накосника из медных и бронзовых накладок и ложкообразной подвески (рис. 25: 13–15); в районе пояса – остатки наборного ремня из серебряных пряжки (рис. 25: 18) и накладок подтреугольной формы с прорезьями и сердцевидных гладких (рис. 25: 17); на локтевых костях обеих рук – граненные браслеты с расширенными концами (рис. 25: 20, 21), на фалангах пальцев правой руки – вставка от перстня из голубого стекла (рис. 25: 22); у кости левой руки – три длинных и узких железных

ножа с остатками рукояток, завершенных серебряными с тисненым орнаментом колпачками (рис. 25: 23, 24).

По обряду (западная ориентация, остатки погребальной маски, бедренная кость лошади и т. п.) данное погребение, несомненно, продолжает традиции основной массы погребений Больше-Тиганского могильника. Многие вещи, обнаруженные в погребении 65, имеются и в погребениях VIII–IX вв. – см. поясные накладки, литая серьга с двумя расширениями, бубенчиковидные пуговицы, граненые браслеты с расширенными концами. Поэтому следует полагать, что оно этнически и хронологически тесно связано с основной массой погребений могильника. Вместе с тем здесь есть вещи явно поздние, не встреченные среди инвентаря основной массы погребений. Это железные ножи, рукоятки которых завершены серебряными колпачками (рис. 25: 24) и аналогии которым в основном известны лишь начиная с X в.; фаянсовые бусы с рифлёной поверхностью (рис. 25: 12), начинавшие бытовать также лишь с X в. На этом основании и учитывая наличие в погребении монеты рубежа IX–X вв., можно полагать, что оно было совершено не ранее первой половины X в.

Раскопки Больше-Тиганского могильника были продолжены в 1981 г. Раскоп этого года, состоящий из 68 участков (3×3 м) и охвативший площадь в 612 кв. м, был заложен к западу – северо-западу от раскопа 1980 г. (рис. 1). На этой обширной площади, сверху полностью распаханной и пройденной в среднем на 80 см в глубину, выявлены остатки около 30 могил (№ 70–98) и несколько столбовых ямок. Могилы расположены примерно в 3 ряда (рис. 1), причем один ряд (см. № 73–78, 94–98) состоял в основном из неглубоких детских захоронений. Выделяется группа из трех крупных ям (№ 91–93), как будто расположенных под единой насыпью. Все могилы сохраняют довольно устойчивую подпрямоугольную форму и преимущественно западную ориентацию. Почти все могилы оказались в древности ограбленными. Единственно ненарушенным было **погребение № 70** (рис. 28). Оно выявлено в неглубокой (70–75 см) яме

(200×50–70 см), вытянутой с востока на запад. Погребенная (женщина средних лет) была положена на спине вытянуто головой на запад. Раздавленный тяжестью земли череп лежал на правом виске, правая рука – вытянута, левая – слегка согнута и кистью положена на таз. При погребенной обнаружено: в изголовье – комплекс из лепного круглодонного сосуда (рис. 29: 7), костяного гребня (рис. 29: 5) и железного шила (рис. 29: 6); под челюстью – остатки ожерелья из двух глазчатых бус, 24 экз. стеклянных бус с внутренней позолотой, нескольких медных пронизок и зуба медведя (рис. 29: 1); на правой локтевой кости – бронзовый дрововой браслет со стеклянными вставками на концах (рис. 29: 3); на фаланге пальца правой руки – бронзовый перстень с лапчатым гнездом для шатона (рис. 29: 4). В районе металлических украшений отмечен тлен от войлока и кожи. Над районом груди в 5–7 см выше костяка лежали остатки поясного набора из бронзовых пряжки и сердцевидной формы накладок (рис. 29: 8) от ремня, брошенного при засыпке могилы.

Хотя по погребальному обряду и набору инвентаря это погребение и не выпадает из общей серии погребений могильника, но имеющиеся аналогии к ее инвентарю, особенно накладкам поясного набора, заставляют относить погребение № 70 к числу поздних захоронений, произведенных на могильнике не ранее, но и не позднее X в. Так, дрововые браслеты с шатоном-вставкой на концах известны в памятниках Волго-Камья лишь начиная с X в. Этим же временем в основном датируются и поясные накладки сердцевидного типа с боковыми выступами и стилизованным растительным орнаментом (рис. 29: 8). Они известны в Танкеевском, древнемарийских, а также древневенгерских могильниках X в. Аналогичные накладки найдены и среди остатков разграбленного погребения 94 Больше-Тиганского могильника в 1981 г. Все это дает основание предполагать, что большинство захоронений, исследованных в раскопе 1981 г., очевидно, было произведено в X в. оставшейся группой древних венгров после ухода основной массы их сородичей на запад.

Оставшаяся группа продолжала сохранять свои погребальные и культурные традиции. Так, характерны следы помещения вместе с остатками умершего человека в могильную яму (обычно несколько выше дна могилы) конского комплекса – череп и кости конечности (см. погр. 71, 83, 90, 92, 95) или определенной части (правое предплечье) конской туши (см. погр. 74, 75). Вместе с тем новым явлением следует считать погребение рядом с человеком целой туши лошади. Этот случай зафиксирован в группе **погребений № 91–93** (рис. 1).

Еще до начала раскопок в районе впоследствии вскрытого комплекса прослеживалось слабое возвышение в 10–15 см высотой. На глубине 40–50 см в слое чернозема начали встречаться разбросанные обломки костей человека и лошади. На глубине 50–60 см на фоне материкового суглинка оконтуривались пятна трех крупных (№ 91–93) и трех округлых небольших (№ 5–7) ям, составлявших единый комплекс. Яма № 91 имела неправильную форму (235×75–110), вытянутую с ВЮВ на ЗЮЗ (аз. 316°), с пестроцветным грабительским вкопом на юго-западной части. Яма, выбранная до глубины 85 см, оказалась пустой. В яме № 93 (170×65 см), вытянутой с ЮВ на СЗ (аз. 304°), на глубине 75–95 см расчищены остатки целого скелета лошади (жеребец 3–4 лет), положенного на глубине 80–95 см мордой на СЗ с поджатыми под туловище ногами. Середина, задняя часть и голова коня вместе с грудиной были потревожены и даже выброшены грабителями в заполнение грабительского вкопа соседней ямы № 92. Очевидно, в этой части конской туши располагалась богатая сбруя, узда, седло со стременами. В яме № 92 (210×60–80 см), также вытянутой с ЮВ на СЗ, кроме сброшенных костей обнаружены и отдельные человеческие кости, в том числе и со следами медной окиси. Вещей не сохранилось. Глубина 90 см.

Прослеженный комплекс захоронений имеет близкие аналогии в погребальной обрядности тюркского населения Алтая VI–VII вв., особенно могильника Кудыргэ – см. первый тип погребений по А.А. Гавриловой

(1965, с. 59 и сл.) – погребение человека с конем, причем конь лежит на животе с подогнутыми ногами параллельно и слева от человека, но на одном уровне и в той же ориентации. Нередко рядом располагается яма – кенотаф. Вполне вероятно, что с этими же традициями следует связывать и выявленные в изголовье ям № 92 и 93 двух небольших округлых (диаметры – 17–25 см) ямок от столбов, возможно, от балбалов – околomoгильных столбов, постановка которых была весьма характерна для тюркских племен.

Раскопки Больше-Тиганского могильника в 1982 г. были продолжены в северном (вскрыта площадь в 252 кв. м, выявлены остатки 9 погребений) и северо-западном (вскрыта площадь в 504 кв. м, выявлены остатки 6 погребений) направлениях (рис. 1).

К сожалению, все без исключения могильные ямы нарушены грабительскими перекопами, находившиеся в них костяки сильно потревожены, погребальный инвентарь практически полностью выбран грабителями. Очень точное попадание грабителей в могильную яму при их чрезвычайно редком расположении (одна могила приходится почти на 50 кв. м вскрытой площади) свидетельствует о наличии над могилами или рядом с ними каких-то внешних признаков, скорее всего, небольших насыпей или деревянных столбов.

Все могильные ямы имеют устойчивую ориентацию с востока на запад, в двух могильных ямах (№ 103, 112) расчищены захоронения лишь конских черепов, а в могилах № 108 и 109 вместе с частями конского скелета (череп и кости конечностей) встречены человеческие кости. В погребениях №108 и 112 выявлены кости от пар лошадей (погр. 108 – до 5 и старше 5 лет; погр. 112 – в 5,5 и 10 лет). Найденные отдельные вещи – мелкие бусы, бубенчиковидная пуговка, железные ножи, обломок наконечника стрелы, фрагменты лепной кушнаренковского типа керамики, так же как и погребальный обряд вскрытых в 1982 г. погребений, не отличается от общего инвентаря и обряда могильника, что позволяет относить выявленные остатки захоронений к общему типу. Обширный раскоп 1984 г., за-

ложенный в юго-западной части памятника, вскрыл остатки 14 также почти полностью разграбленных могил. Наконец, в 1985 г. была изучена оставшаяся промежуточная часть могильника, где исследованы еще 15 разграбленных могил (рис. 1).

Полученные за 1979–1985 гг. данные дают возможность утверждать, что Больше-Тиганский могильник, оставленный протовенгерским населением, обитавшим в районах Нижнего Прикамья в VIII–IX вв. и не позднее первой половины IX в. в основной своей массе ушедшим через области Леведия и Ателькузе на современную территорию обитания, продолжал функционировать и в X в. Об этом свидетельствуют неразграбленные погребения № 65 (1980 г.) и 70 (1981 г.). Но оставшееся население, очевидно, начинает смешиваться с новыми группами племен, как местными, так и пришлыми. В связи с этим отмечается усиление, особенно в погребальном инвентаре, ломоватско-чепецких (ломоватовских) черт (см. погр. № 62, 65, 70), что можно связать с прямым выходом не позднее первой половины IX в. части среднекамского населения в районы Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья. Это население позднее (в X в.) в письменных источниках упоминается под именем эсегел или эскилей, т. е. старое племя. В оставшуюся древневенгерскую среду в IX–X вв. начинают внедряться и другие племена. В связи с этим интересны наблюдавшиеся в погребениях № 63 и 64, изученных в 1980 г., явные следы обряда, связанного со вторичным захоронением, когда остатки скелета трупа, первоначально помещенного в открытом состоянии, после разложения соединительных тканей перемещали в могильную яму. О бытовании такого обряда еще в начале X в. в Нижнем Прикамье сообщает Ибн Фадлан, описывая языческое погребение нечаянно убитого человека²: «делают для него ящик из дерева халанджа, кладут его внутрь, заколачивают его над ним и кладут вместе с ним три лепешки и кружку с водой. Они водружают для него три

бревна, наподобие палок верблюжьего седла, подвешивают его между ними и говорят: «Мы помещаем его между небом и землей, чтобы постигло его /действие/ дождя и солнца. Авошь Аллах смилостивится над ним». И он остается подвешенным, пока не износит его время...» (Ковалевский, 1956).

Широкие раскопки в последние годы Армиевского курганно-грунтового могильника IX–X вв. показали, что обряд вторичного захоронения особенно характерен был для хорошо известных по письменным источникам буртас (Халиков, 1981а, с. 156). В этом же могильнике известны и такие характерные детали древневенгерской погребальной обрядности, как лицевые маски (Халиков, 1983). Все это дает основание утверждать, что в IX–X вв. буртасы активно контактировали с древними венграми и, очевидно, даже входили в их среду.

С этим же явлением, т. е. смешением оставшихся древних венгров с новыми группами населения, следует связывать и такие захоронения, как парные и коллективные погребения (см. № 62, 64, 72, 78, 90). Как известно, обряд парных, тем более коллективных, захоронений не был свойственен погребальному обряду венгров IX–X вв., но парные и даже коллективные погребения встречены в Танкеевском могильнике IX–X вв., оставленном формирующимся населением Волжской Булгарии (Халикова, 1971).

Наконец, несомненно новым явлением для Больше-Тиганского могильника, как отмечалось выше, следует считать комплекс погребений № 91–93, состоящий из погребения человека, положенной параллельно ему целой туши лошади на брюхе с подогнутыми ногами и кенотафа. Этот обряд, возникший еще в древнетюркской среде, сохранился и позднее, особенно в кимако-половецкой среде (Плетнева, 1985; Федоров-Давыдов, 1961).

Однако все эти включения были единичными и, очевидно, оставшиеся на территории Великой Венгрии древние венгры еще долго сохраняли свою культуру и этническое

² В оригинальном тексте так наказывали убийцу, а не убитого человека (см. Путешествие ибн Фадлана, 2016, с. 38) - прим. редакции.

самосознание. Об этом свидетельствуют немногочисленные неразграбленные поздние погребения (напр. № 65), сохраняющие все свои этнические особенности (наглазники, ритуальный комплекс, западная ориентация и пр.). Они хорошо иллюстрируют достоверность отрывочных письменных свидетельств о размещении в прошлом далеко от Дунайской низменности области обитания древних венгров и о сохранении там их потомков.

ЧАСТЬ II

**РАСКОПКИ БОЛЬШЕ-ТИГАНСКОГО
МОГИЛЬНИКА В 1979–1982, 1984–1985 ГГ.**

Больше-Тиганский могильник был открыт в 1974 г. и широко исследовался в 1974–1975 гг. под руководством Е.А. Халиковой и А.Х. Халикова. После безвременной кончины Е.А. Халиковой исследования памятника были продолжены А.Х. Халиковым в 1978 г., а затем в 1979–1982, 1984–1985 гг. Все эти годы изучение могильника, проводившееся путем вскрытия широких площадей, велось археологическими экспедициями Казанского университета. Результаты археологических

раскопок Больше-Тиганского могильника в 1974, 1975 и 1978 гг. опубликованы в 1981 г. в совместной монографии Е.А. Халиковой и А.Х. Халикова на немецком языке, изданной в Венгрии (Chalikova, Chalikov, 1981), а в 2018 г. на русском языке (Е.А. Халикова, А.Х. Халиков, 2018). Ниже излагаются материалы исследования памятника в последующие годы, вплоть до 1985 г., когда раскопки были завершены.

1. Раскоп 1979 г.

В 1979 г. к западу и юго-западу от раскопа 1978 г. был заложен небольшой раскоп (рис. 1), состоящий из 11 квадратных участков (3×3 м). Всего была вскрыта площадь в 99 кв. м, на которой выявлены остатки четырех погребений (№ 57–60). Поверхность раскопа представляет многолетнюю пашню с очень слабыми возвышениями на поверхности.

Выявленные в раскопе 1979 г. могильные ямы располагались как будто в один ряд, вытянутый на С–Ю. Но все они, к сожалению, оказались ограбленными в древности. Ямы имели довольно крупные размеры, в среднем 200×65 см, и были довольно строго ориентированы по линии В–З. Лишь в погребении № 58, где было произведено захоронение подростка 8–10 лет (определение Р.М. Фаттахова), найдены обломок железного пластинчатого кресала и обломки серебряных обжимных накладок от кошелька-сумочки типа, характерного для древнемарийских кладбищ IX–X вв. (Халиков, 1984а).

Погребение 57, гл. 78 см, аз. 250°.

Могильная яма (195×60 см) нарушена грабительским вкопом. От погребения остались в восточном конце ямы лишь пяточные кости.

Погребение 58, гл. 80 см, аз. 265°.

Могильная яма (170×50 см) нарушена грабительским вкопом. В нижней части заполнения ямы обнаружены обломки человеческих костей, обломок железного пластинчатого кресала и обломки серебряных обжимных накладок от кошелька-сумочки.

Погребение 59, гл. 75 см, аз. 245°.

Могильная яма (170×45 см), нарушенная грабительским вкопом, оказалась пустой.

Погребение 60, гл. 85 см, аз. 250°.

Могильная яма (200×65 см), нарушенная грабительским вкопом, на дне восточной половины содержала остатки костей ног взрослого человека. Вещей не обнаружено.

2. Раскоп 1980 г.

Раскопки, продолженные в 1980 г. к западу и северо-западу от раскопа 1978 и 1979 гг. (рис. 1), охватили площадь в 106 кв. м и вскрыли остатки девяти, также в большинстве случаев ограбленных в древности могильных

ям (№ 61–69), расположенных в два параллельных ряда (Халиков, 1981а; 1984в). Погребения 61, 63, 64, 66, 67, 69 оказались почти полностью ограбленными и сильно нарушенными. Для всех них характерно относительно

неглубокое (50–60 см от поверхности) дно в нижнем слое чернозема.

**Погребение 61, гл. 50–55 см, аз. 215°
(рис. 18, 19).**

В нижней части слоя чернозема без каких-либо следов могильной ямы выявлены сильно потревоженные и в силу этого фрагментированные остатки костяка (раздавленный череп, длинные кости, пяточные кости и фаланги ног), судя по которым, погребенный был положен на спине головой на юго-запад. В засыпи отмечены углистые вкрапления. Рядом с костями ног обнаружены: 1 – клык кабана (рис. 19: 1); 2 – железная накладка со спирально завитым концом (рис. 19: 2); 3 – обломок оселка из плитки темно-серого сланца (рис. 19: 3). У длинной кости недалеко от черепа – медная спиралевидная пронизка (рис. 19: 4); под черепом – черная шаровидная бусина (рис. 19: 5). Северо-восточнее костей ног на глубине 50 см – бронзовый браслет (рис. 19: 6), надетый на трубчатую кость.

**Погребение 62, гл. 60–80 см, аз. 265°
(рис. 20, 21).**

На глубине 60 см после прохождения слоя чернозема оконтурилась могильная яма (130×40 см), вытянутая с востока на запад. На глубине 75–80 см расчищено захоронение подростка, положенного на спине с вытянутыми конечностями и черепом на левом виске, лицом на север, а головой на запад.

Погребенный, очевидно, был положен в одежде и костяк сопровождали (нумерация согласно чертежу – см. рис. 21): правее черепа – трубчатая кость (барана?); левее черепа – сосудик из кости (рис. 21: 13); 1–7 – под челюстью в районе шеи остатки ожерелья из подвески в виде медного конька (рис. 21: 1), бронзового бубенчика (рис. 21: 2), нескольких озокеритовых (рис. 21: 4, 6, 7) и большой глазчатой (рис. 21: 3) бус; 8 – в районе груди бронзовая пуговка (рис. 21: 8); 10 – в районе пояса – тлен от кожаного ремешка с тонкими совершенно разложившимися медными

накладками (рис. 21: 10); 11 – у правого края таза железный нож (рис. 21: 11), очевидно, висевший на поясе, и рядом (рис. 21: 12) сердоликовая вставка от перстенька.

**Погребение 63, гл. 80–90 см, аз. 263°
(рис. 22, 23).**

На глубине 60 см еще до выявления пятна ямы обнаружены кости лошади: череп, лопатка¹, а на глубине 75 см оконтурилась яма подквадратной формы (140×85 см), вытянутая с востока на запад.

На этой глубине конский комплекс выявился более четко – череп лошади, лопатка и нижние части длинных конечностей (рис. 22).

После разбора этого поминального комплекса на глубине 78–80 см расчищены остатки сваленных в кучу костей не менее чем от трех человеческих костяков (обнаружено три сильно фрагментированных черепа). На глубине 85 см кости прекратились, но яма продолжалась до глубины 90 см, где она завершилась плоским дном.

Вместе с костями обнаружен клык кабана (рис. 23: 1), ниже оловянная поясная накладка (рис. 23: 2) и медная скобочка (рис. 23: 3).

Погребение 64, гл. 80–85 см, аз. 263°.

Контур ямы (220×110 см), вытянутой с востока на запад, выявленные на глубине 65–70 см, имели неровные края и пестроцветное заполнение, что свидетельствует о возможной потревоженности заполнения.

На глубине 70–80 см преимущественно в восточной половине ямы выявилось скопление перемешанных человеческих и лошадиных костей, в том числе в юго-восточном углу – 2 человеческих черепа без нижних челюстей, под ними кость животного. Верхняя часть еще одного черепа выявлена ближе к западной половине ямы, рядом – нижняя челюсть, другая челюсть – ближе к северо-восточному углу. В центре – скопление длинных трубчатых костей, а также плечевой кости лошади и под ней череп лошади длиной в 53 см.

¹ Здесь, как и по всему могильнику, определение костей животных д.б.н. А.Г. Петренко.

После выборки костей и зачистки яма приобрела более четкие очертания (190×65–90 см) с расширением в восточной половине. На глубине 80–85 см в восточном конце ямы выявлена в неповрежденном состоянии пятчатая кость взрослого человека, а в юго-западном углу лучевая кость правой руки взрослого человека. Вещей не обнаружено, лишь у одного черепа на нижней части отмечен зеленый налет от медной окиси.

Судя по костям можно предполагать, что в яме находилось полностью ограбленное коллективное захоронение двух взрослых людей и одного подростка, положенных на спине вытянуто на запад. Вместе с ними был положен конский комплекс. При зачистке дна ямы обнаружены фрагменты лепной керамики.

**Погребение 65, гл. 85–90 см, аз. 300°
(рис. 24, 25).**

На глубине 70 см на фоне предметного суглинка очертилась могильная яма (200×60–70 см), вытянутая с востока – юго-востока на запад – северо-запад.

На глубине 85 см начал выявляться костяк женщины, положенный на спине вытянуто, головой на запад – северо-запад, лицом вверх.

У левого плеча – плечевая кость лошади (рис. 24: 5); на черепе (в глазницах и верхней челюсти) сохранились следы лицевой маски в виде треугольных и миндалевидных серебряных накладок-наглазников (рис. 25: 1–2) и наротника (рис. 25: 3).

Ниже левого виска – бронзовая литая серьга (рис. 25: 4), под которой следы ткани и, может быть, луба от подстилки дна могилы. С правой стороны черепа – комплекс из железных шила (рис. 25: 6) и трех иголок (рис. 25: 7). Череп раздавлен и лежит лицевым сводом вверх. В районе шеи остатки ожерелья из желтых и светло-голубых бус (рис. 25: 8) и лопатковидной подвески (рис. 25: 9). Несколько бус (крупных синих и желтых) (рис. 25: 8) обнаружены и под спиной. В районе груди от челюсти до пояса – бронзовые бубенчикообразные пуговицы (рис. 25: 10), очевидно, от застежек верхней одежды.

На правой стороне груди остатки ожерелья из крупных фаянсовых ребристых бус (рис. 25: 12), идущих от центра груди к середине правой плечевой кости.

На груди остатки наконечника, богато украшенного накладками и ложкообразными подвесками (рис. 25: 13, 14, 15); а в районе пояса остатки наборного ремня из серебряной пряжки (рис. 25: 18) и серебряных накладок подтреугольной и сердцевидной форм (рис. 25: 17).

На локтевых костях правой и левой рук обнаружены по бронзовому браслету (рис. 25: 20, 21). На фрагментах правой руки лежала вставка от перстня из голубого стекла (рис. 25: 22).

У левой руки расчищены три железных ножа с остатками кожаных ножен, завершенных наконечниками из некачественного серебра (рис. 25: 23, 24).

При окончательной расчистке под многими нижними изделиями из металла прослежены следы деревянной подстилки, а в юго-западном конце могилы обнаружена подвеска из серебряной монеты (рис. 25: 26), которая, по определению А.Г. Мухаммадиева, является саманидским дирхемом Исмаила Ибн Ахмеда, чеканенным в 287 г. хиджры, т. е. в 900 г. н. э.

Погребение 66, гл. 40 см, аз. 270°.

Могильная яма, дно которой находилось в черноземе, прослеживалась очень нечетко. Предположительно она имела подчетыреугольную форму (235×80–85 см), вытянутую с востока на запад. В западной половине обнаружены остатки полностью разграбленного и разрушенного костяка. Вещей не найдено.

Погребение 67, гл. 60–95 см, аз. 255°.

На глубине 60 см оконтурились очертания ямы (220×70×75 см), вытянутой с востока на запад и имеющей почти по всей яме следы грабительского перекопа. На глубине 75–90 см обнаружены остатки полностью разграбленного и в силу этого нарушенного костяка (взрослый мужчина). На некоторых костях (ребра) наблюдались следы медной окиси. Из

вещей найдено лишь два небольших фрагмента лепной керамики.

**Погребение 68, гл. 50–60 см, аз. 235°
(рис. 26, 27).**

На глубине 50 см без следов могильной ямы начали выявляться остатки мужского костяка, положенного на спине вытянуто головой на запад – юго-запад. Череп несколько свернут на левый бок. Кости слабой сохранности. Погребение не потревожено, т. к. сохранились все вещи и нормальное положение погребенного.

Погребенного сопровождали: под черепом – золотая пластина от наглазника (рис. 27: 17); у челюсти – бронзовая бубенчикообразная пуговица (рис. 27: 1); на поясе – остатки наборного ремня из бронзовых накладок листовидной формы (рис. 27: 2), наконечника с остатками кожи (рис. 27: 5) и ременной пряжки (рис. 27: 5); на фаланге правой руки – серебряный перстень с шатоном из сердоликовой бусины (рис. 27: 4); под правым краем таза – железный нож (рис. 27: 7); несколько

ниже фаланг правой руки – набор из 5 железных черешковых наконечников стрел (рис. 27: 8–12), направленных острием на запад, железный боевой топор (рис. 27: 13), лежавший лезвием на восток; под правым низом таза и бедром – железный колчаный крючок (рис. 27: 15); у правой бедренной кости – костяная накладка от колчана (рис. 27: 18); на левом запястье – бронзовый браслет (рис. 27: 14).

Погребение 69, гл. 70 см, аз. 278°.

Уже на глубине 40–45 см выявлены разломанные человеческие кости, свидетельствующие о нарушении погребения. На глубине 50–60 см очертились контуры могильной ямы (150×45 см), вытянутой с востока на запад и имеющей четырехугольную форму (150×45 см). В заполнении ямы наряду с разрозненными человеческими костями отмечены (особенно в восточной половине) углистые включения. В западной части скопление костей. Здесь же найдена ребристая бусина. Погребенный, вероятно, был положен головой на запад.

3. Раскопы 1981 г.

В 1981 г. раскопом, заложенным в северо-западной части могильника (рис. 1), была вскрыта площадь до 600 м². Здесь выявлены остатки около 30 погребений (№ 70–98), из которых большинство, к сожалению, оказались ограбленные (Халиков, 1983).

Показательно, что до 10 погребенных сопровождалось ритуальным захоронением шкуры с головой коня. Этот обряд, и ранее фиксировавшийся в могильнике, был широко распространен у древних венгров и болгар, особенно в Поволжье и Прикамье. Совершенно новым явлением для Волго-Уральского региона следует считать захоронение целого коня, выявленное в комплексе погребений 91–93. Несмотря на разграбленность, удалось установить, что вместе с взрослым человеком здесь была погребена его верховая лошадь, положенная в специально вырытую (на уровне человеческого захоронения) яму и ориен-

тированная мордой на запад. Лошадь, очевидно, была положена взнузданная и в полном конском уборе (к сожалению, и эта яма была ограблена).

Сохранившиеся вещи в целом не выходят из обычного набора погребального инвентаря, характерного для могильника. На лицевых частях нескольких черепов обнаружены следы зеленовато-фиолетовой окиси, оставленные, очевидно, серебряными наглазниками погребальных масок. Интерес представляют остатки колчана, низ которого был окован железной пластиной. Впервые в верхних слоях могильника прослежены обломки от поминальной посуды, представленной, скорее всего, кувшинами и кринками желтовато-красного цвета, изготовленными на ручном кругу.

В раскопе выявлены пятна не менее чем от 29 могил (№ 70–98) и шесть столбовых ямок.

**Погребение 70, гл. 70–75 см, аз. 270°
(рис. 28, 29).**

В могильной яме (200×50–70 см), вытянутой с востока на запад, расчищен слабо сохранившийся женский (?) костяк, лежавший на спине вытянуто головой на запад. Раздавленный череп лежал на правом виске, правая рука вытянута, левая слегка согнута и кистью положена на край таза. При погребенной обнаружено: под челюстью остатки ожерелья из двух глазчатых бус, пронизки и зубы медведя (рис. 29: 1); в районе правой стороны груди бронзовая пуговка (рис. 29: 2); на правой локтевой кости – бронзовый браслет (рис. 29: 3); на фаланге пальца правой руки – бронзовый перстень с лапчатым гнездом для шатона (рис. 29: 4); в изголовье справа комплекс из костяного гребня (рис. 29: 5) и железного шила (рис. 29: 6). В районе медных украшений отмечен тлен от войлока и кожи.

В районе груди костяка, но выше тлена костей на 5–7 см, лежали накладки от поясного наборного ремня (рис. 29: 8), очевидно, сброшенного при засыпке ямы. За черепом, на глубине 70–75 см, выявлен развал сосуда (рис. 29: 7).

Погребение 71, гл. 54–75 см, аз. 275°.

Непосредственно под слоем пашни в районе над погребением начали встречаться отдельные человеческие и лошадиные кости, а на глубине 45–50 см был расчищен череп коня и его конечности. На глубине 50–60 см оконтурилось пятно ямы длиной 190 см и шириной в западной части 60 см, в восточной – до 90 см. В восточном расширении, представляющем собой грабительский вкоп, на глубине 50–75 см расчищено скопление крупных лошадиных и человеческих (мужских?) костей со следами медной окиси на некоторых.

На глубине 70–75 см яма сузилась до 55 см, а на глубине 75 см завершилась плоским дном. Вещей не обнаружено. Очевидно, это остатки полностью разграбленного захоронения мужчины с комплексом частичного коня.

Погребение 72, гл. 50–80 см, аз. 273°.

Могильная яма, выявленная на глубине 50 см, имела подпрямоугольную форму (240×127 см) с расширением от грабительского вкопа в северной половине. На глубине 50–70 см в этом вкопе выявлены разрозненные человеческие кости (череп мужчины 50–60 лет, бедренная кость, фаланги пальцев, а также часть женского черепа). На глубине 70 см яма сузилась и приобрела более правильную форму (200×50 см), вытянутую с востока на запад. В восточном конце ямы на глубине 75–80 см расчищены сохранившиеся в неповрежденном состоянии кости стопы ног, судя по которым, погребенный лежал вытянуто головой на запад. Не исключено, что в южной половине общей ямы (до глубины 70 см) находилось женское захоронение. Вещей, кроме неопределенных железных обломков, не обнаружено.

Погребение 73, гл. 82 см, аз. 66°.

Погребение начинает серию из одиннадцати детских погребений (№ 73–78, 94–98), ямы которых, в основном вырытые в слое чернозема, были сгруппированы в один ряд, вытянутый с юга на север. К западу от этого ряда в районе могил № 73, 74, 94 обнаружены на уровне материка 4 столбовые ямки диаметром в 15–25 см и глубиной в материке 10–20 см. Яма погребения 73 начала проследиваться на глубине 45–50 см благодаря разбросанным на этой глубине небольшим костям животных (овца?) и фрагментам тонкостенного лепного сосуда с тонким нарезным орнаментом кушнареновского типа (рис. 30: 1). На глубине 75–80 см яма завершилась плоским дном, не дав ни остатков костяка, ни вещей.

Погребение 74, гл. 40–50 см, аз. 273°.

В слабо прослеживаемой яме (130×45 см), вытянутой с востока на запад, на глубине 40 см вдоль северной стенки расчищена берцовая кость лошади, а в западном конце на глубине 50 см и в 30 см от края коронки зубов ребенка (не старше 9 лет). Других костей и вещей не обнаружено.

Погребение 75, гл. 65 см, аз. 283°.

В слабо прослеживаемой могильной яме (140×35–60 см), вытянутой с востока на запад и расширенной в западной половине, расчищен на глубине 60–65 см костяк мальчика 9–10 лет, положенный на спине вытянуто головой на запад. У правого плеча и вдоль черепа положена плечевая кость жеребенка. Других вещей не обнаружено.

Погребение 76, гл. 55 см, аз. 276°.

В могильной яме (120×45 см), вытянутой с востока на запад, в восточном конце расчищены конечности младенца, очевидно, положенного вытянуто на спине головой на запад. Других костей и вещей не обнаружено.

Погребение 77, гл. 50 см, аз. 266°.

В слабо прослеженной яме (170×50 см), вытянутой с востока на запад, расчищены разбросанные кости женского скелета. Вещей не обнаружено. Погребение грабленое.

Погребение 78, гл. 50 см, аз. 260°.

В могильной яме (165×64–70 см), вытянутой с востока на запад, расчищены остатки двух костяков (взрослого и детского), кости которых были разбросаны по всему дну ямы и частично в засыпи. Между этими костями обнаружены: остатки ожерелья из зубов медведя (рис. 30: 3); обломки неопределенного железного предмета, пастовая цилиндрическая бусина (рис. 30: 2). Кости взрослого от особи женского пола не менее 18 лет; кости ребенка около 5–7 лет.

Погребение 79, гл. 80 см, аз. 272°.

На глубине 35–40 см, то есть непосредственно под слоем пашни, над позже вскрытой могильной ямой начали отмечаться раздробленные кости лошади. На глубине 50–60 см оконтурились очертания могильной ямы (240×70 см), вытянутой с востока на запад. Ниже почти до дна ямы встречались разбросанные кости конского скелета (обломки черепа, нижних конечностей и, может быть, хвостовые позвонки), а на глубине 65 см обнаружен обломок железной пряжки (рис. 30:

4) от конской сбруи. Следов человеческого костяка не обнаружено.

Погребение 80, гл. 90–95 см, аз. 277°.

Над позднее вскрытой ямой в слое пашни обнаружены фрагменты гончарной и лепной керамики. На глубине 50 см обрисовались контуры большой ямы (240×70–100 см), вытянутой с востока на запад и в северной части имевшей расширение грабительского вкопа. Во вкопе на глубине 55–70 см отмечены разбросанные человеческие кости (мужчины 40–50 лет). На дне ямы, приобретшей к 90 см более правильную форму (240×65–90 см), в восточном конце расчищены кости стоп взрослого человека, судя по которым, он был положен на спине вытянуто головой на запад. У середины ямы на глубине 90 см обнаружен небольшой железный ножик (рис. 30: 5).

Погребение 81, гл. 55–70 см.

В 25–30 см севернее погребения 70 на глубине 50–55 см очертилось пятно ямы округлой формы (120–130 см), конически углубленной до 70 см. У северного края на глубине 55–70 см найдена челюсть мужчины 20–25 лет. Других костей и вещей нет.

Погребение 82, гл. 73 см, аз. 242°.

В могильной яме (210×40–50 см), вытянутой с востока – северо-востока на запад – юго-запад, на глубине 60–65 см обнаружены разбросанные сильно истлевшие человеческие кости. В восточном конце ямы на глубине 65–70 см расчищена железная оковка (рис. 30: 13), возможно, от дна колчана. В разных местах лежали отдельные железные обломки.

Погребение 83, гл. 60–75 см, аз. 255°.

На глубине 40–55 см отмечались разбросанные лошадиные кости, ниже которых оконтурились очертания ямы (210×80 см), вытянутой с востока на запад. На глубине 60 см яма несколько сузилась (до 60 см). В западном и восточном концах ямы у дна расчищены скопления человеческих (мужских) и лошадиных костей. Вещей не обнаружено.

Погребение 84, гл. 75, аз. 300°.

Яма подовальной формы (135×60 см), выявленная на глубине 60 см и доведенная до глубины 75 см, оказалась пустой.

Погребение 85, гл. 95 см.

Яма округлой формы (105×80 см), выявленная на глубине 55–60 см, конически сужаясь, дошла до глубины 95 см. В заполнении обнаружены кости лошади.

Погребение 86, гл. 60–70 см, аз. 253°.

На глубине 50–55 см выявились нечеткие контуры ямы (120×50 см), вытянутой с востока на запад и сократившейся на глубине 60 см (100×30–40 см). Ближе ко дну (60–70 см) расчищены остатки потревоженного грабителями детского костяка, судя по костям конечностей, положенного на спине, вытянуто головой на запад. У черепа найдена небольшая серебряная сережка в полтора оборота (рис. 30: 7), в ногах крупная глазчатая бусина (рис. 30: 6).

Погребение 87, гл. 60–65 см, аз. 265°.

На глубине 50–55 см оконтурилось пятно могильной ямы (190×55–70 см), вытянутой с востока на запад. В засыпи отмечены редкие углистые включения, а на глубине 55–65 см разбросанные человеческие кости и обломки неопределенного железного предмета.

Погребение 88, гл. 50 см, аз. 283°.

В большой яме (160×50 см), выявленной на фоне предматерика, расчищены остатки детского (до 5 лет) костяка, положенного вытянуто на спине головой на запад. Правая рука слегка согнута и положена на низ живота, левая сохранилась лишь в верхней части. Погребенного сопровождали: слева от черепа кость (плечевая баранья) от погребального мяса; на груди были разбросаны остатки ожерелья, состоявшего из подвесок и зуба медведя (рис. 30: 3), 2 челюсти и 2 сердоликовые бусины шаровидной формы; на пальце правой руки – след от медного перстня с сердоликовой вставкой в шатоне.

Погребение 89, гл. 55–65 см, аз. 287°.

Могильная яма, выявленная на глубине 50 см, имела неправильную овальную форму (240×85 см), вытянутую с востока на запад. На глубине 55 см она приобрела более правильную форму (230×70 см) и продолжалась до глубины 65 см, имея в заполнении разбросанные человеческие кости и обломки железных предметов, в том числе кольца (рис. 30: 9) от колчана.

Погребение 90, гл. 76 см, аз. 271°.

Могильная яма, выявленная на глубине 44–50 см, имела овальную форму (205×90 см), вытянутую с востока на запад. В её заполнении, особенно обильно в центральной части, обнаружены разбросанные и разломанные кости взрослого мужчины, зубы ребенка и кости черепа и нижних конечностей лошади. Вещей не обнаружено.

**Комплекс погребений 91, 92, 93,
гл. 60–90 см.**

Еще до начала раскопок в районе впоследствии вскрытого комплекса прослеживалось слабое возвышение в 10–15 см. На глубине 40–50 см начали встречаться отдельно разбросанные кости человека. На глубине 50–60 см оконтурились пятна трех крупных могильных (№ 91, 92, 93) и трех круглых небольших (№ 5, 6, 7) ям, составлявших, по-видимому, единый комплекс.

Погребение 91, гл. 80–85 см, аз. 316°.

На глубине 60 см яма имела неправильную форму (235×75–110 см), вытянутую с востока – юго-востока на запад – северо-запад с пестроцветным пятном грабительского вкопа в юго-западной части. Яма, выбранная до глубины 85 см, оказалась пустой. Восточнее её в 25 см оконтурена ямка круглой формы (Ø 23 см), углубленная на 28 см.

Погребение 92, гл. 90 см, аз. 313°.

На глубине 60–65 см оконтурилось пятно ямы (210×60–80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Над северо-западным её

углом на глубине 50–70 см расчищено скопление лошадиных костей (верхняя часть черепа, ребра, позвонки). На глубине 90 см яма завершилась плоским дном. В заполнении отмечены редкие обломки человеческих костей. Вещей не обнаружено. У северного угла на глубине 60 см выявлено небольшое округлое пятно (Ø 17 см), углубленное на 22 см.

Погребение 93, гл. 90 см, аз. 304°.

На глубине 70–75 см оконтурилось пятно ямы (170×65 см), вытянутое с юго-востока на северо-запад. В яме расчищены остатки целого скелета лошади, положенного на глубине 80–95 см мордой на северо-запад с поджатыми под туловище передними ногами. Середина, задняя часть скелета и голова коня были потревожены и даже выброшены грабителями. Очевидно, здесь располагалась богатая сбруя, то есть узда, седло со стремянами и шлея.

В 25 см к северо-западу от ямы на глубине 60 см выявлена столбовая ямка (Ø 25 см), углубленная на 30 см.

Погребение 94, гл. 40 см, аз. 257°.

Без контуров ямы под слоем пашни расчи-

щены остатки позвонков детского костяка, судя по которым, погребенный лежал на спине головой на запад, здесь же найдены 7 поясных накладок сердцевидной формы (рис. 30: 10).

Погребение 95, гл. 40 см.

Без следов могильной ямы обнаружены остатки черепа жеребенка, лежавшего мордой на запад – северо-запад, южнее – коронки детских зубов и небольшая бусина (рис. 30: 11).

Погребение 96, гл. 40 см.

Без следов могильной ямы выявлены остатки черепа и плечевой кости ребенка, очевидно, лежавшего головой на запад.

Погребение 97, гл. 40 см.

Без следов могильной ямы обнаружены следы черепа от детского костяка, лежавшего, скорее всего, головой на запад.

Погребение 98, гл. 35 см.

Без следов могильной ямы прослежен слабый тлен костяка младенца, лежавшего, скорее всего, головой на запад, и глазчатая бусина (рис. 30: 12).

4. Раскопы 1982 г.

В 1982 г. двумя раскопами было продолжено исследование памятника в северной (раскоп 1, вскрыто 252 кв. м) и северо-западной (раскоп 2, вскрыто 504 кв. м) частях могильника. Выявлены остатки 15 нарушенных перекопами и ограбленных в древности погребений. В двух могилах (103 и 112) расчищены захоронения конских черепов, еще в двух (108 и 109) вместе с останками человека найдены кости (череп и конечности) коня. Точное попадание грабителей в могильную яму при

чрезвычайно редком их расположении (рис. 1) свидетельствует о существовании в прошлом над погребениями каких-то внешних признаков, скорее всего, небольших насыпей. В расположении сильно раскиданных могил (одна могила приходится на 50 кв. м) какой-либо системы, за исключением отдельных групп, не чувствуется. Но все они, в том числе и конские, ориентированы с востока на запад (Халиков, 1984в).

Раскоп 1–1982

Погребение 99, гл. 60–80 см.

Пятно округлой формы (100×80 см), вытянутое с востока на запад с отклонением на север, выявилось на глубине 60 см и продолжалось с понижением до глубины 80

см в западной половине. В заполнении, особенно на глубине 55–65 см, наблюдались редкие углистые включения и обломки костей. Следов человеческого костяка и вещей не обнаружено.

Погребение 100, гл. 75 см.

Пятно вытянуто-овальной формы (200×60 см), вытянутое с востока на запад, выявилось на глубине 60 см и продолжалось до глубины 75 см. Ни в заполнении, ни на дне следов костяка и вещей не обнаружено.

Погребение 101, гл. 70 см, аз. 290°.

На глубине 40–45 см, под слоем пашни, обнаружили обломки трубчатой кости, а на глубине 50 см обломок лепного сосуда с нарезным орнаментом кушнареновского типа (рис. 31: 8). На глубине 60–65 см оконтурилось подпрямоугольной формы (190×60 см) пятно с расширением от грабительского вкопа в северной части, вытянутое с востока на запад. На дне ямы (гл. 70 см) в восточном ее конце выявлены непотревоженные кости (стопы и начала голени) взрослого человека, судя по которым, погребенный был положен вытянуто на спине, головой на запад. В грабительском вкопе обнаружены разбросанные человеческие кости, в т. ч. от черепа.

Погребение 102, гл. 35–70 см, аз. 290°.

Под слоем пашни на глубине 35–40 см начали попадаться обломки человеческих костей, а на глубине 40–45 см было обнаружено скопление человеческих костей, в т. ч. со следами медной окиси на некоторых, и обломок железного черешкового наконечника стрелы (рис. 31: 6).

На глубине 55–60 см оконтурилось пятно неправильной формы, основная часть которого имела подпрямоугольную форму (205×70 см), вытянутую с востока – юго-запада на запад – северо-запад, к которой с южной стороны примыкало полуовальной формы (120×65 см) пятно грабительского вкопа, охватившее и значительную часть ямы. В пятне обнаружены разбросанные человеческие кости, в т. ч. и обломки черепа, лежащие в западном конце основной ямы. На ровном дне последней отмечены углистые вкрапления, идущие полосой с востока на запад.

Погребение 103, гл. 35–45 см.

Под слоем пашни у середины южной

стены кв. К/6 на глубине 40–45 см обнаружена нижняя часть от черепа лошади 6–7 лет, положенной резцами на северо-запад. Длина челюсти – 38–40 см. Возможно, этот комплекс связан с погребением 102, от которого он находится на расстоянии 160–200 см к юго-западу.

Погребение 104, гл. 35–40 см, аз. 245°.

Непосредственно под слоем пашни вскрыты остатки перевернутого черепа пожилого человека, части трубчатой кости под ним и еще одной трубчатой кости, расчищенной восточнее в 60 см.

Вероятно, это остатки захоронения, произведенного почти на поверхности или на уровне погребенной почвы, но положенного в традиционном обряде – головой на запад. Могильная яма не прослеживается. У второй трубчатой кости найден обломок сосуда кушнареновского типа.

Погребение 105, гл. 75 см, аз. 270°.

На глубине 40–45 см в слое чернозема начали отмечаться разбросанные и сломанные человеческие кости, происходящие от разрушенного погребения, а на глубине 40 см – железный нож (рис. 31: 9). На глубине 50–70 см выявилось пятно неправильной формы, основная часть которого (175×50 см) была вытянута с востока на запад, но в большей части с восточной стороны нарушена огромным пятном (150×65 см) грабительского вкопа. В восточной половине этого пятна на глубине 65–75 см выявлено скопление человеческих костей, а на дне (гл. 75 см) ближе к западному концу – обломки медной сережки (рис. 31: 4) и стеклянная золоченая бусина (рис. 31: 1).

Погребение 106, гл. 85 см, аз. 280°.

Яма овальной формы (85×55 см), выявленная на глубине 65–70 см и вытянутая с востока на запад, завершилась на глубине 85 см, не дав ни следов костяка, ни вещей.

Погребение 113а, гл. 70–75 см, аз. 260°.

В прирезке к северной стороне раскопа 1982–1 (линия 10) на глубине 65–70 см расчи-

щено пятно ямы, вытянутой с востока на запад. На глубине 70–75 см выявлены остатки разграбленного костяка (куски черепа в запад-

ной части и длинная кость вдоль южной стороны), судя по которому, погребенный лежал головой на запад. Вещей не обнаружено.

Раскоп 2–1982

Погребение 107, гл. 100 см, аз. 270°.

Могильная яма, выявленная на глубине 80 см и имевшая подпрямоугольную форму (145×50 см), была вытянута с востока на запад. В заполнении ямы на глубине 80 см отмечены отдельные мелкие кости, в т. ч. и трубчатые. На глубине 95–100 см выявилось дно ямы, в восточной половине которой обнаружены: коронки зубов ребенка; бубенчик бронзовый из двух половинок (рис. 31: 7), бусины (рис. 31: 2, 3), трубчатая кость. Судя по ним, костяк младенца был положен в восточной половине ямы головой на запад.

Погребение 108, гл. 75 см, аз. 279°.

На глубине 50–55 см выявилось неправильной формы пятно, вытянутое с востока на запад. На этой же глубине в восточной (расширенной) части ямы отмечены разбросанные кости конечностей лошади примерно 5 лет, а также отдельные человеческие кости. Они продолжались до глубины 70 см, где определялось основное очертание ямы, имевшей подпрямоугольную форму (220×65 см), вытянутую с востока на запад. В восточной половине она нарушена грабительским вкопом овальной формы (185×85 см). Полностью разграбленный костяк, сопровождаемый частичным конем, очевидно, лежал вытянуто головой на запад.

Погребение 109, гл. 75–80 см, аз. 275°.

На глубине 45–50 см начали выявляться обломки человеческих костей, очевидно, выброшенных из могильной ямы грабительским вкопом.

На глубине 70 см оконтурилась яма с неправильными краями, вытянутая с востока на

запад. Основная яма имела подпрямоугольную форму (265×75 см). Сверху она почти на всю длину (175×85 см) перекрыта грабительской ямой, достигшей дна могилы (80 см). На дне расчищены разбросанные человеческие кости и кости конечности лошади 5 лет, а также две железные, полностью окислившиеся пластины. Очевидно, погребенный сопровождался частичным конским комплексом.

Погребение 110, гл. 90 см, аз. 270°.

На глубине 60–70 см выявилось пятно ямы (200×70 см), вытянутое с востока на запад. Дно ямы на глубине 85–90 см. В заполнении и на дне, кроме редких углистых включений и отдельных обломков человеческих костей, ничего не обнаружено.

Погребение 111, гл. 65–80 см, аз. 310°.

Пятно могильной ямы, выявившееся на глубине 65–80 см и имевшее подчетыреугольную форму (230×70 см), было ориентировано с юго-востока на северо-запад. В заполнении ямы, продолжавшейся до глубины 80 см, обнаружены углистые вкрапления и находки двух сильно коррозированных железных предметов. Следов костяка не обнаружено.

Погребение 112, гл. 66–74, аз. 240°.

На глубине 50–60 см оконтурилось пятно ямы (165×60 см), вытянутое с северо-востока на юго-запад и содержащее в западной половине череп лошади 10 лет. Яма продолжалась до глубины 70–74 см. Ни в заполнении, ни на дне вещей и следов костяка не обнаружено.

5. Раскоп 1984 г.

Раскоп этого года был заложен в северо-западной части памятника (рис. 1) и ох-

ватил значительную площадь в 1152 кв. м. В раскопе выявлены и расчищены остатки 14

могил (№ 113–126), рассредоточенных по широтной линии. Большинство могил ограблено в древности (Халиков, 1986).

**Погребение 113, гл. 90 см, аз. 245°
(рис. 32, 33).**

Могильная яма (205×60 см), вытянутая с востока – северо-востока на запад – юго-запад, выявилась на глубине 55–60 см и с пестроцветным заполнением, имевшим углестые вкрапления, продолжалась до глубины 90 см.

На дне расчищены остатки непо потревоженного женского костяка, лежавшего вытянуто на спине, головой на запад – юго-запад, руки кистями сложены на таз. Кости в плохой сохранности, особенно в районе грудной клетки (рис. 32).

С погребенной обнаружено:

– в изголовье – остатки головного венчика из ремня в 1,8 см шириной и 11 серебряных с позолотой накладок вытянуто-шестиугольной формы (рис. 33: 2), на правом виске и с левой стороны черепа подтреугольные проволочные серебряные серьги (рис. 33: 1а, 1б), справа от черепа, ближе к южной стороне могилы, кусок ремня в 1,5 см шириной с 4 серебряными с позолотой накладками (рис. 33: 3), бусы от ожерелья, стеклянные и пастовые, разбросанные по обе стороны от черепа (рис. 33: 5, 9, 10, 11, 12), два серебряных кольца по обе стороны нижней челюсти (рис. 33: 13а, б), бронзовая пуговка под челюстью (рис. 33: 4);

– в районе нижней части грудной клетки и пояса – бронзовый дрововой браслет с остатками ткани (рис. 33: 6), остатки пояса из кожаного ремня в 2–4 см шириной и 19 серебряных с позолотой накладок разной формы (рис. 33: 7), остатки деревянной рукоятки от нагайки (рис. 33: 8), положенной у левого бедра; несколько бус и бронзовый бубенчик (рис. 33: 15), может быть, от расшивки одежды (кафтана).

Под украшениями, особенно в районе пояса, прослежены остатки холщовой ткани и луба от подстилки дна ямы.

Погребение 114, гл. 80 см, аз. 270°.

Пятно ямы (130×55 см), вытянутое с востока на запад, выявилось на глубине 60 см. Оно имело гумусированное заполнение, более интенсивное в большей (к западу) части. На глубине 80 см – дно ямы. Следов костяка не обнаружено, лишь на глубине 75 см в заполнении найден обломок черешка железного ножа или наконечника стрелы.

Погребение 115, гл. 75 см, аз. 270°.

Могильная яма (140×55 см), вытянутая с востока на запад, выявилась на глубине 50 см. На глубине 60 см в западной половине заполнения найдены обломки трубчатой кости и железного стержня, может быть, иглы. К северо-востоку от них на глубине 85 см – коронки от молочных зубов. Дно ямы на глубине 75 см.

**Погребение 116, гл. 80 см, аз. 265°
(рис. 34).**

На глубине 60 см на фоне предматеринового суглинка очертились контуры ямы (125×45 см), вытянутой с востока на запад. В западном конце у края на глубине 60–70 см начали прослеживаться кости двух детских костяков, продолжавшиеся до глубины 80 см. В западную половину ямы к ее северной стороне, сократившейся на дне (гл. 80 см) на 5 см, были сдвинуты кости двух детских скелетов. Вперемешку с ними найдены обломок железного ножа (рис. 34: 9) и разбросанные мелкие бусины: тройная из зеленоватого стекла (рис. 34: 1), четыре парные из темно-синего стекла с внутренней позолотой (рис. 34: 8), три одинарные из темно-синего стекла (рис. 34: 4) и одна из стекла с внутренней позолотой (рис. 34: 5), две черные гешировые (рис. 34: 6, 7), одна вытянутая миндалевидная в сечении из темно-синего стекла (рис. 34: 3).

Погребение 117, гл. 95 см, аз. 245°.

Пятно ямы (130×60–65 см), вытянутое с востока – северо-востока на запад – юго-запад, выявилось на глубине 55–60 см. На этом уровне в западной половине ямы расчище-

на бедренная кость взрослого человека. Дно ямы на глубине 95 см. На дне и в заполнении вещей и следов костей, кроме отмеченной, не выявлено. Погребение грабленое.

Погребение 118, гл. 130 см, аз. 245°.

Пятно ямы, выявленное на глубине 50 см, имело неровные очертания (230×75–95 см) с расширением от грабительского вкопа в восточной половине.

На глубине 100–110 см в разных местах заполнения, преимущественно по краям ямы, стали обнаруживаться разбросанные обломки человеческих костей: черепа в восточном конце, длинных костей по краям западной половины. В заполнении на глубинах 60 и 130 см найдены бусы из черного гешира (рис. 34: 10, 11). Дно на глубине 130 см.

Погребение 119, гл. 90 см, аз. 260°.

Еще на глубине 40 см над ямой обнаружена бабка лошади. Пятно ямы (215×70–75 см) выявилось на глубине 50 см. Большая ее часть с восточной стороны оказалась перекрытой обширным грабительским вкопом (170–180×90–100 см).

Во вкопе на глубине 60–90 см обнаружены разбросанные кости от черепа и нижних конечностей лошади. Вещей и следов человеческого костяка не прослежено.

**Погребение 120, гл. 95 см, аз. 270°
(рис. 34).**

На глубине 45 см найдена бабка лошади, а на глубине 50 см над западной частью могилы обнаружен железный черешковый наконечник стрелы подромбической формы (рис. 34: 12), на глубине 65 см над средней частью ямы – кремень коричневатого цвета (рис. 34: 14) от кресала. На глубине 65 см определилось пятно ямы (195×70 см), вытянутое с востока на запад. На глубине 80 см в средней части пятна обнаружен железный четырехгранный наконечник стрелы (рис. 34: 13), а у западного края – верхняя часть человеческого черепа, лицевой стороной на северо-запад.

Дно ямы на глубине 95 см. Большая часть костяка и, очевидно, погребального инвента-

ря выбрана грабителями, лишь в восточном конце ямы обнаружены лежащие с поворотом на правую сторону голенные кости человека. На щиколотке правой ноги – медный дровотый браслет (рис. 34: 16). В районе не сохранившегося правого колена – обломки железа, в том числе железное кольцо (рис. 34: 15).

Погребение 121, гл. 95 см, аз. 260°.

На глубине 40 см обнаружена бабка лошади. На глубине 70 см выявилось пятно ямы (220×80 см), вытянутое с востока на запад. На глубине 60–90 см обнаружены разбросанные по всей яме кости крупного человека и нижние конечности лошади.

Погребение 122, гл. 95 см, аз. 290°.

На глубине 50 см выявилось пятно ямы (215×65×75 см), вытянутое с востока на запад. На глубине 70 см пятно ямы несколько сузилось (до 60 см) и почти по всей длине ямы определилось пятно грабительского вкопа, в котором лежали разбросанные длинные кости человека (кости рук и ног) вперемешку с обломками железа, среди которых удалось определить несколько железных накладок (рис. 34: 17). Все это продолжалось до глубины 90–95 см, где определилось дно ямы.

Погребение 123, гл. 90 см, аз. 240°.

На глубине 40–45 см над ямой в гумусном пятне обнаружена верхняя часть человеческого черепа лицевым сводом на запад – северо-запад. На глубине 60 см определилось пятно ямы (220×70 см), вытянутое с востока на запад. Могила ограблена. В средней ее части обнаружены на глубине 80–90 см в разбросанном состоянии обломок серебряного брактриата (рис. 34: 18), железный нож (рис. 34: 23) и человеческие кости. В неповрежденном виде у северного края сохранилась кучка из пяти наконечников стрел подромбической формы (рис. 34: 19–22), лежавших острием на запад.

Погребение 124, гл. 95 см, аз. 280°.

На глубине 50–60 см определилось пятно ямы со следами сплошного грабительского

вкопа. Яма (225×90 см) вытянута с востока на запад. До дна ямы в заполнении встречались разбросанные кости черепа и нижних конечностей, а также плечевая кость лошади вперемешку с обломком железных накладок от украшений конской упряжи. Человеческих костей не обнаружено. На дне по углам обнаружены относительно нетронутые бабки лошади, судя по которым, следует предполагать, что в яме на дне была погребена растянутая шкура лошади с головой и нижними конечностями.

Погребение 125, гл. 90 см, аз. 250°.

На глубине 50–70 см выявилась куча перемешанных костей лошади и человека, лежащих разбросанно в пятне ямы (230×80–85 см), вытянутой с востока на запад. Кости, состоящие из разрозненных четырех конских черепов, передних плечевых костей, а также частей скелета не менее чем от двух человеческих костяков, лежали в куче размером 140×70 см. В разбросанном состоянии весь

этот развал продолжался почти до дна ямы, где найдены: в юго-западном углу – череп человека плохой сохранности, в восточной половине – нижняя челюсть черепа лошади, между ними – разбросанные обломки железа, в том числе куски накладок, пряжка, наконечники стрел и т. п. Судя по костным остаткам, в могильной яме было погребено 2 взрослых человека в сопровождении четырех конских комплексов из лошадей 5–6 лет (2 особи), 7 лет и 10–11 лет.

Погребение 126, гл. 90 см, аз. 257°.

Над ямой на разных глубинах, начиная с 40 см, начали отмечаться разбросанные кости, в том числе и лошадиные. На глубине 70 см обрисовалось пятно ямы (180×70 см), вытянутое с востока – юго-востока на запад – северо-запад. На дне в восточном конце расчищены кости левой стопы человека, судя по которому, до ограбления костяк лежал вытянуто на спине головой на запад – северо-запад. Вещей не обнаружено.

6. Раскоп 1985 г.

В 1985 г. экспедиция Казанского университета завершила работы на Больше-Тиганском могильнике (Халиков, 1987а). В раскопе 1985 г. площадью 1283 кв. м (рис. 1) выявлены и расчищены пятна 17 могильных ям (№ 127–143), расположенных в основном разбросанно. Лишь ямы 138–140 находились в одной группе. Все погребения оказались в древности ограбленными.

Погребение 127, гл. 70 см, аз. 310°.

Могильная яма (220×60–75 см), вытянутая с юго-востока на северо-запад, оказалась почти пустой. Лишь в восточном конце на гл. 65–70 см обнаружен тлен от нескольких мелких фрагментов костей.

Погребение 128, гл. 90 см, аз. 295°.

Могильная яма (180×60–80 см), расположенная рядом с северо-восточной стороны погр. 127 и вытянутая с востока – юго-востока на запад – северо-запад, уже с глубины 50 см

имела следы ограбления в виде разбросанных фрагментов человеческих костей. На гл. 85–90 см определилось неровное дно, в западном углу которого лежала куча костей (ребра, обломки лопатки) и мелкий фрагмент керамики желто-красного цвета. Других следов костяка и вещей не обнаружено.

Погребение 129, гл. 60 см, аз. 305°.

Могильная яма (195×80–90 см), вытянутая с востока – юго-востока на запад – северо-запад, на гл. 60 см завершилась неровным дном. В восточном конце на глубине 50–60 см от края обнаружены: обломок сильно истлевшей кости и спекшийся комочек железа с кожей. Других вещей и следов костяка не обнаружено.

В 30 см к юго-востоку от ямы погребения выявлено пятно небольшой ямки (50×25 см) глубиной до 30 см от выявленного уровня (60 см).

Погребения № 130–135 и 142, расположенные к юго-востоку от описанной группы, лежат разбросанно на площади 19×9 м.

Погребение 130, гл. 60–80 см, аз. 245°.

Могильная яма (130×60 см), вытянутая с востока – северо-востока на запад – юго-запад на глубине 60 см в восточной половине выявила разбросанные человеческие кости (кости рук, зубы). Яма продолжалась до глубины 80 см. На дне следов костяка и вещей не обнаружено.

Погребение 131, гл. 75–90 см, аз. 285°.

Могильная яма, выявившаяся на гл. 50–60 см, имела подпрямоугольную форму и значительные размеры (220×70–80 см), присутствующие обычно для парных или коллективных захоронений. В восточной половине ямы, вытянутой с востока – юго-востока на запад – северо-запад в 60–70 см от восточного края на глубине 65–75 см обнаружена куча человеческих костей, в том числе 2 женских черепа без нижних челюстей, лежащих основанием вверх. Вещей не найдено.

Погребение 132, гл. 50–70 см, аз. 270°.

Могильная яма (190×60 см) выявилась на глубине 50 см в виде неопределенного пятна, вытянутого с востока на запад. В западном конце, имевшем расширение до 80 см, в одной куче на глубине 50–60 см лежали смешанно кости человека и от 2 особей лошади (около 6 и 9–10 лет). В восточном конце на той же глубине – обломки длинной кости. Вещей не обнаружено.

Погребение 133, гл. 110 см, аз. 290°.

Могильная яма (185×55 см), вытянутая с востока – юго-востока на запад – северо-запад, выявилась на глубине 60 см и была доведена до глубины 110 см. В заполнении ближе ко дну отмечены углистые включения. На глубине 90–100 см в восточном конце несколько обломков человеческих костей – трубчатая, обломок черепа и др. Вещей не обнаружено.

Погребение 134, гл. 60–70 см, аз. 310°.

На глубине 50–60 см оконтурилось пятно обширной ямы (200×140 см), вытянутое с юго-востока на северо-запад. По углам пятна на глубине 60–65 см отмечены углистые вкрапления. На глубине 70 см яма завершилась плоским дном. Погребение грабленое. Лишь в южной половине обнаружены разбросанные человеческие кости – нижняя челюсть и трубчатая кость. Вещей не найдено.

Погребение 135, гл. 75 см, аз. 312°.

Яма подпрямоугольной формы (162×50 см), оконтуренная на глубине 55 см, была вытянута с юго-востока на северо-запад. На глубине 70–75 см выявились очень плохо сохранившиеся остатки детского костяка, положенного вытянуто на спине, головой на северо-запад. Справа от костяка – железный нож обычного типа с короткой рукояткой и длинным лезвием с прямым обушком, в 12 см севернее – зуб лошади.

Погребение 142, гл. 115 см, аз. 280°.

Могильная яма, выявившаяся на глубине 75–80 см (200×55–65 см), продолжалась до глубины 115 см. Погребение грабленое. В западной половине ямы, на глубине 110 см обнаружена часть серебряной поясной накладки подовальной формы и приостренным низом, в восточном конце – груды смешанных человеческих костей.

Следующая группа погребений отделена от описанной расстоянием в 10 м к югу. В промежутке выявлены две округлые ямы (№ 1 и 2). Яма № 1 выявилась на глубине 48–50 см в виде овального пятна (112×80 см). На глубине 15–27 см от выявленного уровня яма, постепенно сокращаясь, завершилась неровным дном, в котором до глубины 85–90 см продолжались небольшие ямки. Вещей, углей и следов каких-либо костей не обнаружено. Яма № 2 располагалась в 2,5 м к юго-западу от ямы № 1. Имея округлую форму (60×50 см), она выявилась на глубине 50 см и продолжалась, несколько сужаясь (диаметр 45 см), до глубины 70 см, где завершилась плоским дном.

Восточная группа погребений состояла из 6 могил (136–141), из которых № 138–140 выявлены компактной группой, остальные – разбросанно.

Погребение 136, гл. 60–75 см, аз. 275°.

Могильная яма, вытянутая с востока на запад, имела подпрямоугольную форму (175×50–60 см). Яма была в древности ограблена. В западной половине ямы на глубине 55–60 см расчищена нижняя часть челюсти молодой (2–2,5 лет) лошади, а под ней на глубине 60–65 см – часть человеческого черепа. В засыпи ямы рядом с указанными костями наблюдались углистые вкрапления.

Погребение 137, гл. 80 см, аз. 285°.

Могильная яма (150×30–40 см), вытянутая с востока – юго-востока на запад – северо-запад, выявилась на глубине 60 см и продолжалась до гл. 70–80 см. На гл. 75 см в восточной половине ямы выявлен тлен от трубчатых костей и колечко от незамкнутого серебряного дрота.

Погребение 138, гл. 50–60 см, аз. 250°.

Могильная яма (140×48 см), вытянутая с востока – северо-востока на запад – юго-за-

пад, на глубине 50–60 см выявила обломки человеческих костей и круглую бусину из черного гешира диаметром 0,7 см.

Погребение 139, гл. 70 см, аз. 270°.

Могильная яма (120×40 см), вытянутая с востока на запад, выявилась на глубине 50 см и продолжалась до глубины 70 см. Ближе к середине ямы на глубине 55 см – бронзовая пуговка. Следов костяка не обнаружено.

Погребение 140, гл. 65 см, аз. 265°.

Могильная яма (135×40 см), вытянутая с востока на запад, выявилась на глубине 50 см. В центре ямы на глубине 55 см обнаружена бусина (гешировая, черная). Следов костей не прослежено.

Погребение 141, гл. 50–60 см, аз. 265°.

Могильная яма, выявленная на гл. 50 см, имела вытянутую с востока на запад форму (220×55–70 см). На глубине 50–60 см у дна ямы выявлены разбросанные мелкие обломки человеческих костей и окарины железа.

A SZERKESZTŐK ELŐSZAVA

A magyarok eredetének és korai történetének kérdése Kelet-Európa kora középkori történetének egyik jelentős tudományos problémája. A témával azért érdemes foglalkozni, mert az ugor népek nagy szerepet játszottak a középkori eurázsiai népcsoportok kialakulásában, és fontos folyamatokat befolyásoltak a világban Szibériától Nyugat-Európáig. Sajnos a történelmi források szűkössége megnehezíti a tudományos kérdések körbejárását, ezért is játszanak fontos szerepet a régészeti kutatások ezen kérdések megválaszolásában.

A Volga-Urál vidékén több olyan lelőhely is ismert, amely a korai magyarság itteni jelenlétéhez köthető. A Volga-vidék egyik legszembetűnőbb, ugor régiségeket szolgáltató lelőhelye a Bolsije Tyigani temető. A korai magyar temető ásatásainak anyagai fontos helyet foglalnak el az eurázsiai sztyeppi és erdőssztyeppi övezet népeinek középkori történetének kutatásában, a kultúrák közötti kölcsönhatások tanulmányozásában és a régió kulturális jelenségeinek, kronológiájának meghatározásában.

A Bolsije Tyigani temetőt 1974-ben fedezték fel Bolsije Tyigani falu közelében, a Tatár ASZSZK Alekszejevskojei járásában, a Káma folyó alsó folyásának bal partjától mintegy 20 km-re délre. Az ásatások a Bolsije és Szrednyije Tyigani falvak között húzódó út építéséhez kapcsolódó megelőző örökségvédelmi

munkák részét képezték. A temetőt az 1970-es évek közepétől az 1980-as évek elejéig a Kazanyi Állami Egyetem és a Szovjet Tudományos Akadémia Kazanyi Részlegének, G. Ibragimov Nyelvi, Irodalmi és Történelmi Intézete által létrehozott közös régészeti kutatócsoportja tárta fel, A. H. Halikov és Je. A. Halikova vezetésével. A kutatás időtartama alatt mintegy 150, a 8. századtól a 9. század elejéig datált temetkezés került feltárássra.

Az első évek ásatásainak eredményeit több mint negyven évvel ezelőtt Je. A. Halikova és A. H. Halikov „Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник)” című monográfiájában mutatták be, amely 1981-ben megjelent németül Magyarországon „Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)” címmel. Ez a munka az 1974–1978 közötti régészeti kutatások során vizsgált 56 sír (1–56. számú) anyagát tette közzé. A 2010-es évek elején a monográfiát a Tatár Köztársaság Tudományos Akadémiájának A. H. Halikovról elnevezett Régészeti Intézete lefordította oroszra, majd 2018-ban újból kiadta az „Археология евразийских степей” című sorozat 25. kötetében, a IV. Nemzetközi Magyar Szimpózium megnyitójára Kazanyban.

A Bolsije Tyigani temető elkövetkező években végzett ásatásainak anyagai a kutatók széles köre előtt láthatatlanok maradtak. Az

ásatások eredményei monográfia formájában kerülhetnek bemutatásra a Tatár Köztársaság Tudományos Akadémiája A. H. Halikov Régészeti Intézetének gyűjteményében található dokumentumoknak köszönhetően. A munka, amely az 1978 után a Bolsije Tyigani temetőben végzett további ásatások eredményeit tartalmazza kiadatlan, gépelt kézirat formájában, publikálásra előkészítve a tudós személyes iratai között maradt fenn. A. H. Halikov a „Великая Венгрия между Волгой и Уралом” címen, a magyarok honfoglalásának 1100. évfordulójára írt tudományos munkájának kézírata tartalmazza a temető 1979–1982-es és 1984–1985-ös régészeti kutatásának anyagát és az ott feltárt síroknak (57–142) a részletes leírását, amelyek az előző német munkában nem szerepeltek.

A kéziratot a Tatár Köztársaság Tudományos Akadémiája A. H. Halikov Régészeti Intézetének szakemberei készítették elő publikálásra, melynek során a kézirat gépelt szövegét digitalizálták, a szemléltető anyag pontosításához pedig anyagokat gyűjtöttek a kutatók jelentéseiből a Tatár Köztársaság Tudományos Akadémiája A. H. Halikov Régészeti Intézetének és a moszkvai Orosz Tudományos Akadémia Régészeti Intézetének archívumaiból. A mű két részből áll, amelyek mindegyike olyan anyagokat mutat be, amelyek részletes képet adnak a temetkezési hely történelmi jelentőségéről és helyéről a kelet-európai ugor népek kulturális genezisében.

A kézirat szövegének és rajzainak több éven át tartó aprólékos szerkesztése vezetett A. H. Halikov művének publikálásához. Az előkészítésben jelentős segítséget nyújtottak a magyar kollégák Türk Attila személyében, aki felbecsülhetetlen értékű és komoly segítséget nyújtott a monográfia megjelentetésében. A monográfia bevezető részét és általánosító fejezetét, amely az ősi hazájukban maradt magyarok sorsáról szól, lefordították magyarra. A függelék angol nyelvű cikket tartalmaz

«А Bolsije Tyigani temető bioarcheológiai elemzése a magyarok korai történelmének összefüggésében». Valamint köszönet illeti Stifter Ádámot, Magyarország kazanyi főkonzulját is a munka elkészítésében nyújtott segítségével és a ráfordított figyelméért.

Napjainkban Bolsije Tyigani a Volga-Urál térségben vizsgált legnagyobb korai magyar eredetű, régészeti feltárásokkal kutató temető. Különös jelentőséget kölcsönöz neki, hogy temetkezési rítusai és tárgyai az e temetkezési helyet hátrahagyó népesség stabil hagyományait tükrözik. A temető sajátosságai lehetővé teszik a Közép-Volga és az Urál régió régészeti kultúráinak keletkezéstörténetével kapcsolatos számos kulcsfontosságú probléma vizsgálatát a Kr. u. I. évezred második felében. Az emléktárgy egyedisége lehetővé teszi, hogy a népek ősi vándorlási útvonalait és egy új társadalmi környezet kialakulását vizsgáljuk a kora középkori Euráziában. E régészeti lelőhely legfőbb sajátossága, amely annak idején a tudományos közösség kiemelt figyelmét is magára vonta, a temető egyedülálló és szemléletes anyagi kultúrájának kifejező ereje.

A. H. Halikov monográfiájának kiadása a világtörténelemben fontos helyet elfoglaló egyedülálló régészeti lelőhely kiváló kutatói előtti tiszteleg. A tudósok fáradhatatlan és eredményes munkája új rétegeket tárt fel a Volga-Urál régió ó-, és középkori történelméből. Reméljük, hogy ez a kiadvány nem csupán a Bolsije Tyigani temető ásatási eredményeiről megemlékező kiadvány lesz, hanem egy új, gyümölcsöző vitát indít az ugor-magyar kérdéskörrel, valamint a régió történelmének és régészetének számos kulcsfontosságú problémájáról. Hiszen régióink múltjának nagy felfedezői addig élnek tovább az emlékezetünkben, amíg munkásságukról beszélünk, és felfedezéseik kiindulópontként szolgálnak a további kutatásokhoz.

*A. G. Szitgyikov,
G. I. Drozdova,
R. R. Szattarov*

*A Duna mentén hazát talált magyarok emlékének***BEVEZETÉS**

A finnugor nyelvű törzsek fontos szerepet játszottak a Közép-Volga és az Urál vidéke népeinek etnikai történetében, és közöttük különleges helyet foglaltak el a mai magyarok ősei.

Mint ismeretes, a ma Közép-Európa déli részén élő, mintegy 12 millió főt számláló magyar népesség a finnugor nyelvek közé, pontosabban az uráli nyelvcsalád finnugor csoportjának ugor ágához tartozik.

A kora középkori történelem egyik fontos kérdése a magyarság eredete és történetének korai időszaka. Az írott és régészeti források szerint kelet felől a 9. század végén, 895-896 körül a mai Magyarország területére a honfoglaló magyar törzsek nagy csoportja érkezett. VII. (Bíborbanszületett) Konstanin bizánci császár közöttük megnevezi a Nyék, Megyer, Kürtgyarmat, Tarján, Jenő, Kér, Keszi törzseket és a hozzájuk csatlakozott kabarokat, akik „a kazároktól elszakadt [...] törzs”¹ (Багрянородный, 163). Európában köztük a szomszédos szlávoknál az onogur–ogur–magyar összefoglaló népnév alakult ki az újonnan érkezettek. Bíborbanszületett Konstantin leírása szerint (Багрянородный, 159) a magyar törzsszövetség a 9. században, mielőtt megjelentek volna a Kárpát-medencében, Kazária közelében, Levédia területén élt, majd

„nyugatra ment lakni, az Etelküzü nevezetű helyekre”. A legtöbb kutató a magyarok levédiai megjelenését a 9. század 30-as éveire teszi a Don és a Dnyeper közötti területre, Etelközt pedig a Dnyeszter és a Prut folyók közé helyezik, bár ebben nincs teljes egyetértés (Шушарин, 1961, 133–135). Ami a magyar törzsek Levédiába való vándorlása előtti történetét és az őshazát, melyet a középkorban *Magna Hungaria*-nak neveztek illeti, erről az írott források még kevésbé számolnak be. *Magna Hungaria* egyetlen „szemtanúja”, akinek beszámolója fent is maradt, Julianus magyar domonkos szerzetes volt, aki a mongol invázió előtt, 1235–1236-ban keleti utazásra vállalkozott azzal a céllal, hogy felkutassa az ősi hazájukban maradt magyarokat, és keresztény hitre térítse őket. A keleti magyarokat, akiknél még megőrződtek emlékek rokonaik nagy részének távozásáról, Julianus az Etil folyó mellett találta meg, kétnapi távolságra egy nagy bolgár várostól (Аннинский, 1940, 81).

Az írott források szűkszavúsága és pontos adataik hiánya számos hipotézisre adott okot a korai magyar törzsek kelet-európai lokalizációjával kapcsolatban. A vitákban nyelvészek, történészek, néprajzosok és régészek több generációja vett részt. A közelmúlt

¹ A Bíborbanszületett Konstantintól származó idézetek magyar nyelvű változatát az alábbi kiadványból emeltük át, a szöveggörnyezethez igazítva: Bíborbanszületett Konstantin: *A birodalom kormányzása*. Fordította: Moravcsik Gyula. Szeged 2003. – *a ford.*

összefoglaló munkái (Шушарин, 1961; Гарипов, Кузеев, 1962; Эрдели, 1971; Fodor, 1982; Chalikova, Chalikov, 1981), amelyek különböző összefüggésekben tárgyalták és összefoglalták az említett nézeteket, felmentenek minket attól, hogy itt megismételjük ezeket. Elég, ha csak arra utalunk, hogy a még Munkácsi Bernát által megfogalmazott észak-kaukázusi elméleten kívül ma a korai magyarok volgai-uráli őshazájának hipotézise a legelterjedtebb. Ugyanakkor ezen népesség egykori, a nyugatra vándorlást közvetlenül megelőző szállásterületét illetően meglehetősen nagy eltérések figyelhetők meg a lehetséges lokációk között – a Dél-Ural és az Alsó-Volga (Смирнов, 1972), Baskíria (Артамонов, 1962), a Bolsoj Cseremsan-, Kineli-, Szok- és Kondurcsa-folyók völgyei (Кузеев, 1974), a Volga jobb parti területei (Perenyi, 1959). Sajnos, régebben e hipotézisek egyikét sem támasztották alá szilárd régészeti érvek. Van néhány egyedi sír Kelet-Európában, amelyeket a régészek megpróbáltak összefüggésbe hozni a Duna menti honfoglalás kori sírokkal. Ilyen a Voronyezs melletti vorobjevói, és Volosinszkoje a Dnyeper partján (Москаленко, 1972), a Kazanyi kormányzóságban 1904-ben felfedezett tankejevkaik (Fettich, 1937), és a baskíriai Sztjerlitamak melletti temetők, továbbá egy lovastemetkezéses sír N. P. Szorokina ásatásáról a Tamany-félszigeten (Эрдели, 1970), valamint még néhány „magyar jellegű” lelet (Спицын, 1914), amelyek azonban nem tudták érdemben elősegíteni a problémakör megoldását. A szaltovói (Zakharov, Arendt, 1934), bahmutyinói (Шмидт, 1929) és imenykovói (Степанов, 1964) régészeti kultúrák magyarokkal való összekapcsolására tett kísérletek szintén sikertelenek voltak. A kutatók egészen a közelmúltig egyöntetűen arra a következtetésre jutottak, hogy a kora magyar régészeti leletegyüttes még nem definiált, és a magyar emlékek nem kerültek elkülönítésre a kelet-európai sztyeppék és erdős sztyeppék egységes kora középkori emlékeinek tömegéből.

Napjainkra a helyzet megváltozott. Az 1970-1980-as években fontos régészeti felfedezések történtek a Középső-Volga, az Alsó-Káma és a Baskír és Tatár ASZSZK-on belül a Bjelaja medencében, amelyek révén világosabbá vált

a magyar problémakör. Je. A. Halikova 1972-ben például párhuzamokat mutatott ki az 1961–1988 között a tatárföldi Kujbisev járásban intenzíven kutatott 9–10. századi tankejevkaik lelőhely (Khalikova, Kazakov, 1977) és a Duna-vidéki honfoglalás kori temetők temetkezési rítusaiban és analógiákat az említett lelőhelyek tárgyi hagyatékában (Казакон, 1972). Érdekes párhuzamokat találtak a temetkezési rítusok és a tárgyak egyes részleteiben, különösen a nagyon specifikus gyermek- és női díszek tekintetében egy másik korai bolgár kori lelőhely feltárásánál is, a tankejevkaival egykorú tyetyusi temető (Tyetyusi város közelében, a Volga jobb partján, a Káma torkolatánál) ásatásai során (Казакон, Халикова, 1981). A vizsgált párhuzamok arra engednek következtetni, hogy a korai magyarok szoros kapcsolatban álltak a korai bolgárokkal, és hogy a 9. század végi – 10. századi Volgai Bolgária és a vele egyidejűleg kialakuló Kárpát-medencei magyar állam lakosságában közös etnikai vonás volt. Azonban mind a tankejevkaik, mind a tyetyusi temetőket egy etnikailag rendkívül vegyes, különböző eredetű népesség hagyta hátra, amely aktívan részt vett Volgai Bulgária lakosságának kialakításában, nevezetesen egy török-nyelvű népesség. Elég, ha csak arra utalunk, hogy a tankejevkaik lelőhelyen több kultúra kerámiája képviselteti magát: a Felső-Káma-vidék lomovátovói lelőhelyeié, a polomi kultúra Csepca-völgyi temetkezéseinek, valamint Szilva-völgyi nyevolinói emlékek kerámiái, továbbá kusnarenkovói típusú edények és végül a szaltovói kultúrkörhöz kapcsolódó kézzel formált lapos aljú fazekak, valamint a szintén kézzel formált és korongolt korsók (Казакон, 1972). A további tárgyi hagyaték és a temetkezési rítusok ugyancsak sokgyökerűek. A tankejevkaik és tyetyusi temetők feldolgozása során végzett korreláció-analízis eredménye kimutatta, hogy bizonyos rituális elemek és tárgyak, amelyek számos kombinációban fordulnak elő a sírokból, a különböző eredetű lakosság keveredésének mélyreható és sok forrásból eredő folyamatáról tanúskodnak. Ilyen körülmények között nagyon nehéz, szinte lehetetlen volt elkülöníteni a korai magyarokra jellemző meghatározó elemeket és az azokat karakterizáló vonások összességét. Ezt

a feladatot végül az Alsó-Káma vidékén egy új, a 8. század utolsó harmadából – a 9. század elejéről származó lelőhely felfedezése könnyítette meg. Ez volt a Bolsije Tyigani temető (Халикова, 1976a), amely végül lehetővé tette a kelet-európai korai magyar régészeti hagyaték azonosítását (Халикова, 1976b), és részben a Volga-Urál térségében a Kr. u. I. évezred második felének egyes régészeti hagyatékának összekapcsolását a korai magyarsággal (Chalikova, Chalikov, 1981).

Ezt az érdekes és egyedülálló lelőhelyet, amelyet 1974-ben fedeztek fel a Tatár ASZSZK Alekszejevskojei járásában, Bolsije Tyigani falu közelében az Alsó-Káma bal partjától mintegy 20 km-re délre, a Kazanyi Egyetem régészeti expedíciója közel tíz éven át kutatta és 1985-ben fejezte be az ásatásokat. Mintegy 150 sírt tártak fel, melyeket nagy mennyiségű melléklet, valamint az érmék a 8. századra – 9. század elejére kelteztek (Халиков, 1987a). Nagyon fontos, hogy a Bolsije Tyigani lelőhelyen megfigyelt temetkezési rítusok és leletanyag legközelebbi analógiái egyrészt a Duna menti honfoglalás kori

magyar temetőkben bukkannak fel, másrészt igen jelentős mennyiségben tartalmaznak analógiákat, köztük diakrón párhuzamokat is a Káma völgyének és az Urál nyugati előterének 7. századi – 9. század eleji hagyatékával (Халикова, 1976b, Халиков, 1984b). Mindez lehetővé teszi, hogy részletesebben körülrajzolhassuk az ún. *Magna Hungaria* területét, és nyomon kövessük a korai magyar törzsek eredetét. Mint fentebb rámutattunk, ezen egyedülálló lelőhely első két évének kutatási eredményeiről mind a szovjet (Халикова, 1976a), mind a magyar (Chalikova, Chalikov, 1981) szakirodalomban meglehetősen teljességgel számoltak be. Jelen könyv, pontosabban annak második része a Bolsije Tyigani temető 1979–1985 közötti kutatásának eredményeit adja közre, amelyet Alfred Haszanovics Halikov végzett a lelőhely vezető kutatójának, Jelena Alekszandrovna Halikovának 1977-ben bekövetkezett korai halála után. A könyv első részében pedig a szerző az új anyagok tanulmányozása során felmerült néhány elgondolását fogalmazza meg.

A KELETEN MARADT MAGYAROK SORSÁRÓL¹

A Bolsije Tyigani temető 1974–1975-ben, illetve 1978–1985 között végzett feltárása (Chalikova, Chalikov, 1981) nyomán úgy tűnt, hogy a lelőhely teljesen feltártnak tekinthető, azonban a következő évek ásatásai (1. kép) azt igazolták, hogy a temető még további sírokat rejt, noha ezek már nem olyan gazdag mellékletűek, mint az 1974–1975 években feltárt temetkezések. Az utóbbi évek kutatásai néhány új aspektust hoztak a magyar eredetkérdés kutatásában. Ezzel kapcsolatban a Bolsije Tyigani temetőben 1979–1982-ben és 1984–1985-ben végzett feltárások eredményeit foglaljuk össze röviden, melyek a Kazanyi Egyetem régészeti expedíciói által valósultak meg, a szerző vezetésével.

1979-ben egy kisebb, 99 m²-es ásatásra került sor az 1978-as feltárástól nyugatra, ahol 4 temetkezés maradványai (57–60. sírok) kerültek elő (1. kép). Sajnos valamennyiről kiderült, hogy egykorú bolygatás érintette, így ennek következtében gyakorlatilag semmilyen melléklettel nem szolgáltak, valamint a temetkezési rítus sajátosságait sem lehetett megállapítani. Egyedül az 58. sírban – ahol egy 8-10 éves kamaszt temettek el (R. M. Fattakhov meghatározása) – kerültek elő egy vaslemezből készült ovális csiholó töredékei, valamint a

9–10. századi őscseremiszi temetőkre jellemző típusú tarsolyhoz tartozó préselt ezüstveretek maradványai.

Az 1980-ban folytatódott ásatások során (Халиков, 1981в, с. 156) az 1978. és 1979. évi ásatásoktól nyugatra és északra (1. ábra) 106 m² területet tártak fel. Előkerült 9, többnyire szintén korabeli rablással érintett sírgödör (61–69. sír), amelyek két párhuzamos sorban helyezkedtek el, az 1979-es sorozat folytatásaként (61, 66, 68. sír), valamint ezzel párhuzamosan (62–65, 67, 69. sír). A 61, 63–64, 66–67. és 69. számú sírokról bebizonyosodott, hogy szinte teljesen kirabolták azokat, és ennek következményeként erősen roncsolódtak. Mindegyikre jellemző, hogy viszonylag sekélyen (a felszíntől 50-60 cm-re), gyakorlatilag a csernozjom réteg alsó felében helyezkednek el.

Van néhány érdekes új megfigyelés is. Ez a helyzet például a 63. sír esetében (22. kép). A temetkezési helyen, még a sírgödör faltjának jelentkezése előtt, 50-60 cm mélységben lócsontok jelentkeztek, melyek 70-75 cm mélységben bontakoztak ki teljesen. A maradványok egy kb. 6 éves ló (A. Petrenko meghatározása) feldarabolt részei voltak, koponyája, lapockája, jobb felkarcsontja és lábvégei. Meg kell jegyezni, hogy

¹ Ez a rész A. H. Halikov «Новые исследования Больше-Тиганского могильника» cikke alapján készült, amely a «Проблемы археологии степей Евразии» szovjet-magyar tanulmánykötetben jelent meg. Kemerovo, 1984a.

a 64–65. és 69. sírok is tartalmaztak megemlékező lóáldozatot (a 64. sírban 2 leletegyüttes). A 63. sírban a 78-80 cm mélységben jelentkező lómaradványok elbontása után legalább három emberi vázmaradványt tártak fel, melyek egy kelet-nyugati irányban húzódó, téglalap alakú (140×85 cm) sírgödörben, mindenféle rendszer nélkül halomba rakva feküdtek. A ló- és emberi csontok között találtak még egy vaddisznó-agyart, valamint egy, a Bolsije Tyigani lelőhely korábbi éveinek temetkezéseiből ismert ón övveretet, továbbá egy rézkapcsot (23. ábra).

A 63. sír kronológiailag közel áll az 1974-75-ben feltárt sírokhoz, de a temetkezési rítus különbözik – itt egyértelműen egy másodlagos temetkezés maradványaival van dolgunk. Valószínűleg ugyanez a rítus volt jellemző a 64. számú sírra is, ahol egy kelet-nyugati irányban (az. 263°) 220×110 cm-es, téglalap alakú gödörben, 80-85 cm mélységben, vegyes emberi (3 ember – 2 férfi, 20-30 és 30-40 éves, és 1 nő), illetve lócsontok (két 6-7 éves) együttesét tárták fel, a következő elrendezésben: a délkeleti sarokban: 2 emberi koponya alsó állkapocs nélkül, alattuk egy ló felkarcsont; a gödör nyugati felében egy másik koponya felső része, mellette egy alsó állkapocs; az északkeleti sarokhoz közelebb egy másik állkapocs; középen pedig hosszú csöves emberi csontok csoportja, valamint egy másik ló felkarcsont és alatta egy lókoponya. A gödör keleti szélén – 80-85 cm mélységben egy felnőtt ember sarokcsontját tárták fel. A sír rablott, de a csontok elhelyezkedése és a gödör mérete alapján feltételezhető, hogy egy olyan temetkezés maradványairól van szó, amely két rítust ötvöz: egy normál temetkezés, esetleg kettős temetkezés, amelynek gödrébe később egy új holttest és két lóból emlékezeti áldozat maradványait temették.

Az 1980-ban feltárt **62., 65. és 68.** sírok viszonylag épek, mely lehetővé teszi részletesebb vizsgálatukat.

62. sír (20–21. kép): 6-7 éves fiú, mélysége 75-80 cm, tájolása K–Ny (az. 265°), kisméretű sírgödör (130×40 cm). Az eltemetett a hátán feküdt, kinyújtott végtagokkal, a feje nyugat felé, de arccal észak felé nézett (20. kép). Mellékletek a sírban: a koponyától jobbra egy csikó felkarcsontja; a koponyától balra egy csontból

készült edény (20. kép); az állkapocs alatt lovascsüngős nyakék maradványai (21. kép: 1), egy bronzcsörgő (21. kép: 2), több ozokerit- (21. kép: 4, 6, 7) és nagy szemesgyöngyök (21. kép: 3); az öv környékén egy korhadtt bőrszíj került elő erősen oxidálódott, vékony veretekkel (21. kép: 10), a medence jobb szélén egy vaskés (21. kép: 11) és egy teljesen szétesett réz fejesgyűrűből származó karneolbetét (21. kép: 12).

E tárgyak analógiáinak többsége meglehetősen hosszú időintervallumban volt használatban. Például a lovascsüngőkhöz (21. kép: 1) közeli változatok már a harinói időszak lelőhelyein (mityinoi temető) megjelentek a Káma-vidéken. Széles körben elterjedtek a Kr. u. 6–7. században (ld. birszki temető, illetve a varnyi temető girkeszuri szakaszából származó sírok) (Семехов, 1980) és egészen a 8–9. századig keltezhetők. A karom alakú függők analógiái a polomi kultúra midlany-saji szakaszának (Kr. u. 8–9. század) temetkezéseiben (Varnyi temető 20, 38, 75, 127. sírok) ismertek. A szemesgyöngynek is találhatóak analógiái. Összességében valószínűsíthetjük, hogy a 62. sír mellékleteinek datálása nem lépi át a Bolsije Tyigani temető Je. A. Halikova által javasolt alapvető időkereteit (8. század – a 9. század eleje). Ezzel együtt a polomi-Káma vidéki analógiák nagy száma jellemzőnek mondható, amely arra utal, hogy a Bolsije-Tyigani temető népessége Középső-Káma vidéki elemeket is magába foglalt.

A Bolsije Tyigani temető alapvető használati idejével, azaz a Kr. u. 8–9. sz. elejével kapcsolatban érdemes megemlíteni még a **68. sírt** (26. kép) is. A felszíntől 50-60 cm mélységben jelentkezett a csernozjom rétegben, ahol a sírgödör alakja és mérete nem volt meghatározható. Egy férfi gyenge megtartású csontvázat bontották ki, mely a hátán feküdt, nyújtott testhelyzetben, fejével NY–DNY felé tájolva, mely a bal halántékra dőlt. A csontmaradványokkal együtt feltártak még a koponya alatt egy szemfedőként használt aranylemezt (27. kép: 17), az állkapocs közelében egy csörgő alakú bronzgombot (27. kép: 1), a deréktájékon egy veretes öv maradványait, rombusz alakú bronzveretekkel és csattal (27. kép: 2–3). Kicsit lejjebb csattal és félkör alakú bronzveretekkel ellátott bőrvö maradványai

(27. kép: 5), a jobb kéz egyik ujjpercén pedig egy ezüstgyűrű foglalatban elhelyezett karnelbarkással (gyöngy) (27. kép: 4) került elő. A medence jobb széle alatt egy vaskés feküdt (27. kép: 7), illetve valamivel a jobb kéz ujjpercei alatt egy 5 darabból álló, tüskés vas nyílsúcs (27. kép: 8–12) készlet, melyek vágóélükkel nyugat felé feküdtek. A jobb medencecsont és combcsont alatt egy vasból készült tegezakasztó horog volt (27. kép: 15), míg a jobb combcsonton csontlemezek (27. kép: 18), valószínűleg egy íjról, a bal csuklón pedig egy bronz karperec került elő (27. kép: 14).

E tárgyak között számos olyan van, amelynek analógiái a Bolsije Tyigani temető korábban feltárt temetkezéseinek mellékletei között is előfordulnak: nyílsúcsok, csatok, kések, tegezakasztó horog, karperec, egyes övverettípusok (27. kép: 3). A 68. sírnak a fő sírcsoporthoz sorolható időrendjét (Kr. u. 8. – 9. század első fele) és etnikai hovatartozását a leletanyagban meglévő párhuzamok is mutatják. Így az övveretek esetében (27. kép: 3, 5) a Kr. u. 8–9. századi varnyi temető középső (midlany-saji) temetkezési fázisának anyagában ismerünk párhuzamokat, míg a három rombusz alakú nyúlvánnyal ellátott veret (27. kép: 6) közel áll a bekesevói II temető 2. kurgánjának 2. számú sírjából származó verethez. A hosszúkás fokkal és pengével, valamint egyenes háttal ellátott köpüs balta (27. kép: 13) analógiái a varnyi, midlany-saji és a tankejevki temető, szintén a 8. század második felére – 9. század elejére keltezett korai temetkezéseiben ismertek.

Ugyanakkor 1980-ban került feltárára a **65. sír**, amely kronológiailag későbbi, mint a temetőben korábban vizsgált sírok fő csoportja, legtöbbje. A keltezést leginkább a nyakban viselt, átütött ezüstpénnel támasztja alá, mely A. G. Muhamadijev meghatározása szerint Iszmail Ibn Ahmed szamanida dirhemje, amelyet 287 AH-ban, azaz Kr. u. 900-ban vertek (25. kép: 26).

Az eltemetett személy (nő, 20-30 éves) egy gödörben (200×60–70 cm) feküdt 85–90 cm mélyen a hátán, fejével NY–ÉNY felé (az. 300°), arccal felfelé. A gödör alján fanyomok voltak, amelyek nyilvánvalóan egy koporsóból származtak. Az eltemetett nő melletti leletanyag

(24. kép): a bal vállnál egy ló felkarcsontja, a koponyán (a szemgödörben és a felső állkapcsón) pedig egy halotti maszk nyomai maradtak fenn: háromszögletű és mandula alakú ezüst szemfedő- (25. kép: 1–2) és szájlemezek (25. kép: 3) formájában. A bal halánték alatt egy bronzból öntött fülbevaló feküdt (25. kép: 4), mely alatt szövet és növényi rost nyomait figyelték meg. A koponya jobb oldalán egy vasár (25. kép: 6) és három vastű (25. kép: 7) feküdt, a nyakcsigolyáknál pedig egy kék és világoskék üveggyöngyökből álló nyaklánc maradványai (25. kép: 8). A mellkas területén bronzgombok kerültek elő (25. kép: 10), a mellkas közepétől a jobb felkarcsont közepéig pedig 7 nagyméretű, világoskék színű gerezdelt fajanszgyöngy (25. kép: 12). A mellkason és alatta réz- és bronzveretekből, valamint egy kanálamulettből álló hajfonatdísz futott (25. kép: 13–15). A deréktájon ezüstcsattal ellátott veretes öv maradványai (25. kép: 18) ismertek, háromszög alakú áttört és szív alakú sima felületű övveretekkel (25. kép: 17). Mindkét kar könyökrészén kiszélesedő végű, beütögetett mintákkal díszített karperec volt (25. kép: 20–21), a jobb kéz ujjpercein pedig egy foglalatos gyűrű kék üvegbetétje (25. kép: 22). A bal karcsontnál három hosszú és keskeny vaskés került elő markolatmaradványokkal, melyeket a végükön préselt díszítésű ezüst markolatgombbal zártak le (25. kép: 23–24).

A rítust tekintve (nyugati tájolás, halotti maszk maradványai, ló combcsontja stb.) ez a temetkezés kétségtelenül a Bolsije-Tyigani temető legtöbb sírjának hagyományait folytatja. A 65. sírban talált tárgyak közül sok a 8–9. századi temetkezésekben is megtalálható, pl. övveretek, öntött fülbevaló két kiszélesedő gömbdíszel, csörgő alakú gombok, kiszélesedő végű poncolt karkötők. Így tehát feltételezhetjük, hogy sír etnikailag és kronológiailag szorosan kapcsolódik a temető sírjainak döntő többségéhez. Ugyanakkor vannak itt jóval későbbi keltezésű tárgyak is, melyek hiányoznak a temető sírjainak többségéből. Ezek a vaskések, amelyek markolatát ezüst markolatgombbal fedték (25. kép: 24), és amelyek analógiái általában csak a 10. századtól kezdődően ismertek. A gerezdelt fajanszgyöngyök tagolt felülettel (25. kép: 12)

szintén csak a 10. században terjedtek el. Ennek alapján és figyelembe véve a 9–10. század fordulójáról származó pénzérmék előfordulását a sírban azt valószínűsíthetjük, hogy a tárgyalt temetkezés biztosan nem korábbi a 10. század első felénél.

A Bolsije Tyigani temető feltárása 1981-ben folytatódott. Ebben az évben az 1980-as ásatástól nyugat-északnyugatra folyt a kutatás (1. kép), amely 68 szelvényből (3×3 m) állt és 612 m² területet fedett le. Ezen a hatalmas, teljes egészében felszántott és átlagosan 80 cm mélységig felásott területen mintegy 30 sír maradványai (70–98. sír) és több cölöplyuk került elő. A sírok körülbelül 3 sorban helyezkedtek el (1. kép), ráadásul az egyik sor (73–78, 94–98. sír) főként sekélyen fekvő gyermektemetkezésekből állt. Egy három nagy gödörből álló csoport (91–93. sír) különíthető el, melyek mintha egyetlen betöltés alatt helyezkedtek volna el. Valamennyi sírgödör viszonylag stabilan megőrizte a téglalap formát, valamint túlnyomórészt nyugati tájolását. Ugyanakkor szinte minden sírt egykorú rablás érintett. Az egyetlen bolygatatlan temetkezés a **70. számú sír** volt (28. kép).

Ennek a sírnak a gödre (200×50–70 cm) sekély (70–75 cm) volt, melynek tájolása K–Ny. Az eltemetett középkorú nő a hátán feküdt, a feje nyugat felé. A föld súlya által összenyomott koponyája a jobb halántékán pihent, jobb karja kinyújtva, bal karja enyhén behajlítva, kézfeje a medencéjén nyugodott. Az eltemetett nővel együtt a fejtájékon egy kerek aljú, kézzel formált edényt (29. kép: 7), egy csontfésűt (29. kép: 5) és egy vasárt (29. kép: 6) találtak a sírban. Az állkapocs alatt feküdt egy nyaklánc, mely két szemesgyöngyből, 24 darab belső aranyozású üvegyöngyből, néhány réz tekerceselt felfűzős díszből és egy medvefogból állt (29. kép: 1). A jobb singcsonton a végein üvegbetétes bronz huzalkarkötő (29. kép: 3), valamint a jobb kéz egyik ujjának ujjpercén bronzgyűrű helyezkedett el, karmos fészkü foglalattal a betét számára (29. kép: 4). A fémdíszeken nemez és bőrfoszlány-maradványok voltak megfigyelhetők. A csontváz fölött 5–7 cm-rel, a mellkas fölött a sír betöltésébe helyezett veretes öv maradványai feküdtek (29.

kép: 8) melyet egy bronzcsat és szív alakú bronz övveretek díszítettek.

Jóllehet a temetkezési rítus és a mellékletek nem térnek el alapvetően a temető alapvető, közös tendenciájától, a 70. sír mellékletei, főleg övveretei a kései temetkezések közé sorolják azt, mely nem tehető sem a 10. század elé, sem későbbre. Továbbá a Volga-Káma-vidék emléktanyájában csak a 10. századtól kezdve fordulnak elő a végükön foglalattal betéttel ellátott huzalkarkötők. Alapvetően ugyanebből az időszakból származnak a szív alakú, oldalsó kidudorodással és stilizált növényi díszítéssel ellátott övveretek is (29. kép: 8). Analógiáik ismertek a 10. századi tankejevukai, őscseremiszi és honfoglalás kori temetkezésekből. Hasonló veretek fordultak elő 1981-ben a Bolsije Tyigai temető 94. számú kirabolt sírjának maradványai között.

Mindez arra enged következtetni, hogy az 1981-es ásatáson előkerült temetkezések többsége a 10. században került földbe, és a keleten, helyben maradt magyarok csoportjához köthető, miután rokonaik nagy tömege nyugatra távozott. A helyben továbbélő csoport továbbra is megőrizte temetkezési és kulturális hagyományait. Jellemzőek a halottal közös sírba tett lovastemetkezések nyomai, ahol a lókoponyát és végtagcsontokat (ld. 71, 83, 90, 92, 95. sír), vagy a lótetem egyes részeit (jobb lábvég) (ld. 74–75. sír) a halott maradványaival együtt helyezték el a sírban (általában valamivel magasabban, mint a sírfenek). Ugyanakkor új jelenség, amikor egész lótetemet temettek el az elhunyt mellé. Ezt a jelenséget a **91–93. számú sírcsoportban** jegyezték fel (1. kép).

Már az ásatások megkezdése előtt is látszott egy 10–15 cm magas halvány kiemelkedés a később feltárt komplexum területén. 40–50 cm mélységben emberi és lócsontok elszórt töredékei kezdtek megjelenni a csernozjom (humusz) rétegben. 50–60 cm mélységben három nagy (91–93. számú) és három kis kerek gödör (5–7. számú) kontúrja körvonalazódott az agyagos altalajban, melyek egy összefüggő objektumot alkottak. A 91. számú gödör szabálytalan alakú volt (235×75–110 cm), KDK–NYDNY irányban

húzódott (az. 316°), délnyugati oldalán egy rablógödör kevert foltjával. A 85 cm mélységig megásott gödör üresnek bizonyult. A 93. számú gödörben (170×65 cm), amelynek tájolása DK–ÉNY (az. 304°), 75–95 cm mélységben egy ló (3-4 éves csödör) teljes csontvázának maradványait tárták fel, amely 80-95 cm mélységben, pofával ÉNY felé feküdt, a lábak pedig a test alá húzva helyezkedtek el. Középen a ló hátsó részét és fejét a szegycsontjával együtt a fosztogatók megbolygatták, sőt a szomszédos 92. számú gödör rablógödörének betöltésébe dobták. Egyértelmű, hogy a lótetem ezen része gazdag lószerszámzatot tartalmazott, kantárt, és nyereggel együtt kengyelt. A 92. számú gödör (210×60–80 cm), amely szintén DK–ÉNY felé tájolt, a bolygatott csontokon kívül különálló emberi csontokat is tartalmazott, közöttük zöld rézpatinanyomosakat is. Mellékletek nem maradtak meg. A mélység 90 cm.

A vizsgált síregyüttesek közeli analógiái figyelhetők meg a Kr. u. 6–7. századi altaji türk népesség temetkezési rítusaiban, különösen Kudirge temetőben – ld. az A. A. Gavrilova által elkülönített első sírtípust (Гаврилова 1965, 59). Itt egy lovastemetkezéssel emberi váz figyelhető meg, ahol a ló hason fekszik, behajlított lábakkal az emberrel párhuzamosan, tőle balra, de ugyanazon a szinten és azonos tájolásban. Gyakran van a közelben jelképes sír is. Nagyon is lehetséges, hogy ugyanezzel a tradícióval állnak összefüggésben a 92. és 93. számú gödrök végében feltárt két kis kerek (17-25 cm átmérőjű) gödröcskék, melyek valószínűleg a török törzsekre igen jellemző balbalok – a sír körüli oszlopok – cölöplyukai.

1982-ben a Bolsije Tyigani temető ásatásait északon (252 m² feltárt terület és 9 temetkezés) és északnyugaton (504 m² feltárt terület és 6 temetkezés) folytatták (1. kép).

Sajnos kivétel nélkül minden sírgödört rablógödörrel roncsoltak, a bennük lévő csontvázakat erősen megbolygatták, a temetkezési mellékletet lényegében teljesen összeszedték a sírrablók. A sírgödörök nagyon pontos eltalálása a rendkívül ritka elhelyezkedésük mellett (egy sír közel 50 m² terület feltárását tenné szükségessé) arra utal, hogy a sírok felett vagy

azok közelében valamilyen külső jelölő elem, valószínűleg kisebb halmok vagy faoszlopok voltak.

Valamennyi sírgödör stabilan K–Ny tájolású, két sírgödörben (103. és 112. számú) csak lókoponyákat tártak fel, míg a 108. és 109. számú sírokban a lócsontváz részeivel együtt (koponya és végtagscsontok) emberi csontokat is találtak. A 108. és 112. temetkezésben 2–2 lóváz csontjait azonosították (108. sír: egy 5 év alatti és 5 év feletti lóból; 112. sír: 5,5 és 10 éves lovakból). Az 1982-ben feltárt temetkezések sem egyedi tárgyi mellékleteikben: apró gyöngyök, csörgő alakú gomb, vaskések, nyílcsúcs töredéke, kézzel formált kusnarenkovói kerámia töredékei, sem temetkezési szokásaikban nem térnek el a temető általános tárgyi hagyatékától és temetkezési szokásaitól, mely alapján ezeket a sírokat is temető általános típusai közé sorolhatjuk. Az 1984. évi kiterjedt ásatás során a lelőhely délnyugati részén 14 sír maradványait tárták fel, amelyeket szintén majdnem teljesen kifosztottak. Végül 1985-ben a lelőhely fennmaradó, köztes részét vizsgálták meg, ahol további 15 rablott sírt azonosítottak (1. kép).

Az 1979–1985. közötti ásatási adatok lehetőséget adnak annak megerősítésére, hogy a korai magyarok által hátrahagyott Bolsije Tyigani temető még a 10. században is használatban volt, még akkor is, amikor a Kr. u. 8–9. században az Alsó-Káma vidékét benépesítő korai magyar népesség legkésőbb a 9. század első felében nagy tömegében Levedia és Etelköz szállásterületeken keresztül a jelenlegi lakott területre költözött. Ezt bizonyítják az érintetlen 65. (1980) és a 70. sírok (1981). A megmaradt lakosság azonban láthatóan kezdett keveredni új törzsi csoportokkal, helyiekkel és újonnan érkezettekkel egyaránt. Megállapítható, hogy a polom–csepcai (lomovatovói) jellegzetességek erősödése főként a sírmellékletekben domináns (ld. 62, 65, 70. sírok). Ez a jelenség legkésőbb a 9. század első felében egy közép-kámai népességnek az Alsó-Káma és a Közép-Volga vidékére való közvetlen beköltözésével hozható összefüggésbe. Ezt a népességet később (a 10. században) *eszegel* vagy *eszkiej*, azaz régi törzs néven említik az írott források. A helyben maradt

korai magyar népesség közé a 9. és 10. században más törzsek is kezdtek bekerülni.

Ebben az összefüggésben érdekesek a másodlagos temetkezési rítus nyilvánvaló nyomai, melyeket az 1980-ban feltárt 63. és 64. sírokban figyeltek meg. Itt az eredetileg a szabadba helyezett holttest csontvázmaradványait a kötőszövetek bomlása után egy sírgödörbe helyezték át. Ibn Fadlan már a 10. század elején beszámol ilyen rítusról az Alsó-Káma vidékén, leírva egy pogány temetését, aki szándékán kívül ölt embert: „készítenek khadank-fából egy ládát, azt rászögezik, miután melléhelyeztek három cipót/lepényt (arghifa) és egy korsó vizet. Emelnek neki három – a tevenyereg rúdjaához hasonló – husángot és fölfüggesztik őt ezek közé, e szavak kíséretében: „Az ég és a föld közé helyezzük őt, az eső és a Nap martalékaul, talán az Isten irgalmas lesz hozzá.” Így marad felfüggesztve, amíg csak az időtől el nem enyészik, s a szelek szerteszórják.” (Ковалевский, 1956)². Az armijevói kurgán és halmok nélküli 9–10. századi temetőben az utóbbi években végzett kiterjedt feltárások rámutattak, hogy a másodlagos temetkezés rítusa különösen az írott forrásokból jól ismert burtaszokra volt jellemző (Халиков, 1981a, 156). Ugyanezen a temetkezési helyen a korai magyar temetkezési rítus olyan jellegzetes részletei is ismertek, mint a halotti maszkok (Халиков, 1983). Mindez arra utal, hogy a 9–10. században a burtászok aktív kapcsolatban álltak a korai magyarokkal, sőt az is jól látható, hogy még a közvetlen környezetükbe is kerültek.

Szintén ehhez a jelenséghez, vagyis a keleten maradt korai magyarok és a környezetükben

feltűnő az új népcsoportok keveredéséhez sorolhatjuk az olyan sírokat is, mint a páros és a többszörös temetkezések (ld. 62, 64, 72, 78, 90. sír). Ismeretes, hogy a páros temetkezések, sőt meg inkább a csoportos temetkezések rítusa nem a 9–10. századi magyarok temetkezési jellegzetessége volt, ellenben ilyen temetkezésekkel találkozunk a 9–10. századi tankejevkaei temetőben, amely Volgai Bulgária éppen kialakuló lakosságának a hagyatéka (Халикова, 1971).

Végezetül, (mint már fentebb említettük) a Bolsije Tyigani temető esetében kétségtelenül új jelenségnek kell tekintenünk a 91–93. számú összetett temetkezést, melyet egy ember, egy egész ló tetemének az elhunytal párhuzamosan, hajlított lábakkal hasra fektetett váza és egy kenotáfium alkot. Ez az ősi türk környezetben létrejött rítus még később is fennmaradt, különösen a kimek-kun környezetben (Плетнева, 1985; Федоров-Давыдов, 1961).

Mindezekabeolvadásokazonbanszórványosak voltak és nyilvánvaló, hogy a *Magna Hungaria* területén maradt korai magyarok még sokáig megőrizték kultúrájukat és etnikai identitásukat. Erről tanúskodik néhány bolygatatlan kései temetkezés (pl. 65. sír), amelyekben megőrződött valamennyi etnikai jellegzetességük (szemfedők, áldozati leletegyüttesek, nyugati tájolás stb). Mindezek kellően alátámasztják az írott források töredékes információinak megbízhatóságát a magyarok elődeinek, még a Duna menti síkságot megelőző elhelyezkedéséről, szállásterületéről a távoli múltban. Továbbá bizonyítják a keleten maradt korai magyarok leszármazottainak továbbélését is.

² A magyar fordítás Ibn Fadlán: Beszámoló a volgai bolgárok földjén tett utazásról. Fontes Orientales – Keleti Források. Arab eredetiből fordította, a jegyzeteket és az utószót írta: Simon R. Budapest 2007, 64. alapján.

FROM THE EDITORIAL OFFICE

The issue of the genesis and early stages of the history of the Hungarians is one of the significant scientific problems of the early medieval history of Eastern Europe. The appeal to this topic is due to the great role of the Ugric peoples in the formation of medieval Eurasian ethnic groups and their influence on important world processes from Siberia to Western Europe. Unfortunately, the scarcity of the historical sources make it difficult for research interest in the study of scientific problems. The information obtained during the study of archaeological sites plays an important role in solving these issues.

In the Volga-Ural region there are several places connected to the presence of ancient Hungarians. One of the most striking archaeological sites demonstrating the Ugric artefacts in the Volga region is the Bolshiye Tigany burial ground. The findings in the excavations of the ancient Hungarian necropolis take an important place in the studies of the medieval history of the steppe and forest-steppe zone peoples of Eurasia in the study of the processes of intercultural relationship and the determination of the chronology of cultural phenomena of the region.

Bolshiye Tigany burial ground was discovered in 1974 near the village Bolshiye Tigany in the Alekseevskoe district of the Tatar ASSR about 20 km south of the left bank of the Lower Kama. The beginning of the excavations was caused by emergency security research during the construction of a road between the villages Bolshiye and Sredniye Tigany. The burial ground was excavated from the mid-1970s to the early

1980s by a joint archaeological team of Kazan State University and the Institute of language, literature and history named after G. Ibragimov of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences under the leadership of A.H. Khalikov and E.A. Khalikova. About 150 burials dated from the VIII – beginning of the IX centuries were found over the entire period of studies.

The results of the first years excavations were presented more than forty years ago in the monograph by A.H. Khalikov and E.A. Khalikova “Early Hungarians in the Kama and Ural (Bolshiye Tigany burial ground)”, published in 1981 in Hungary in the German language “Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)”. In this work the materials from 56 burials (No. 1-56), studied during archaeological research in 1974-1978, were published. In the early 2010s the monograph was translated into Russian at the Institute of archaeology named after A.H. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences and republished in 2018 in the series “Archeology of the Eurasian Steppes” in volume 25 to the opening of the IV International Magyar symposium in Kazan.

The artefacts from the excavations of subsequent years on the Bolshiye-Tigany burial ground remained out of sight of a wide range of researchers. The presentation of the excavation results on the site at the current stage in the form of a monograph was possible thanks to the documents kept in the scientific fund of the Institute of archeology named after A.H. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences. In the personal

files of the researcher's archive an unpublished typescript of the work has been preserved, which is the preparation for the publication of the results of the continuation of the Bolshiye Tigany burial ground excavations carried out to study the ancient Hungarian burials after 1978. The typescript of the scientific work, named by A.H. Khalikov "Great Hungary between the Volga and the Urals", dedicated to the 1100th anniversary of the conquest of the Homeland by Hungarians, includes a detailed description of the materials of archaeological research of the necropolis in 1979-1982, 1984-1985 and the burials found on it from 57 to 142, which were not included in the previous work in German language.

Scientists of the Institute of archaeology named after A.H. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences prepared the typescript for publication: the text was digitized, archival materials were collected to clarify the illustrations from the reports of researchers from the archives of the Institute of archaeology named after A.H. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences and the Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences in Moscow. The work consists of two parts, each of which contains materials that give an extensive presentation of the historical significance of the burial ground and its place in the cultural genesis of the Ugric population in Eastern Europe.

Scrupulous long-term study of the text and illustrations of the typescript allowed to publish the materials of the excavations of A.Kh. Khalikov's unpublished work. Significant support in the preparation was rendered by Hungarian colleagues in the person of Attila Türk, who provided invaluable sincere assistance in the publication of this monograph. The introductory part and the generalizing chapter of the monograph, devoted to the fate of Hungarians who remained in their ancient homeland, has been translated into Hungarian. The appendix contains the article «Bioarchaeological analysis of

Bolshie Tigani cemetery in context of Hungarians' early history» in English. It is also necessary to say words of gratitude for the assistance and attention to the preparation of the work to the Consul General of Hungary in Kazan Adam Stifter.

At present Bolshiye Tigany burial ground is the largest investigated by archaeological excavations burial ground of the ancient Hungarian origins studied in the Volga-Ural region. Of particular importance to it is the fact that its burial rite and inventory reflected the stable traditions of the population who left this burial complex. The features of the necropolis allow us to approach the solution of many nodal problems of the genesis history of the archaeological cultures of the Middle Volga - Ural region in the second half of the I millennium AD. The uniqueness of the site allows us to consider the ancient ways of migration and the formation of a new social environment in the world of early medieval Eurasia. The main specificity of this archaeological site, which attracted the close attention of the scientific community at one time, is expressiveness of its unique and vivid material culture.

The publication of the typescript of A.H. Khalikov's monograph is a tribute to the memory of the remarkable researchers of this unique archaeological monument, which has occupied an important place in world historical science. The tireless and productive work of scientists revealed new layers of the ancient and medieval history of the Volga-Ural region. We dare to hope that this publication will not just be a memorial publication of the excavations results of the Bolshiye Tigany burial ground, but will serve as the beginning of a new constructive discussion of the Ugric-Magyar problem, as well as a number of nodal problems of the history and archeology of the region. The great discoverers of the past of our region are in our memory while their works are discussed and their discoveries serve as a starting point for further research.

*Sitdikov A.G.,
Drozdova G.I.,
Sattarov R.R.*

Литература

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII и XVI вв. о татарах и Восточной Европе / Исторический архив, III. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1940. С. 71–112.

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. эрмитажа, 1962. 524 с.

Багрянородный Константин. Об управлении государством. // Известия ГАИМК. Вып. 91. М.-Л., Соцэкгиз, 1934. С. 9–23.

Балашша Й. Венгерский язык. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951. 375 с.

Барта А. Истоки венгерской культуры X в. // Проблемы археологии древних угров (далее ПАДИУ) / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 118–128.

Белорыбкин Г.Н. Буртасы XI–XIII вв. // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Межобластная научная конференция. Пенза: Полиграфист, 1990. С. 14–16.

Васильев Б.А. Проблема буртасов и мордва // Вопросы этнической истории мордовского народа / Труды Института этнографии. Т. LXIII. Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Белицер, К.А. Котков. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 180–209.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Наука, 1965. 110 с.+ илл.

Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г. Башкиро-мадьярская проблема // Археология и этнография Башкирии. Т. I / Под ред. Р.Г. Кузеева, К.В. Сальникова. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 336–343.

Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук / Отв. ред. Х.Ф. Хайруллин. Казань: КФАН СССР, 1959. С. 157–219.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. (проблема этноса и его происхождения) // ПАДИУ / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронение военнопленных) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1976. С. 55–108.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1977а. С. 90–136.

Генинг В.Ф. Проблема происхождения венгров (IV Международный конгресс финноугроведов) // СА. 1977б. № 1. С. 317–321.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. 200 с.+ илл.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Горбунов В.С. Курганы кушнареновского типа в Южной Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа, БФАН СССР, 1984. С. 55–59.

Гумилев Л.Н. Хунну. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. 292 с.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд) / АН СССР. Ин-т истории народов Азии. М.: Наука, 1966. 191 с.

Гумилев Л.Н. Древние турки. М.: Наука, 1967. 504 с.

Железчиков Б.Ф. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья // История и культура сарматов. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1983. С. 48–60.

Засецкая И.П. О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV–V века нашей эры // Археологический сборник Эрмитажа. Вып. 18 / Под ред. П.П. Пиотровского. Л.: Аврора, 1977. С. 92–100.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. Т. I. М.: Изд-во Восточная лит-ра, 1962. 280 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. Т. II. М.: Наука, 1967. 212 с.

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. // Археология и этнография Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1971. С. 94–155.

Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника. // ПАДИУ / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 161–167.

Казаков Е.П. Кушнареновские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. С. 115–135.

Казаков Е.П., Халикова Е.А. Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних болгар / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. С. 21–35.

Казанцева О.А., Ютина Т.К. Керамика кушнареновского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века. / Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов (Ижевск): Удмур. ун-т, 1986. С. 110–129.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // МИА. № 80. М.: Наука, 1960. 252 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1956. 347 с.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974. 572 с.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М.: Наука, 1983. 224 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Изд-во Куйбыш. ун-та, 1981. С. 52–73.

Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские историки. СПб.: В типографии Л. Демиса, 1860. С. 318–470.

Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. Т. XXIII / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1955. С. 131–168.

Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1983. С. 77–89.

Москаленко А.Н. Славяно-венгерские отношения в IX веке и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона // ПАДИУ / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 189–196.

Плетнева С.М. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура // МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.

Плетнева С.М. Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.М. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 77–80.

Полесских М.Р. О культуре и некоторых ремеслах обугаризированных буртас / Из истории ранних болгар / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. С. 56–58.

Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгар: каталог выставки. М.: Изд. дом Марджани, 2016. 560 с. : ил.

Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благодати 1253 / Ред. Н.П. Шастина. М.: Изд-во географической лит-ры. 1957. С. 87–194.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. № 163. М.: Наука, 1970. 200 с.

Семенов В.А. Варнинский могильник / Новый памятник поломской культуры / Научный ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР. 1980. с.5-135.

Скрипкин А.С. К проблеме хронологии археологических памятников Азиатской Сарматии II–V вв. // Древние и средневековые культуры Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Изд-во Куйбыш. ун-та, 1981. С. 73–87.

Смирнов А.П. Археологические данные об угро-венграх в Поволжье // ПАДИУ / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 88–94.

Спицын А.А. Венгерские вещи X в. в России // ИАК. Вып. 53. Пг., 1914. С. 107–110.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. ДІ–32 / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1967. 97 с.

Степанов П.Д. Памятники угорско-мадьярских племен в Среднем Поволжье // АЭБ. Т. 2 / Под ред. Р.Г. Кузеева, К.В. Сальникова. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1964. С. 136–147.

Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Институт славяноведения. 1962. 271 с.

Федоров-Давыдов Г.А. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае в конце XIII в. // ЭВ. Вып. 14. Л., 1961. С. 49–89.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 274 с.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1962. С. 7–187.

Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 7–36.

Халиков А.Х. Изучение археологической культуры ранних болгар на Волге // Плиска – Преслав. Прабългарската култура. Материали от българско-съветската среща, Шумен, 1976. Т. 2 / Отв. ред. Д. Ангелов. София: БАН, 1981б. С. 36–42.

Халиков А.Х. Към въпроса за археологическите извори на културата на прабългарите // Проблеми на културата / Отв. ред. Е. Николов. София: БАН, 1981в. № 4. С. 9–15.

Халиков А.Х. Раскопки могильников Татарии // Археологические открытия 1980 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981а. С. 156.

Халиков А.Х. Раскопки Армиевского и Больше-Тиганского могильников. // Археологические открытия 1981 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 177–178.

Халиков А.Х. Культура древних венгров в Приуралье и Подунавье // Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6–10 Jahrhundert. Nitra, 1984б. С. 45–47.

Халиков А.Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) // Проблемы археологии степей Евразии: Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А.И. Мартынов, И. Эрдели. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1984а. С. 122–133.

Халиков А.Х. Работы в Татарии и Пензенской области // Археологические открытия 1982 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984в. С. 181–182.

Халиков А.Х. Венгры, болгары и буртасы в Среднем Поволжье и Приуралье // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 27–32.

Халиков А.Х. Раскопки Больше-Тиганского могильника // Археологические открытия 1984 г. / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1986. С. 157–158.

Халиков А.Х. Исследования на Больше-Тиганском могильнике и в Казани // Археологические открытия 1985 г. / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987а. С. 210–211.

Халиков А.Х. Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском Правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья / АЭМК. Вып. 12 / Отв. за вып. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987б. С. 8–24.

Халиков А.Х. Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 67–78.

Халиков А.Х. Основные этапы урало-индоевропейских связей в Среднем Поволжье и Приуралье // *Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции. Ч. II* / Ред. В.В. Иванов. М.: Наука, 1990а. С. 53–59.

Халиков А.Х. Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // *Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе* / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ АН СССР, 1990б. С. 5–15.

Халиков А.Х. Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // *Биляр – столица домонгольской Булгарии* / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ АН СССР, 1991. С. 47–60.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии* / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1971. С. 64–93.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // *ПАДИУ* / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 145–160.

Халикова Е.А. *Magna Hungaria* // *ВИ*. 1975. № 7. С. 37–42.

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // *СА*. 1976а. № 2. С. 158–178.

Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // *СА*. 1976б. № 3. С. 141–156.

Халикова Е.А. К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе // *Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материалы от българо-съветската среща*. Шумен. 1976. Т. 2. / Ред. Д. Ангелов. София: БАН, 1981. С. 72–81.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) // *Археология евразийских степей. Вып. 25*. Казань: Изд-во ФЭН, 2018. 144 с.

Хамид ал-Гарнати. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Наука, 1971. 134 с.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии (К вопросу об этнокультурном составе населения). М.: Наука. 1984. 240 с.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР // *Хозяйство Башкирии*. 1929. № 8–9. С.26.

Шушарин В.П. Русско-венгерские отношения в IX в. // *Международные связи России до XVII в.* / Ред. А. А. Зимин, В. Т. Пашуто. М.: изд-во АН СССР, 1961. С. 131–180.

Эрдели И. Извлечения из хроники венгерского Анонима // *ВАУ. Вып. 7*. Свердловск-Ижевск: УрГУ, 1967. С. 172–181.

Эрдели И. К вопросу о пребывании древних венгров на Кубани // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum: Tallinnae habitus 17–23. VIII 1970. Pars II*. Tallinn. 1970. P. 5.

Эрдели И. Теории венгерских ученых о поволжском происхождении древних венгров // *АЭБ. Т. IV* / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1971. С. 108–112.

Эрдели И. Об археологической культуре древних венгров конца IX–первой половине X века // *ПАДИУ* / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 128–144.

Ютина Т.К. Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1984. С. 71–94.

Bálint, Cs. Die archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert. Böhlau Verlag, Wien–Köln, 1989.

Chalikov A.H. Auf der Suche nach «Magna Hungaria» // Hungarian Studies 2/2 (1986). Akadémiai Kiadó, Budapest. С. 189–215.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolshie Tigani) // Régészeti Füzetek. Ser. II, № 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 p.

Dienes I. A honfoglaló magyarok. Budapest, 1972. 140 p.

Fettich N. Die Metallkunst der Landnehmehden Ungarn. Textband. In Archeologia Hungarica. XXI. Budapest, 1937. 175 p.

Fodor I. Die große Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Budapest: Corvina Kiadó, 1982.

Fodor I. On the Contacts of Hungarians with the Baltic Area in the 9th–11th Centuries. In Hungarian Studies. Vol. 2. No. 2. Akadémiai Kiadó, Budapest. 1986. Pp. 217–226.

Halikova E. Ősmagyar temető a Káma mentén, Magna Hungaria kérdéséhez. In Archeologiai Értesítő. 103–1. Budapest. 1976. С. 53–78.

Joki, Aulis J. Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Suomalais-Ugrilainen Seura Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 151. Helsinki, 1973, XXVII + 419 S.

Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetire de Tankeevka. In Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est. István Erdélyi (ed.). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977. Pp. 21–221.

László, Gy., Rácz, I. A nagyszentmiklósi kincs. Budapest: Corvina Kiadó, 1977. 192 p.

Perényi J. A Magna Hungaria kérdéséhez. In Magyar Nyelv. I–IV. Budapest. 1959. P. 375–390.

Tardy J. A. Contribution to the Cartography of the Central and Lower Volga Region. In Chuvash Studies. Bibliotheka Orientalis Hungarica. Vol. XXVIII. Budapest, 1982. Pp. 179–236.

Vásáry I. The Hungarians or Mozárs and the Mescers. Misers of the Middle Volga Region. In Archivum Eurasiae Medii Aevi. № I. 1975. Pp. 237–275.

Zakharov A., Arendt W. Studia Levedica. In Archeologia Hungarica. XVI. Budapest, 1934. S.74

Список сокращений

- АО – Археологические открытия
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БАН – Болгарская Академия наук
БФАН СССР – Башкирская Академия наук
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВИ – Вопросы истории
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИАК – Известия археологической комиссии
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПАДИУ – Проблемы археологии и древней истории угров
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
ТГУ – Томский государственный университет
УрГУ – Уральский государственный университет
ЭВ – Эпиграфика Востока

Список иллюстраций

Рис. 1. Общий план раскопок Больше-Тиганского могильника.

1. kép. Bolsije Tyigani temető feltárásainak összesítő térképe.

Рис. 2. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. План погребения 8.

2. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1974. évi ásatás, a 8. sír rajza.

Рис. 3. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. Вещевой комплекс погребения 8.

1–3 – серебряные пластины от погребальной маски, 4–9 – железные наконечники стрел, 10 – глиняный сосуд, 11 – набалдашник из серебра, 12 – перекрестие сабли с бронзовыми концами, 13 – фигурка крылатого коня, 14 – накладка с изображением олененка, 15, 16 – накладки в форме трилистника, 17 – костяные накладки от лука, 18, 19 – накладки, 20 – железная сабля в кожаных ножнах, 21 – серебряные сережки салтовского типа, 22 – ожерелье из листовидной подвески и раковин-каури, 23 – ожерелье из желтого бисера и лунницы, 24 – бронзовый браслет, 25 – желтый бисер, 26 – бронзовая пронизка, 27 – бутыльчатые подвески.

3. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1974. évi ásatás. A 8. sír leletei. 1-3: Halotti maszk ezüstlemezei; 4-9: Vas nyílcsúcsok; 10: Agyagedény; 11: Ezüst ellenzőgomb; 12: Szablya ellenzője, bronz végekkel; 13: Szárnyas lófigura; 14: Veret szarvasborjú ábrázolással; 15-16: Hármalevél alakú veretek; 17: Íj csontlemezei; 18-19: Veretek; 20: Vasszablya bőrhüvelyben; 21: Ezüst, szaltovói típusú, kisméretű fülbevalók; 22: Nyakék levél alakú csüngőből és kauri csigákból; 23: Nyakék sárga gyöngyökből és lunulából; 24: Bronzkarperec; 25: Sárga gyöngy; 26: Bronzhuzalból tekercselt felfűzős dísz; 27: Palack alakú csüngők.

Рис. 4. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. План погребения 7.

4. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1974. évi ásatás, a 7. sír rajza.

Рис. 5. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. Вещевой комплекс погребения 7.

1 – накладки серебряные (от шапочки), 2 – медная шумящая подвеска с тремя привесками, 3–3а – височные подвески с булавовидными привесками, украшенные зернью и соединенные медной цепочкой, 4–17 – остатки ожерелья из стеклянных и пастовых бус, 18, 19 – листовидные подвески из серебра (5 экз.), 20–22 – крестовидные подвески из серебра, 23 – медная цепочка,

завершенная в верхнем конце якорьком, 24 – медная пластинчатая застежка, 25 – бронзовый костыльк на цепочке, 26 – пуговка-бубенчик, 27, 28 – бронзовые пронизки, 29 – перстни (2 экз.), кольцо, 30 – витой медный браслет, 31 – браслет медный с загнутыми концами, 32 – серебряный браслет с выпуклинами, 33 – пряжка от поясного гарнитура, 34–37 – поясной гарнитур с тремя типами серебряных накладок, 38 – концевой ремешок с пластинчатым наконечником, 39 – костяное навершие стека, 40 – бронзовые пронизы с прорезными вздутиями, 41 – подвески (2 экз.), 42 – навершие стека, 43 – круглодонный сосудик, 44 – стек (на плане, рис. 4), обернутый тонкой листовой медью и завершенный на конце костяным навершием.

5. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1974. évi ásatás. A 7. sír tárgyai. 1: Ezüstveretek (sapkáról); 2: Réz csörgős csüngő 3 darab függővel; 3-3a: Buzogány alakú függővel ellátott halántékkarikák granulált dísszel, rézlánccal összekötve; 4-17: Üveg- és pasztagyöngyökből álló nyakék maradványai; 18-19: Ezüstből készült, levél alakú csüngők (5 darab); 20-22: Ezüstből készült, kereszt alakú csüngők; 23: A felső végén horgony alakú akasztóban végződő rézlánc; 24: Rézből készült, lemezes csat; 25: Bot alakú láncos bronzcsüngő; 26: Csörgő-gomb; 27-28: Bronzhuzalból tekerített felfűzős díszek; 29: Fejesgyűrűk (2 darab), és pántgyűrű; 30: Rézből készült, csavart karperec; 31: Rézkarperec, meghajlított végekkel; 32: Ezüstből készült, kidomborodó részekkel ellátott karperec; 33: Övkészlet csatja; 34-37: Övkészlet, 3 típusba sorolható ezüstveretekkel; 38: Lemezsíjvég, a bőrsíj maradványával; 39: Csont lovaglópálca-vég; 40: Bronzhuzalból tekerített felfűzős díszek, áttört, kiszélesedő részekkel; 41: Csüngők (2 darab); 42: Lovaglópálca vége; 43: Gömbölyű aljú kisméretű edény; 44: Lovaglópálca (a sírrajzon). Vékony rézlemezzel körbetekert, a végén csont pálcavéggel.

Рис. 6. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. План погребения 12.

6. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1974. évi ásatás, a 12. sír rajza.

Рис. 7. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. Вещевой комплекс погребения 12.

1 – серебряная обкладка от деревянной чаши, 2 – надглазная пластина из серебра, 3 – серьга салтовского типа из серебра, 4 – листовидная подвеска, 5 – пронизь из бронзы, 6 – бронзовый браслет, 7 – фрагмент железного ножа, 8 – пряжка из серебра, 9 – накладки прямоугольные с килевидным выступом (5 экз.), 10 – накладки сердцевидные с кольцом, 11, 12 – накладки сердцевидные (12 экз.), 13 – наконечник удлиненный, 14, 15 – подвески с кольцом, 16 – кольцо, 17–21 – железные наконечники стрел (5 экз.), 22 – костяные накладки от лука, 23 – железная петля, 24 – на плане (рис. 6), 25 – железные удила с S-овидными псалиями, 26, 27 – железные кольца, 28 – железная сабля в ножнах, 29 – глиняный сосуд.

7. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1974. évi ásatás. A 12. sír leletei. 1: Fa csésze ezüst szegélylemeze; 2: Ezüst szemfedőlemez; 3: Ezüst, szaltovói típusú fülbevaló; 4: Levél alakú csüngő; 5: Bronzból készült, felfűzni való dísz; 6: Bronz karperec; 7: Vaskés töredéke; 8: Ezüstcsat; 9: Négyzet alakú veretek, számárhát ívű kiálló résszel (5 darab); 10: Szív alakú veretek, karikával; 11-12: Szív alakú veretek (12 darab); 13: Elnyújtott síjvég; 14-15: Csüngők karikával; 16: Karika; 17-21: Vas nyílcsúcsok (5 darab); 22: Íj csontlemezei; 23: Vas függesztő; 25: Vaszabla, S-alakú oldalpálcákkal; 26-27: Vaskarikák; 28: Vasszablya hüvelyben; 29: Agyagedény.

Рис. 8. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. План погребения 28.

8. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1974. évi ásatás, a 28. sír rajza.

Рис. 9. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. Вещевой комплекс погребения 28.

1 – серебряные пластины-наглазники, 2 – медные спиральные пронизки, 3 – пряжка из серебра, 4 – накладка с прорезью, 5, 6 – накладки листовидной формы с кольцом, 7 – наконечник

ремня, 8 – браслет бронзовый, 9 – медные перстни с шатонами (2 экз.), 10 – фрагмент железного кресала, 11–14 – железные наконечники стрел (4 экз.), 15 – железные петли от колчана (2 экз.), 16 – спиральная пронизка, 17 – нож железный, 18 – железные удила, 19, 20 – стремена железные, 22 – железная сабля в кожаных ножнах, 23 – лепной круглодонный сосуд.

9. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1974. évi ásatás. A 28. sír leletei. 1: Ezüst szemfedőlemez; 2: Rézdrótból készült spirális, felfűzős díszek; 3: Ezüstcsat; 4: Áttört veret; 5-6: Levél alakú veretek, karikával; 7: Szíjvég, 8: Bronzkarperec; 9: Réz fejegyűrűk köberakással (2 darab); 10: Vascsiholó töredéke; 11-14: Vas nyílcsúcsok (4 darab); 15: Nyíltegez vasfüggesztői (2 darab); 16: Spirális felfűzős dísz; 17: Vaskés; 18: Vaszabla; 19-20: Vaskengyelek; 22: Vasszablya, bőrhüvelyben; 23: Kézzele formált, gömbölyű aljú edény.

Рис. 10. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1975 г. План погребения 47.

10. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1975. évi ásatás, a 47. sír rajza.

Рис. 11. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1975 г. Вещевой комплекс погребения 47.

1 – плечевая кость и хвостовые позвонки лошади (на плане, рис. 10), 2 – лепной круглодонный сосуд, 3 – лапчатые подвески из серебра, 4 – бронзовые накладки и наконечник с позолотой, 5 – серьги салтовского типа из серебра, 6 – бронзовые листовидные подвески (3 экз.), бусы (63 экз.), 7 – «флакончик» из серебра, 8 – бубенчиковидные пуговицы (2 экз.), 9 – накладки от поясного ремня, к которому были прикреплены 4 концевых ремешка с мелкими накладками в виде трилистника (30 экз.), 10 – зеркало из белой бронзы, 11 – браслеты бронзовые (2 экз.), 12 – накладки от ремня, которым были завязаны ноги погребенного (21 экз.), 13 – ожерелье из позвонков сома, 2-х клыков медведя и др. костей, 14 – серьга салтовского типа из меди, 15 – железный нож.

11. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1975. évi ásatás. A 47. sír leletei. 1: Ló lábszárcsontja és farokcsigolyái (a rajzon); 2: Kézzele formált, gömbölyű aljú edény; 3: Kacsatalpas ezüstcsüngők; 4: Bronzveretek és szíjvég, aranyozással; 5: Ezüst, szaltovói típusú fülbevalók; 6: Levél alakú bronzcsüngők (3 darab), és gyöngyök (63 darab); 7: Flakon alakú ezüstcsüngő; 8: Csörgő-gombok (2 darab); 9: Öv veretei, melyre 4 darab kisszíjat rögzítettek, melyekre kisméretű, háromslevelű alakú vereteket erősítettek (30 darab); 10: Fehér bronzból készült tükör; 11: Bronzkarperecek (2 darab); 12: Öv veretei, amellyel az elhunyt lábait kötötték át (21 darab); 13: Nyakék harsacsigolyákból, 2 darab medvefogból és egyéb csontokból; 14: Rézből készült, szaltovói típusú fülbevaló; 15: Vaskés.

Рис. 12. Больше-Тиганский могильник. Пряжки и накладки поясных наборов.

1–6 – погребение № 12; 6–9 – погребение № 14; 10–14 – погребение № 16; 15–17 – погребение № 24.

12. kép. Bolsije Tyigani temetője. Csatok és veretek övkészletekből. 1-6: 12. sír; 6-9: 14. sír; 10-14: 16. sír; 15-17: 24. sír.

Рис. 13. Больше-Тиганский могильник. Реконструкция конской сбруи по материалам погребения 22.

13. kép. Bolsije Tyigani temetője. Lószerszámzat rekonstrukciója a 22. sír anyagai alapján.

Рис. 14. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1975 г. План погребения 44.

14. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1975. évi ásatás, a 44. sír rajza.

Рис. 15. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1975 г. Вещевой комплекс погребения 44.

1 – круговой кувшин, 2 – лепной сосуд, 3 – ожерелье из стеклянных и пастовых бус, 4 – бляшки-накладки из серебра, 5 – браслет из серебра, 6 – бубенчик бронзовый, 7 – серьга салтовского типа из серебра.

15. sír. Bolsije Tyigani temetője. Az 1975. évi ásatás. A 44. sír leletei. 1: Korongolt kancsó; 2: Kézzel formált edény; 3: Nyakék üveg- és pasztagyöngyökből; 4: Ezüstveretek; 5: Ezüstkarperec; 6: Bronz csörgő; 7: Ezüst, szaltovói típusú fülbevaló.

Рис. 16. Карта распространения памятников VII–X вв., содержащих керамику кушнареновско-караякуповского типа (по: Ютина Т.К.).

16. kép. A 7-10. századi, kusnarenkovói-karajakupovói típusú kerámiát tartalmazó lelőhelyek elterjedés térképe (T. K. Jutyina alapján).

Рис. 17. Схема пути движения протовенгров из Великой Венгрии через Леведию и Ателькуза в Паннонию.

17. kép. A korai magyarok vándorlásának ábrája Magna Hungariából Levédián és Etelközön át Pannoniába.

Рис. 18. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Фото погребения 61.

18. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás, a 61. sír fotója.

Рис. 19. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. План и вещевой комплекс погребения 61.

1 – клык кабана, 2 – железная накладка со спирально завитым концом, 3 – обломок оселка из сланца, 4 – медная спиралевидная пронизка, 5 – шаровидная бусина, 6 – бронзовый браслет.

19. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás. A 61. sír rajza és leletei. 1: Vaddisznó-agyar; 2: Vasveret, spirálisan csavart végekkel; 3: Palából készült fenőkő töredéke; 4: Spirális felfűzős dísz rézből; 5: Gömb alakú gyöngy; 6: Bronzkarperec.

Рис. 20. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Фото и план погребения 62.

20. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás, a 62. sír fotója és rajza.

Рис. 21. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Вещевой комплекс погребения 62.

1 – коньковидная подвеска, 2 – бубенчик, 3 – глазчатая бусина, 4, 5, 6, 7 – озокеритовые бусины, 8 – бронзовая пуговка, 9 – фрагмент железного предмета, 10 – медные накладки, 11 – железный нож, 12 – вставка из сердолика от перстня, 13 – сосудик из кости.

21. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás. A 62. sír leletei. 1: Ló alakú csüngő; 2: Csörgő; 3: Szemesgyöngy; 4-7: Ozokeritgyöngyök; 8: Bronzgomb; 9: Vastárgy töredéke; 10: Rézveretek; 11: Vaskés; 12: Fejesgyűrű karneol betétje; 13: Csontból készült kisméretű edény.

Рис. 22. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Фото погребения 63.

22. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás, a 63. sír fotója.

Рис. 23. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. План и вещевой комплекс погребения 63.

1 – клык кабана, 2 – оловянная поясная накладка, 3 – медная скобочка.

23. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás. A 63. sír rajza és tárgyai. 1: Vaddisznó-agyar; 2: Ónból készült övveret; 3: Rézből készült kis kapocs.

Рис. 24. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. План погребения 65.
24. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás, a 65. sír rajza.

Рис. 25. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Вещевой комплекс погребения 65.

1–3 – наглазники и наротник из серебра, 4 – литая серьга из бронзы, 5 – кость лошади (на плане, рис. 24), 6 – шило железное, 7 – иглы железные – 3 экз., 8 – ожерелье из бус, 9 – лопатовидная подвеска, 10 – бубенчиковидные пуговицы из бронзы, 11 – накладка, 12 – фаянсовые ребристые бусы, 16 – бусина, 13–15 – наконечник из накладок, 17 – накладки из серебра, 18 – пряжка из серебра, 20, 21 – браслеты из бронзы, 22 – вставка из стекла от перстня, 23, 24 – железные ножи с остатками кожаных ножен, 26 – монета-подвеска из серебра.

25. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás. A 65. sír leletei. 1-3: Ezüst szem- és szájfedő-lemezek; 4: Öntött bronz fülbevaló; 5: Lócsont (a rajzon); 6: Vasár; 7: Vastúk (3 darab); 8: Nyakék gyöngyökből; 9: Lapát alakú csüngő; 10: Csörgős bronzgombok; 11: Veret; 12: Fajanszból készült bordázott gyöngyök; 13-15: Hajfonatdísz veretekkel; 17: Ezüstveretek; 18: Ezüstcsat; 20-21: Bronz karperecek; 22: Fejes gyűrű üvegbetétje; 23-24: Vaskések bőrtok maradványaival; 26: Ezüst érme-csüngő.

Рис. 26. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Фото и план погребения 68.
26. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás, a 68. sír fotója és rajza.

Рис. 27. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Вещевой комплекс погребения 68.

1 – бубенчиковидная пуговица из бронзы, 2 – наборный ремень из бронзовых накладок, 3 – наконечник, 4 – серебряный перстень с шатоном из сердоликовой бусины, 5 – ременная пряжка, накладки, 6 – накладка бронзовая, 7 – железный нож, 8–12 железные наконечники стрел (5 экз.), 13 – железный топор, 14 – браслет из бронзы, 15 – железный колчаный крючок, 16 – камень, 17 – золотая пластина от наглазника, 18 – костяная накладка от колчана.

27. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1980. évi ásatás. A 68. sír leletei. 1: Bronzból készült, csörgő alakú gomb; 2: Bronzveretes öv; 3: Szíjvég; 4: Ezüst fejesgyűrű karneolbetéttel; 5: Övcsat és veretek; 7: Vaskés; 8-12: Vas nyílesúcsok (5 darab); 13: Vasfokos; 14: Bronzkarperec; 15: Vas tegezakasztó; 17: Arany szemfedőlemez; 18: Nyíltegez csontverete.

Рис. 28. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1981 г. План погребения 70.
28. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1981. évi ásatás, a 70. sír rajza.

Рис. 29. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1981 г. Вещевой комплекс погребения 70.

1 – ожерелье из 2-х глазчатых бусин, пронизки и зубы медведя, 2 – бронзовая пуговица, 3 – бронзовый браслет, 4 – перстень из бронзы с лапчатым гнездом для шатона, 5 – костяной гребень, 6 – железное шило, 7 – глиняный сосуд, 8 – накладки от поясного наборного ремня.

29. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1981. évi ásatás. A 70. sír leletei. 1: Nyakék 2 darab szemes gyöngyből, felfűzni való díszekből és medvefogakból; 2: Bronz fülesgomb; 3: Bronz karperec; 4: Bronz fejesgyűrű, a betét számára szolgáló karmokkal; 5: Csontfésű; 6: Vasár; 7: Agyagedény; 8: Veretes öv veretei.

Рис. 30. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1981 г. Предметы из погребений.

1 – фрагменты лепной керамики, погр. № 73; 2 – пастовая бусина, 3 – остатки ожерелья из зубов медведя, погр. № 78; 4 – фрагмент железной пряжки от конской сбруи, погр. № 79; 5 – железный нож, погр. № 80; 13 – железная оковка, возможно от дна колчана, погр. № 82; 6 – глазчатая бусина, 7 – серебряная сережка, погр. № 86; 8 – зуб медведя, погр. № 88;

9 – кольцо от колчана, погр. № 89; 10 – поясные накладки, погр. № 94; 11 – бусина, погр. № 95; 12 – глазчатая бусина, погр. № 98.

30. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1981. évi ásatás. Leletek a sírokból. 1: Kézzel formált kerámia töredékei, 73. sír; 2: Pasztagyöngy; 3: Medvefogakból álló nyakék maradványai, 78. sír; 4: Lószerszámzat vascsatjának töredéke, 79. sír; 5: Vaskés, 80. sír; 13: Vasalás, feltehetően nyíltegez aljáról, 82. sír; 6: Szemes gyöngy; 7: Kisméretű, ezüsthülbevaló, 86. sír; 8: Medvefog, 88. sír; 9: Nyíltegez karikája, 89. sír; 10: Övveretek, 94. sír; 11: Gyöngy, 95. sír; 12: Szemesgyöngy, 98. sír.

Рис. 31. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1982 г. Предметы из погребений.

8 – фрагмент лепного сосуда, погр. № 101; 6 – наконечник стрелы, погр. № 102; 1 – бусина из стекла, 4 – обломок бронзовой сережки, 9 – железный нож, погр. № 105; 2, 3 – бусины, 7 – бубенчик, погр. № 107, 5 – железный нож.

31. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1982. évi ásatás. Leletek a sírokból. 8: Kézzel formált edény töredéke, 101. sír; 6: Nyílcsúcs, 102. sír; 1: Üveggyöngy; 4: Kisméretű bronzhülbevaló töredéke; 9: Vaskés, 105. sír; 2-3: Gyöngyök; 7: Csörgő, 107. sír.

Рис. 32. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1984 г. План погребения 113.

1a, 1б – проволочные серьги из серебра, 2, 3, 7 – фрагменты ремня с серебряными накладками, 4 – бубенчик из бронзы, 5, 9–12 – бусы от ожерелья стеклянные и пастовые, 6 – дротовый браслет из бронзы, 8 – остатки деревянной рукоятки от нагайки, 13a, 13б – серебряные кольца, 15 – бронзовая пуговка.

32. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1984. évi ásatás, a 113. sír rajza. 1a-1б: Ezüsthuzalból készült hülbevalók; 2-3, 7: Ezüstveretes öv töredékei; 4: Bronzcsörgő; 5, 9-12: Nyakék üveg- és pasztagyöngyei; 6: Bronzdrótból készült karperec; 8: Ostor fanyelének maradványai; 13a-13б: Ezüstgyűrűk; 15: Bronz fülesgomb.

Рис. 33. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1984 г. Вещевой комплекс погребения 113.

1a, 1б – проволочные серьги из серебра, 2, 3, 7 – фрагменты ремня с серебряными накладками, 4 – бубенчик из бронзы, 5, 9–12 – бусы от ожерелья стеклянные и пастовые, 6 – дротовый браслет из бронзы, 8 – остатки деревянной рукоятки от нагайки, 13a, 13б – серебряные кольца, 15 – бронзовая пуговка.

33. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1984. évi ásatás. A 113. sír leletei. 1a-1б: Ezüsthuzalból készült hülbevalók; 2-3, 7: Ezüstveretes öv töredékei; 4: Bronzcsörgő; 5, 9-12: Nyakék üveg- és pasztagyöngyei; 6: Bronzdrótból készült karperec; 8: Ostor fanyelének maradványai; 13a-13б: Ezüstgyűrűk; 15: Bronz fülesgomb.

Рис. 34. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1984 г. Предметы из погребений.

1–8 – бусины из стекла и гешира, 9 – фрагмент железного ножа, погр. № 116; 10, 11 – бусы из гешира, погр. № 118; 12, 13 – железные наконечники стрел, 14 – кремь, 15 – кольцо железное, 16 – браслет бронзовый, погр. № 120; 17 – накладка железная, погр. № 122; 18 – обломок серебряного брактиата, 19–22 – наконечники стрел железные, 23 – железный нож, погр. № 123.

34. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1984. évi ásatás. Leletek a sírokból. 1-8: Üveg-, és gagát (jet) gyöngyök; 9: Vaskés töredéke, 116. sír; 10-11: Gagátból (jet) készült gyöngyök, 118. sír; 12-13: Vas nyílcsúcsok; 14: Kovakő; 15: Vaskarika; 16: Bronzkarperec, 120. sír; 17: Vasveret, 122. sír; 18: Ezüst brakteáta töredéke; 19-22: Vas nyílcsúcsok; 23: Vaskés, 123. sír.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

КÉРЕК

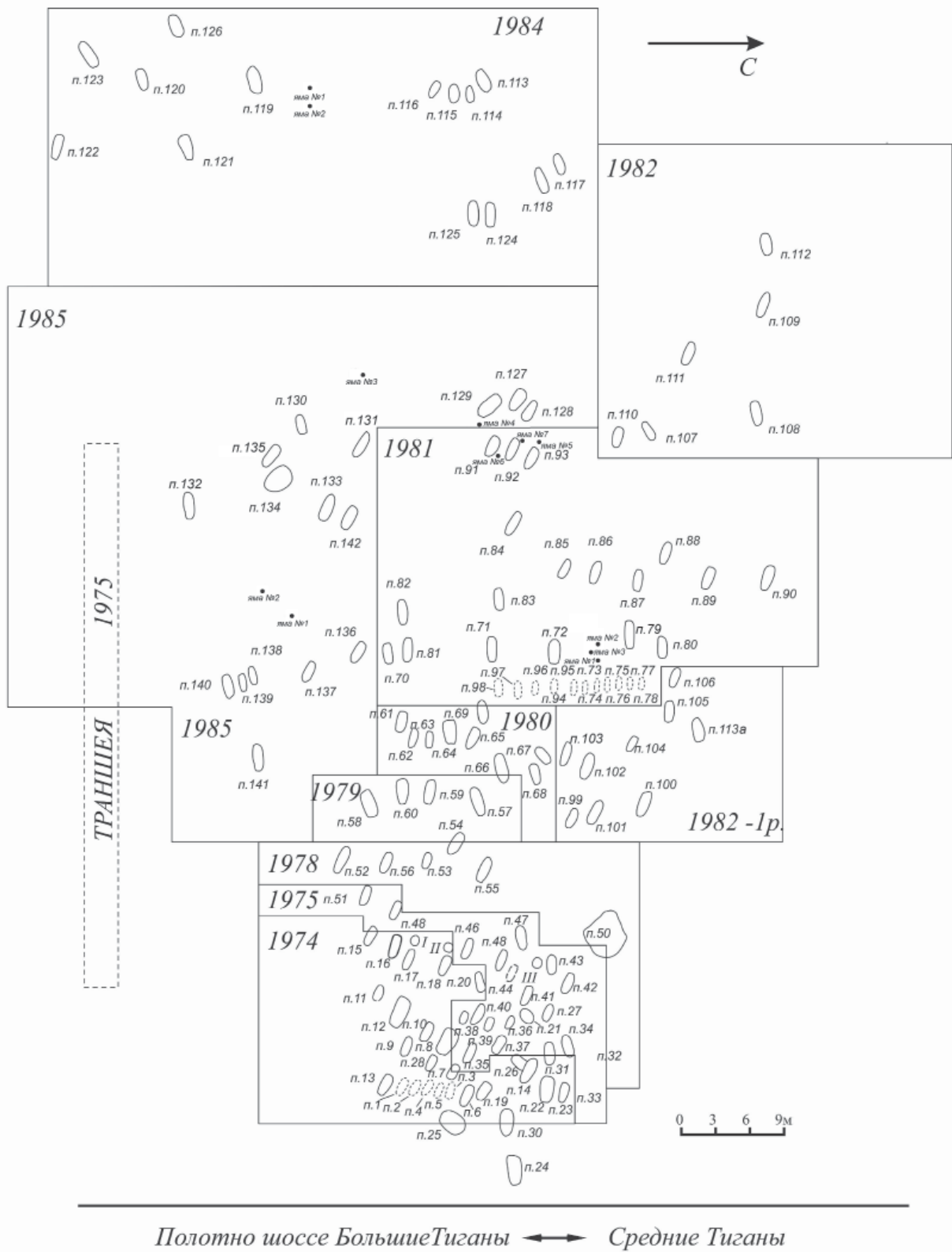

Рис. 1. Общий план раскопок Больше-Тиганского могильника.
 1. kép. Bolsije Tyigani temető feltárásainak összesítő térképe.

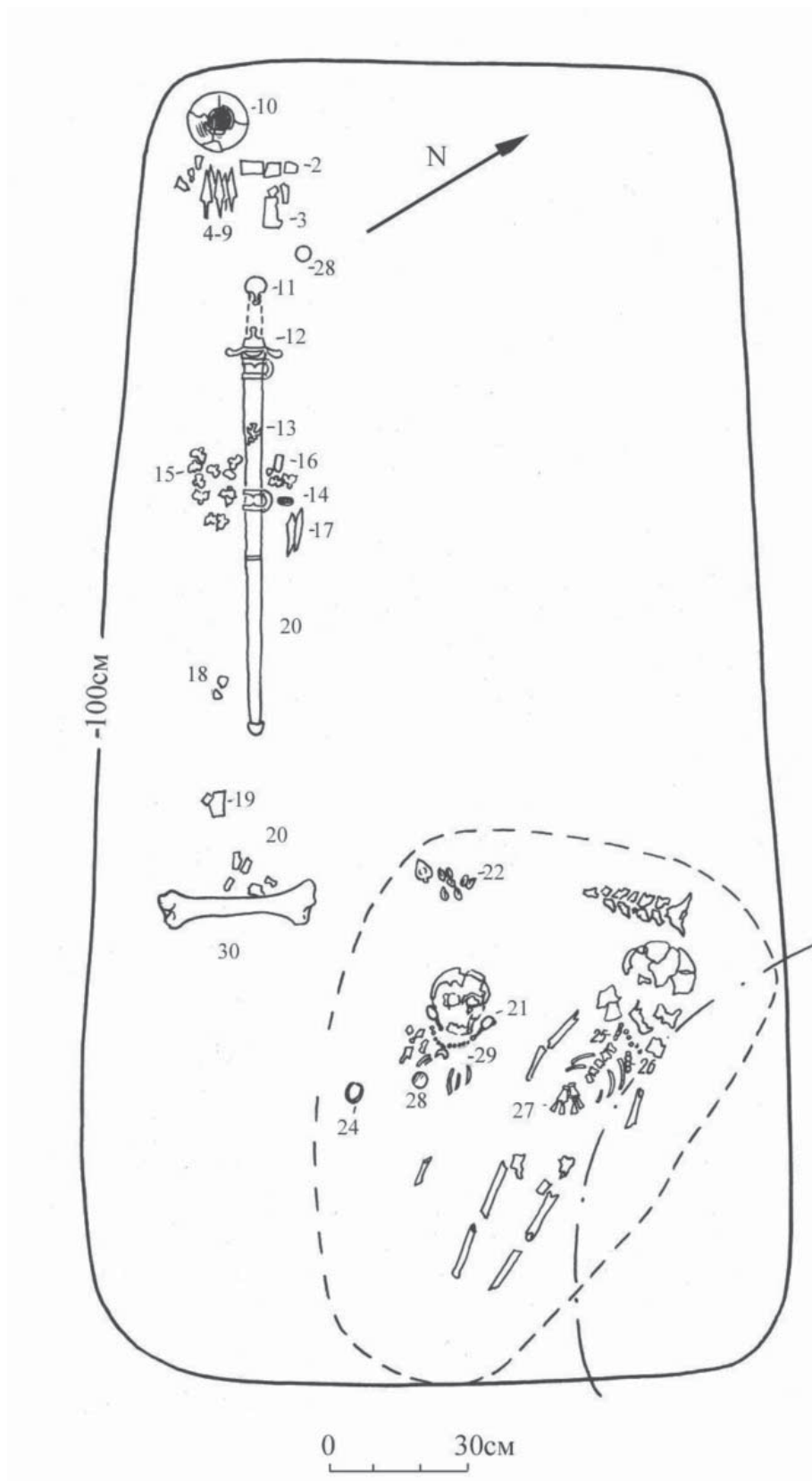

Рис. 2. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. План погребения 8.
2. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1974. évi ásatás, a 8. sír rajza.

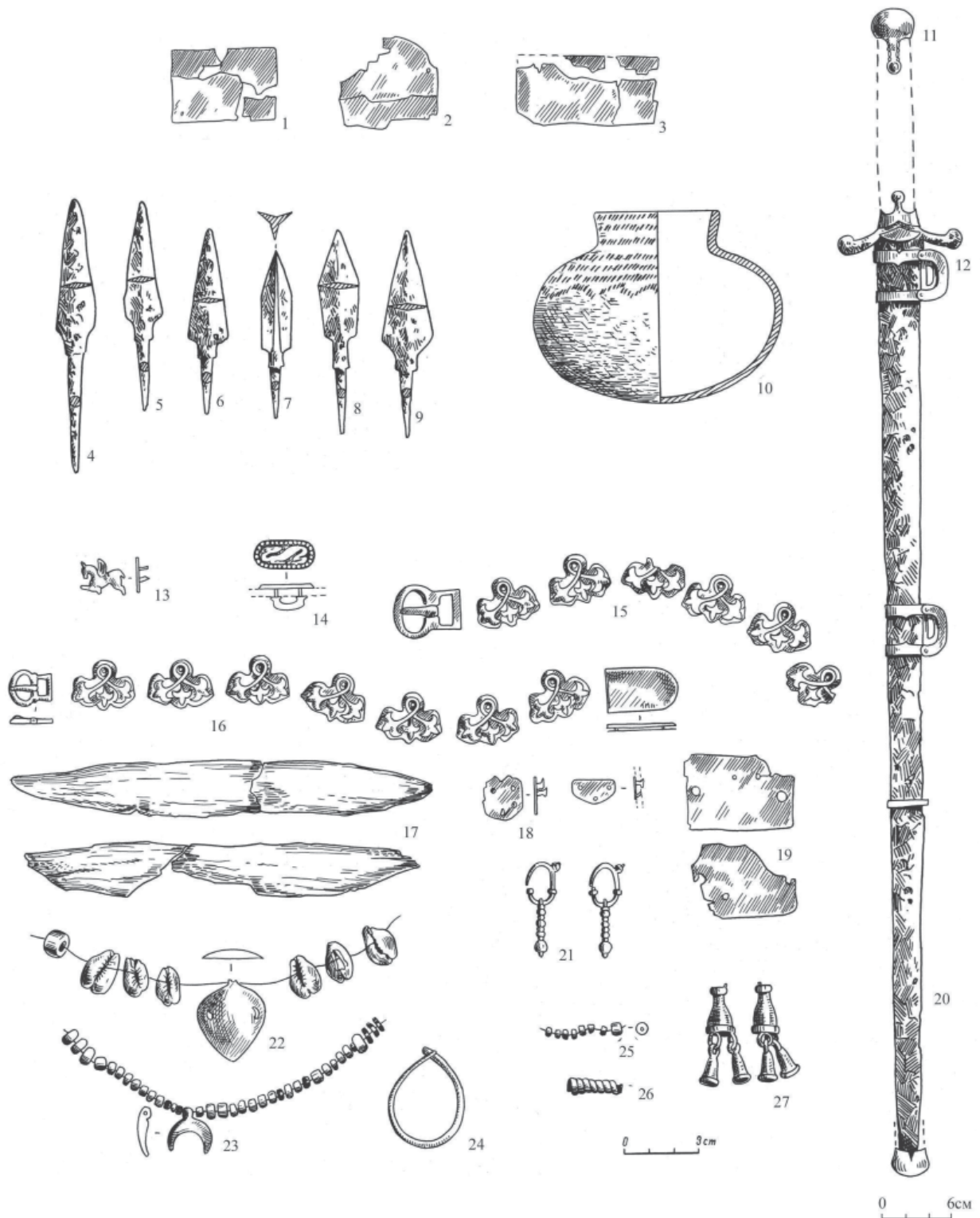

Рис. 3. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. Вещевой комплекс погребения 8.
 1–3 – серебряные пластины от погребальной маски, 4–9 – железные наконечники стрел, 10 – глиняный сосуд,
 11 – набалдашник из серебра, 12 – перекрестие сабли с бронзовыми концами, 13 – фигурка крылатого коня,
 14 – накладка с изображением олененка, 15, 16 – накладки в форме трилистника, 17 – костяные накладки от
 лука, 18, 19 – накладки, 20 – железная сабля в кожаных ножнах, 21 – серебряные сережки салтовского типа,
 22 – ожерелье из листовидной подвески и раковин-каури, 23 – ожерелье из желтого бисера и лунницы,
 24 – бронзовый браслет, 25 – желтый бисер, 26 – бронзовая пронизка, 27 – бутылчатые подвески.
 3. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1974. évi ásátás. A 8. sír leletei.

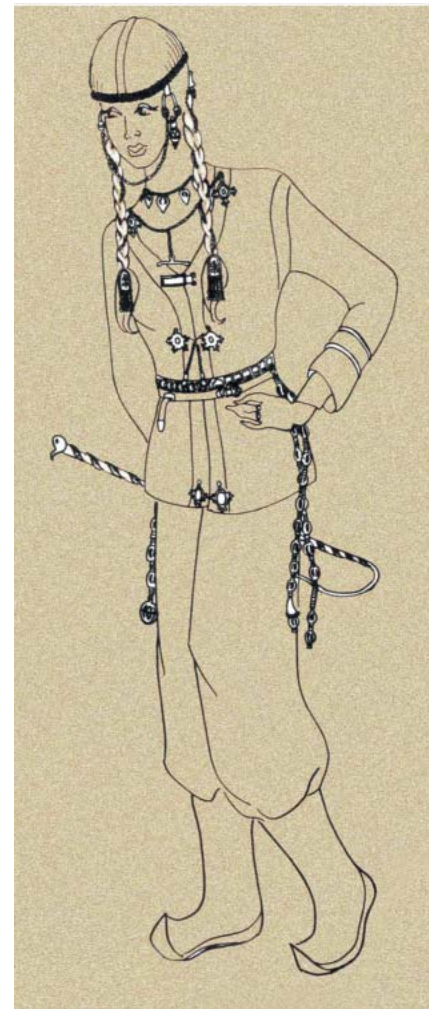
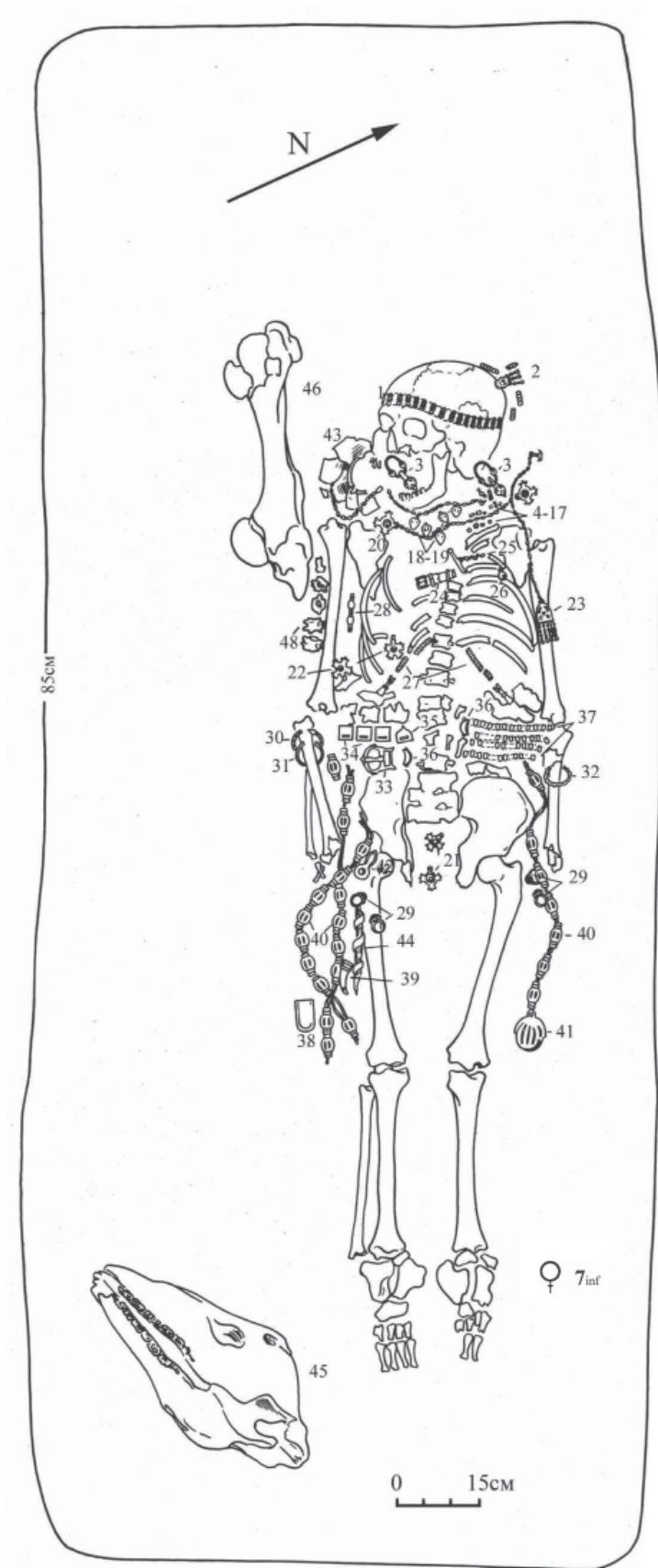

Рис. 4. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г.
 План погребения 7. Варианты реконструкции костюма девушки.
 4. крп. Bolsije Tyigani temetője. Az 1974. évi ásatás, a 7. sír rajza.

Рис. 5. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. Вещевой комплекс погребения 7. 1 – накладки серебряные (от шапочки), 2 – медная шумящая подвеска с тремя привесками, 3–3а – височные подвески с булавовидными привесками, украшенные зернью и соединенные медной цепочкой, 4–17 – остатки ожерелья из стеклянных и пастовых бус, 18, 19 – листовидные подвески из серебра (5 экз.), 20–22 – крестовидные подвески из серебра, 23 – медная цепочка, завершенная в верхнем конце якорьком, 24 – медная пластинчатая застежка, 25 – бронзовый костыль на цепочке, 26 – пуговка-бубенчик, 27, 28 – бронзовые пронизки, 29 – перстни (2 экз.), кольцо, 30 – витой медный браслет, 31 – браслет медный с загнутыми концами, 32 – серебряный браслет с выпуклинами, 33 – пряжка от поясного гарнитура, 34–37 – поясной гарнитура с тремя типами серебряных накладок, 38 – концевой ремешок с пластинчатым наконечником, 39 – костяное навершие стека, 40 – бронзовые пронизы с прорезными вздутиями, 41 – подвески (2 экз.), 42 – навершие стека, 43 – круглодонный сосудик, 44 – стек (на плане, рис. 4), обернутый тонкой листовидной медью и завершенный на конце костяным навершием.

5. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1974. évi ásatás. A 7. sír tárgyai.

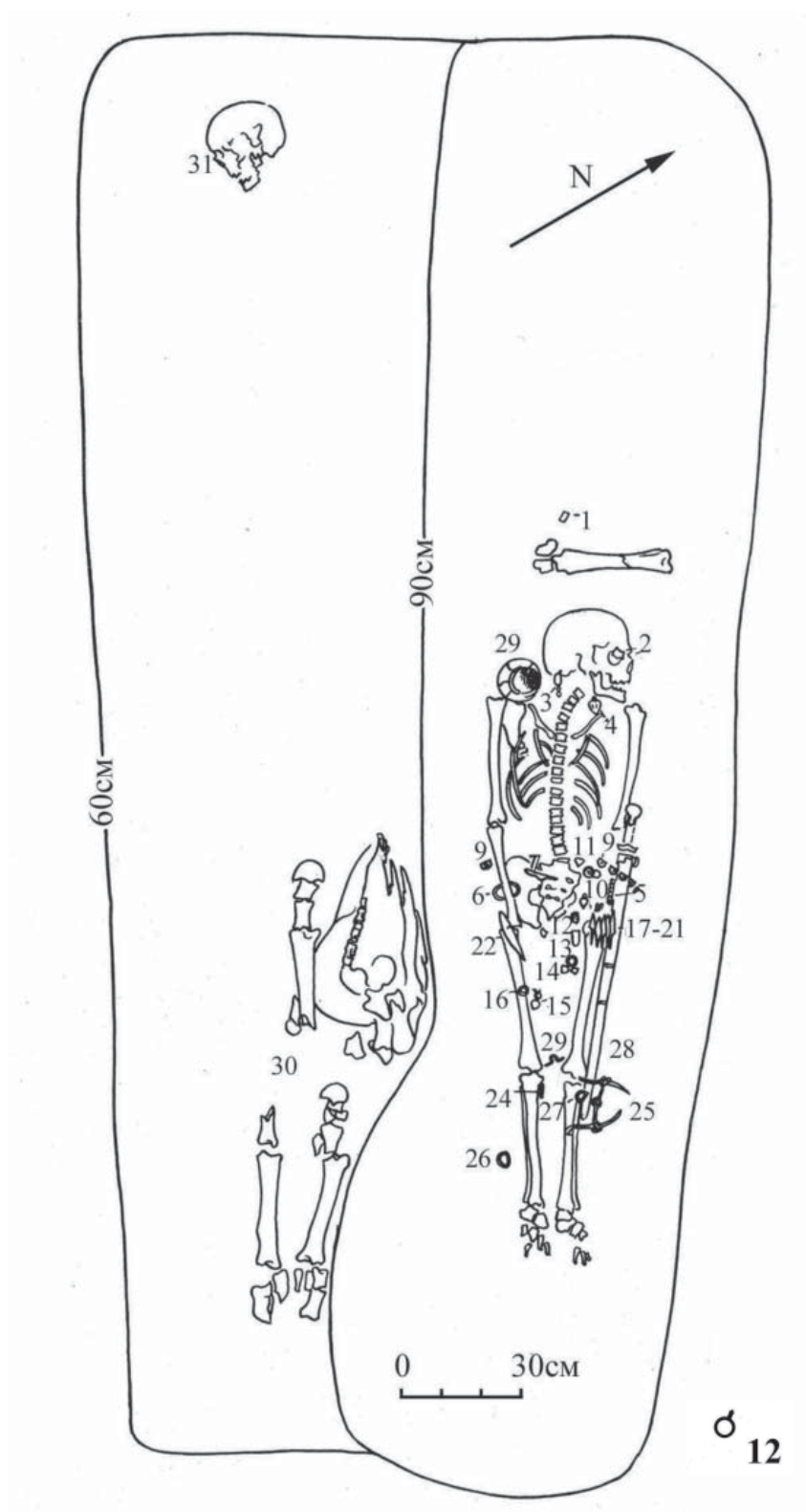

Рис. 6. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. План погребения 12.
6. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1974. évi ásatás, a 12. sír rajza.

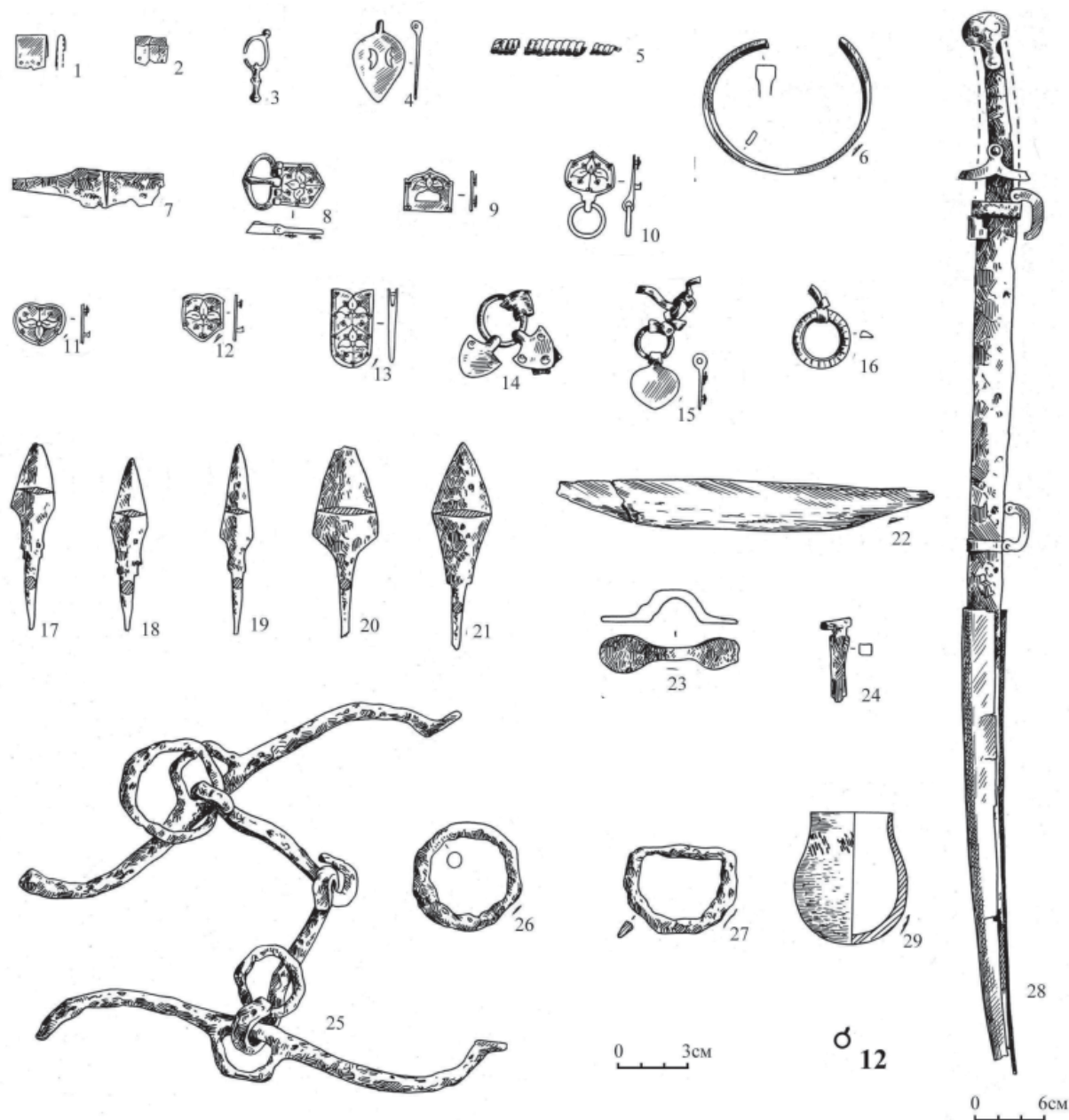

Рис. 7. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. Вещевой комплекс погребения 12.
 1 – серебряная обкладка от деревянной чаши, 2 – надглазная пластина из серебра, 3 – серьга салтовского типа из серебра, 4 – листовидная подвеска, 5 – пронизь из бронзы, 6 – бронзовый браслет, 7 – фрагмент железного ножа, 8 – пряжка из серебра, 9 – накладки прямоугольные с килевидным выступом (5 экз.), 10 – накладки сердцевидные с кольцом, 11, 12 – накладки сердцевидные (12 экз.), 13 – наконечник удлиненный, 14, 15 – подвески с кольцом, 16 – кольцо, 17–21 – железные наконечники стрел (5 экз.), 22 – костяные накладки от лука, 23 – железная петля, 25 – железные удила с S-овидными псалиями, 26, 27 – железные кольца, 28 – железная сабля в ножнах, 29 – глиняный сосуд.

7. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1974. évi ásátás. A 12. sír leletei.

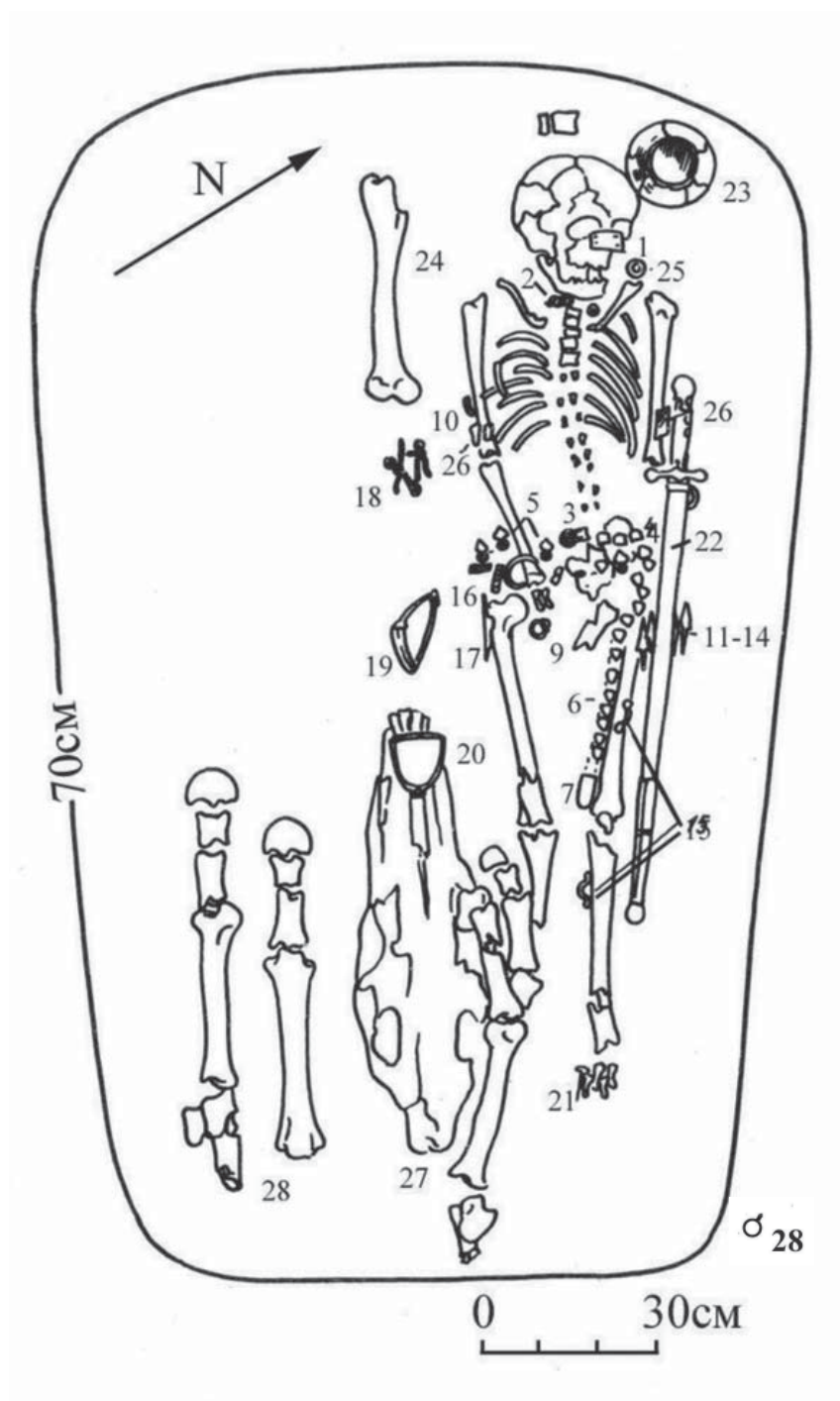

Рис. 8. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. План погребения 28.
8. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1974. évi ásatás, a 28. sír rajza.

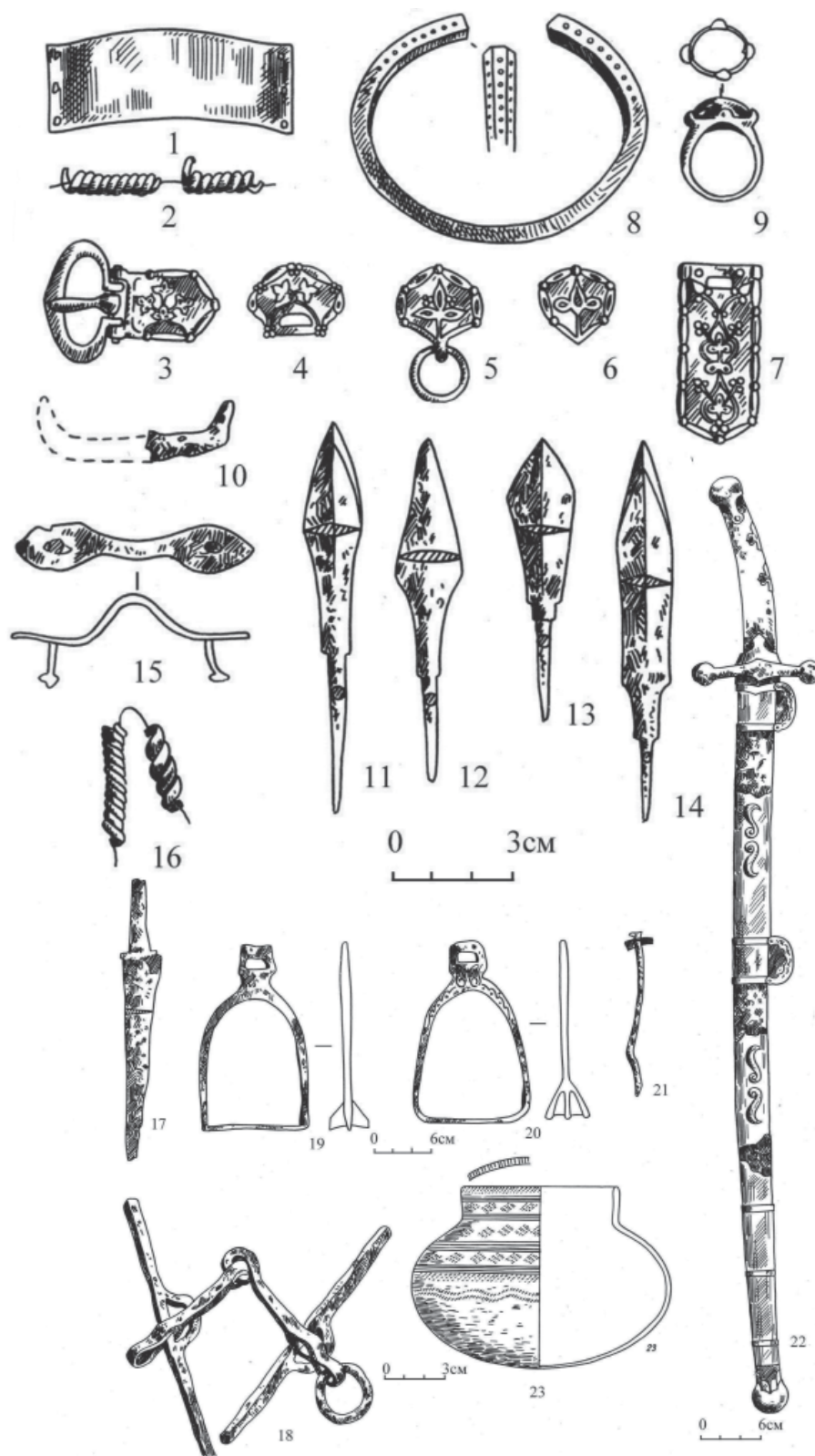

Рис. 9. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1974 г. Вещевой комплекс погребения 28.

1 – серебряные пластины-наглазники, 2 – медные спиральные пронизки, 3 – пряжка из серебра, 4 – накладка с прорезью, 5, 6 – накладки листовидной формы с кольцом, 7 – наконечник ремня, 8 – браслет бронзовый, 9 – медные перстни с шатоном (2 экз.), 10 – фрагмент железного кресала, 11–14 – железные наконечники стрел (4 экз.), 15 – железные петли от колчана (2 экз.), 16 – спиральная пронизка, 17 – нож железный, 18 – железные удила, 19, 20 – стремена железные, 22 – железная сабля в кожаных ножнах, 23 – лепной круглодонный сосуд.

9. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1974. évi ásátás. A 28. sír leletei.

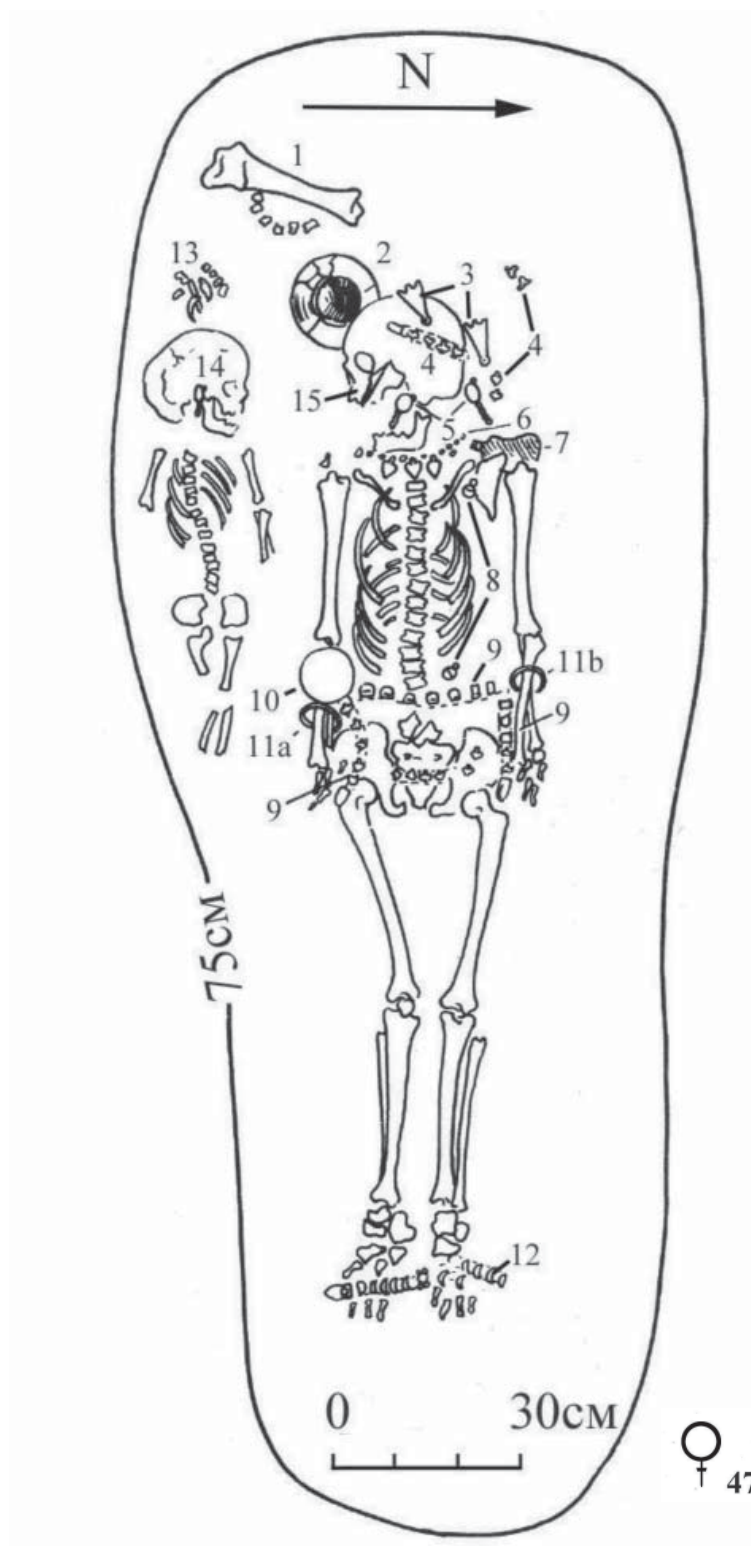

Рис. 10. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1975 г. План погребения 47.
10. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1975. évi ásatás, a 47. sír rajza.

Рис. 11. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1975 г. Вещевой комплекс погребения 47. 1 – плечевая кость и хвостовые позвонки лошади (на плане, рис. 10), 2 – лепной круглодонный сосуд, 3 – лапчатые подвески из серебра, 4 – бронзовые накладки и наконечник с позолотой, 5 – серьги салтовского типа из серебра, 6 – бронзовые листовидные подвески (3 экз.), бусы (63 экз.), 7 – «флакончик» из серебра, 8 – бубенчико-видные пуговицы (2 экз.), 9 – накладки от поясного ремня, к которому были прикреплены 4 концевых ремешка с мелкими накладками в виде трилистника (30 экз.), 10 – зеркало из белой бронзы, 11 – браслеты бронзовые (2 экз.), 12 – накладки от ремня, которым были завязаны ноги погребенного (21 экз.), 13 – ожерелье из позвонков сома, 2-х клыков медведя и др. костей, 14 – серьга салтовского типа из меди, 15 – железный нож.

11. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1975. évi ásátás. A 47. sír leletei.

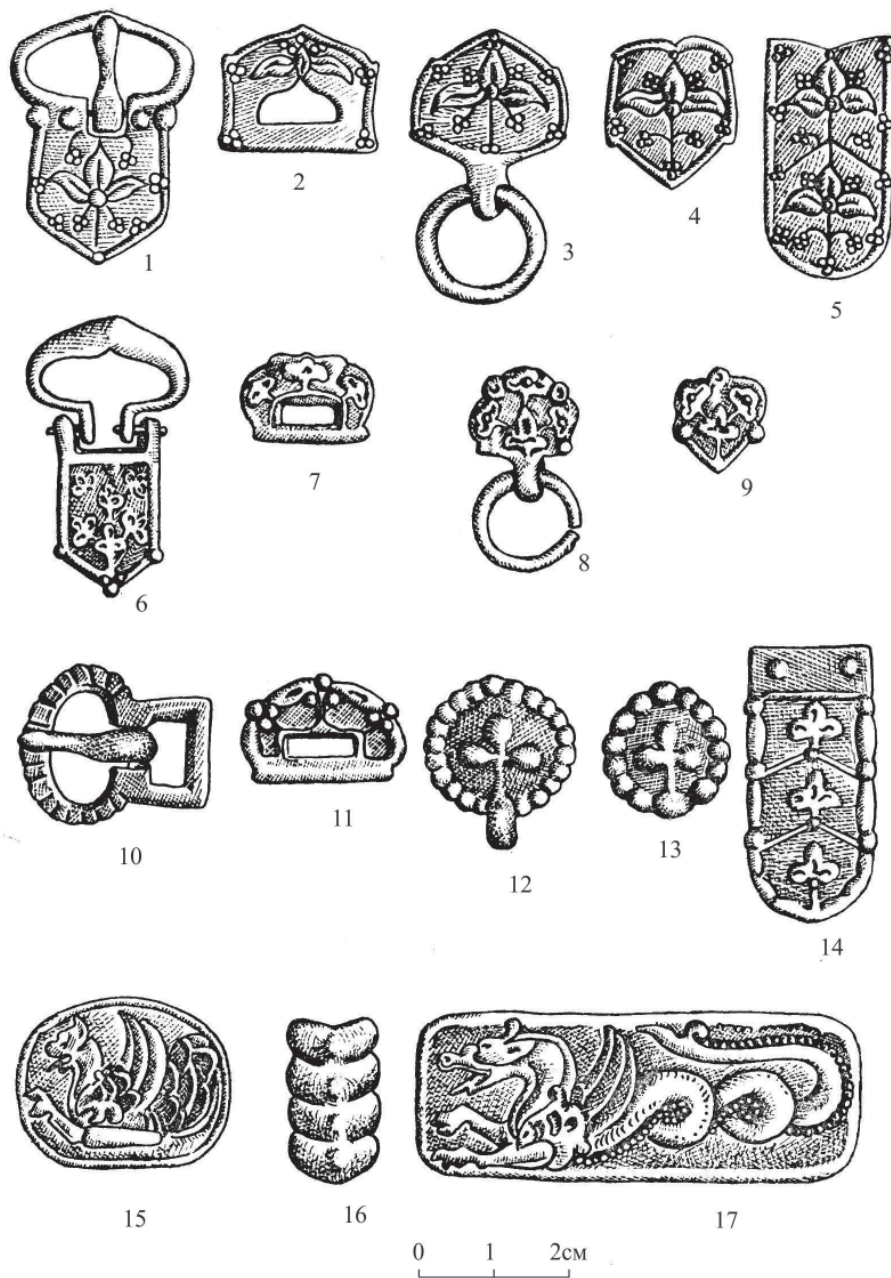

Рис. 12. Больше-Тиганский могильник. Пряжки и накладки поясных наборов.
 1–6 – погребение № 12; 6–9 – погребение № 14; 10–14 – погребение № 16; 15–17 – погребение № 24.
 12. kép. Bolsije Tyigani temetője. Csatok és veretek övkészletekből.

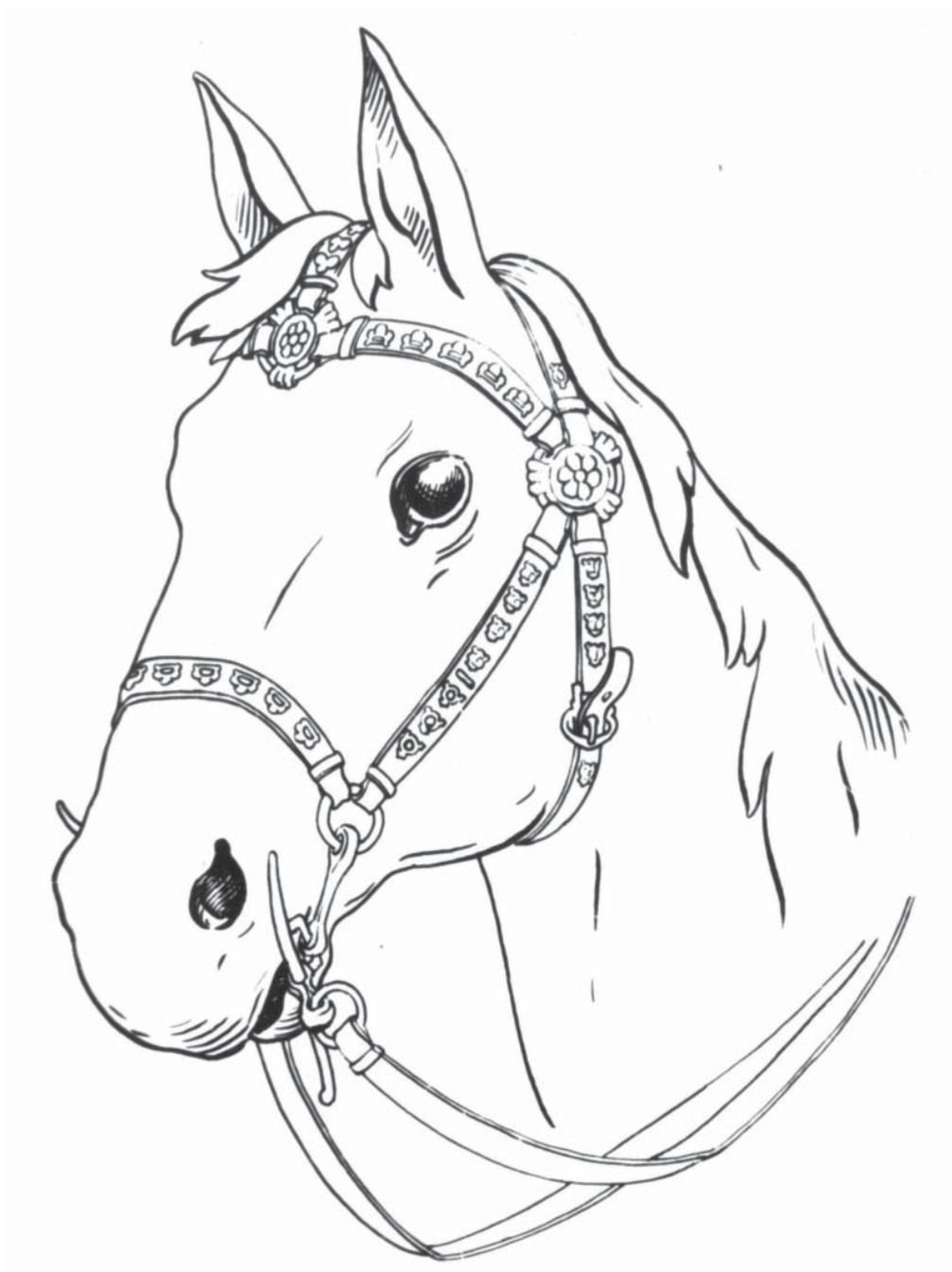

Рис. 13. Больше-Тиганский могильник.
Реконструкция конской сбруи по материалам погребения 22.
13. kép. Bolsije Tyigani temetője. Lószerszámzat rekonstrukciója a 22. sír anyagai alapján.

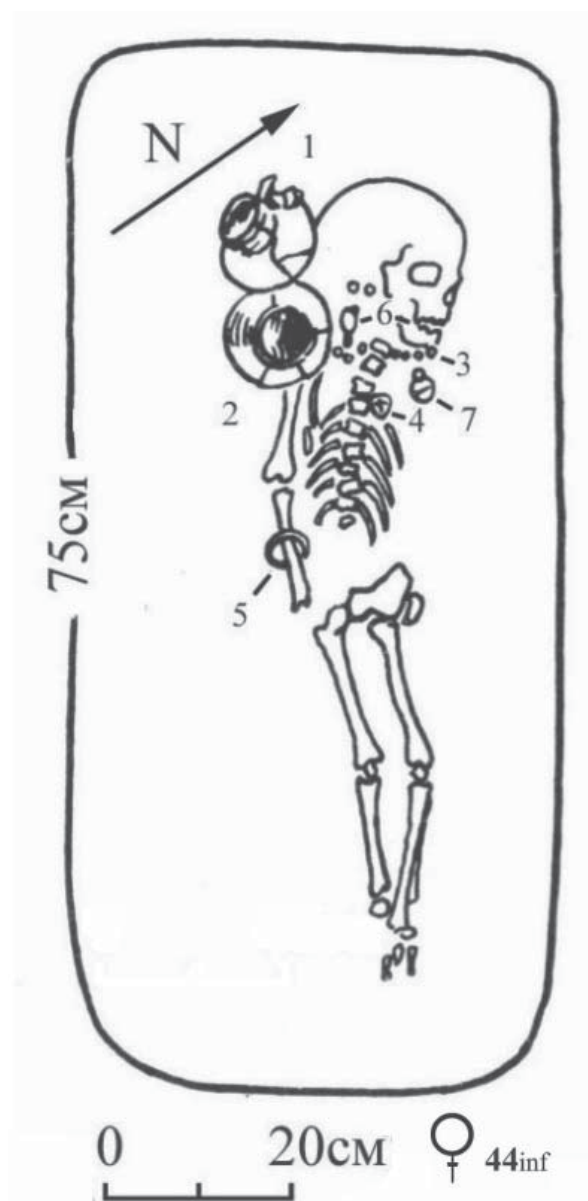

Рис. 14. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1975 г. План погребения 44.
14. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1975. évi ásatás, a 44. sír rajza.

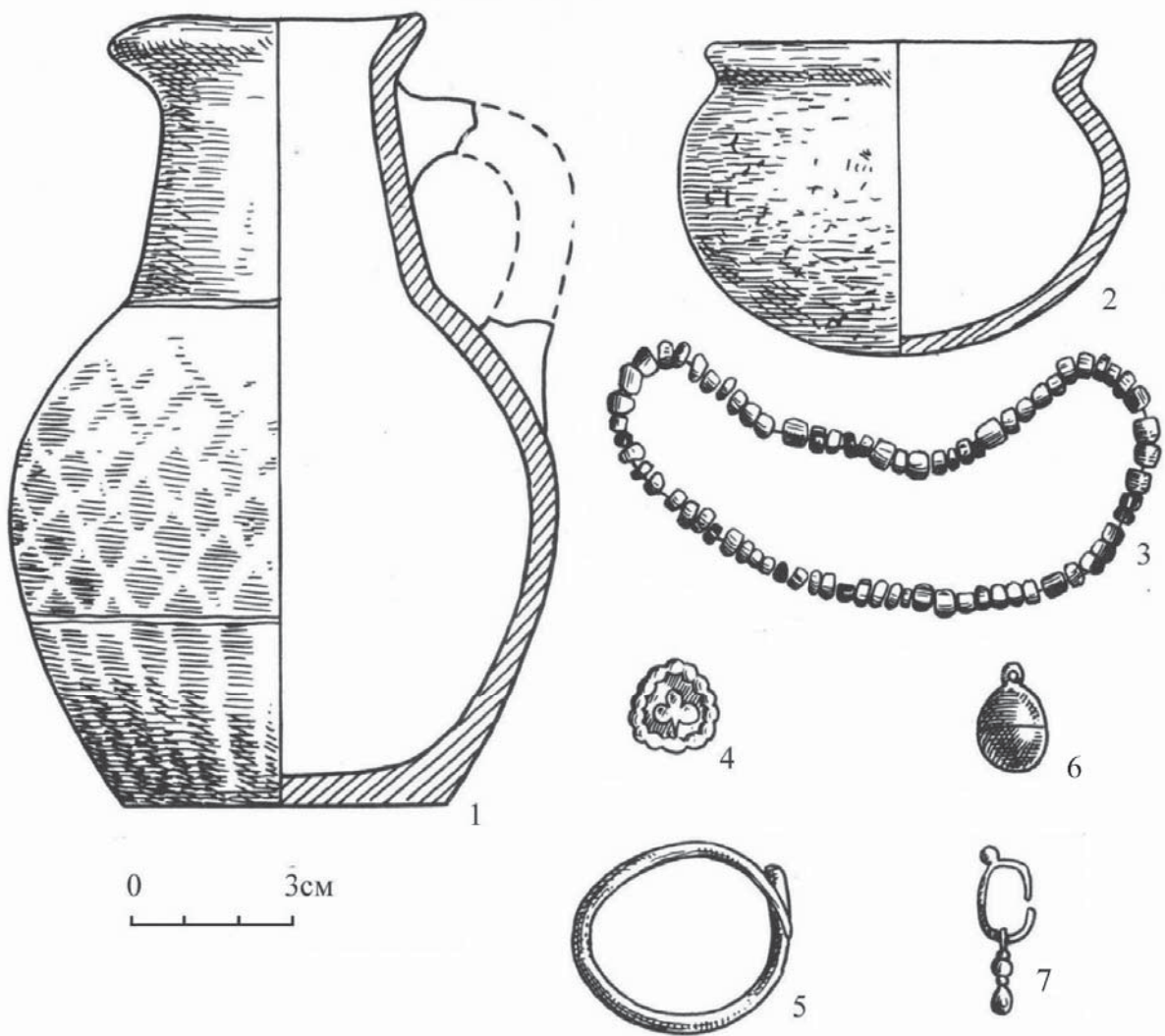

Рис. 15. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1975 г. Вещевой комплекс погребения 44.
 1 – круговой кувшин, 2 – лепной сосуд, 3 – ожерелье из стеклянных и пастовых бус, 4 – бляшки-накладки из серебра, 5 – браслет из серебра, 6 – бубенчик бронзовый, 7 – серьга салтовского типа из серебра.
 15. sír. Bolsije Tyigani temetője. Az 1975. évi ásatás. A 44. sír leletei.

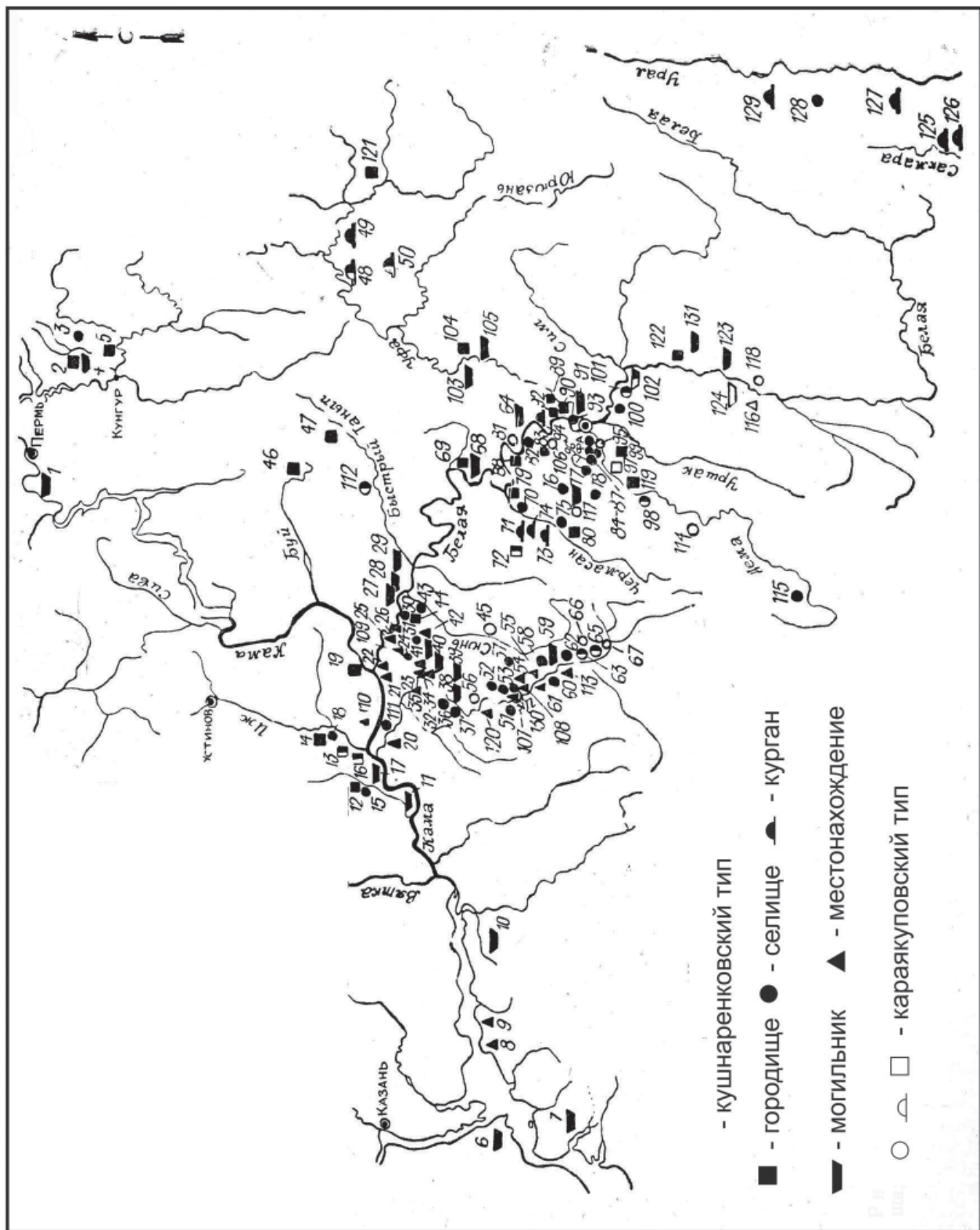

Рис. 16. Карта распространения памятников VII–X вв., содержащих керамику кушнаренковско-караякуповского типа (по: Ютина Т.К.).
 16. kép. A 7-10. századi, kusnarenkovói-karajakupovói típusú kerámiát tartalmazó lelőhelyek elterjedési térképe.
 (T. K. Jutyina alapján)

Рис. 17. Схема пути движения протовенгров из Великой Венгрии через Леведию и Атеľкуза в Паннонию.

17. kép. A korai magyarok vándorlásának ábrája Magna Hungariából Levédián és Etelközön át Pannoniába.

Рис. 18. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Фото погребения 61.
18. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás, a 61. sír fotója.

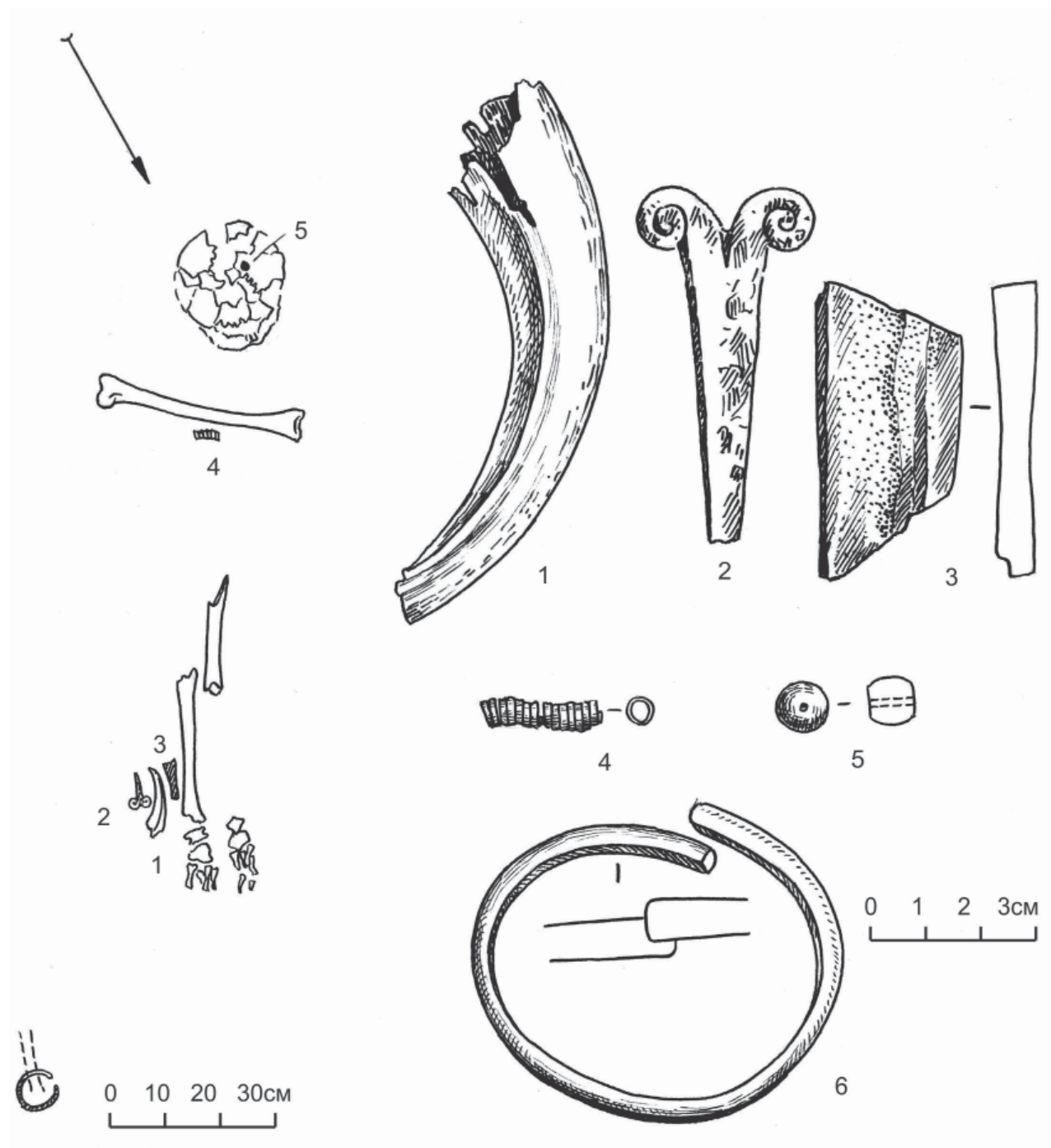

Рис. 19. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. План и вещевой комплекс погребения 61.
 1 – клык кабана, 2 – железная накладка со спирально завитым концом, 3 – обломок оселка из сланца,
 4 – медная спиралевидная пронизка, 5 – шаровидная бусина, 6 – бронзовый браслет.
 19. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás. A 61. sír rajza és leletei.

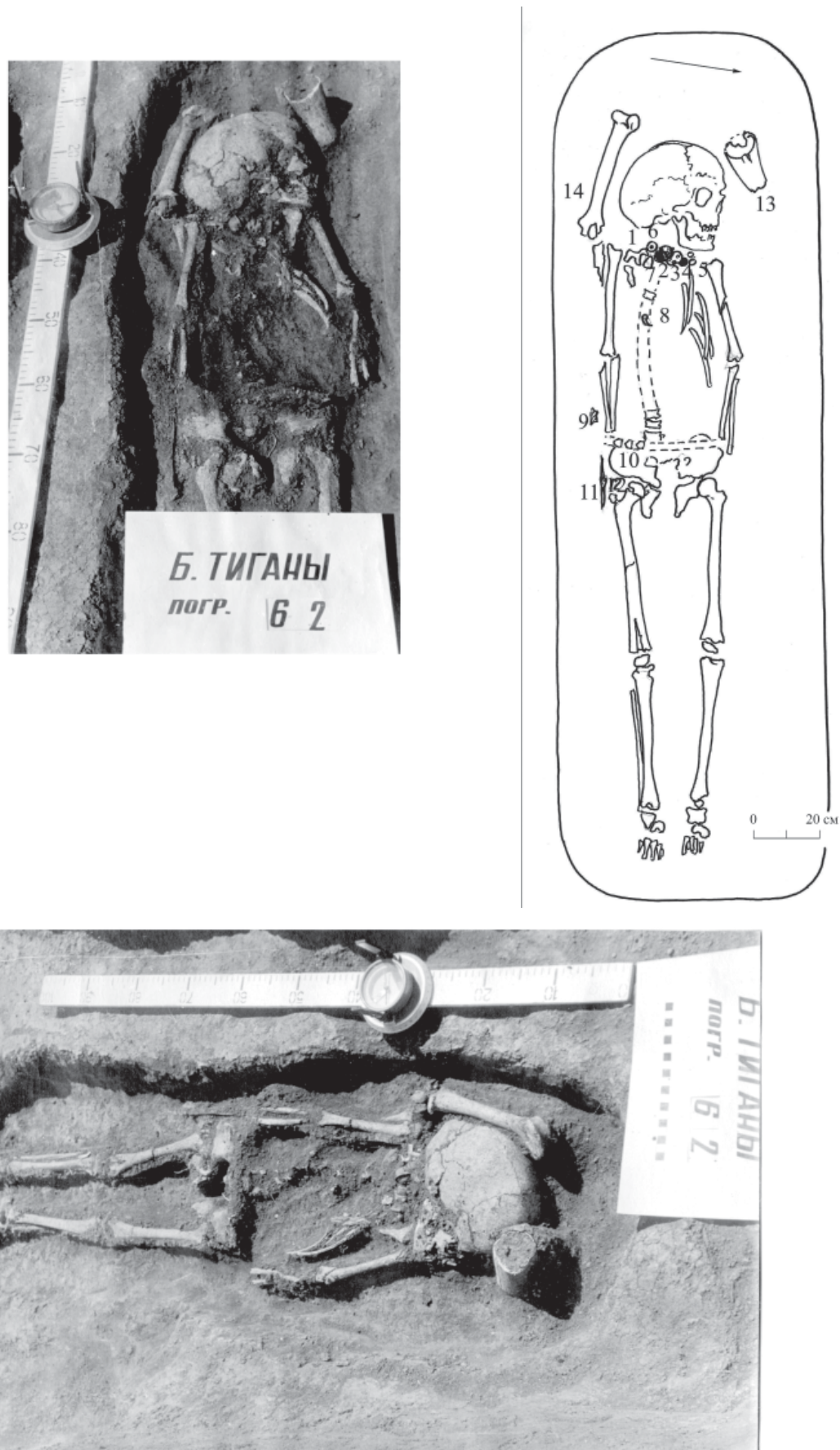

Рис. 20. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Фото и план погребения 62.
20. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás, a 62. sír fotója és rajza.

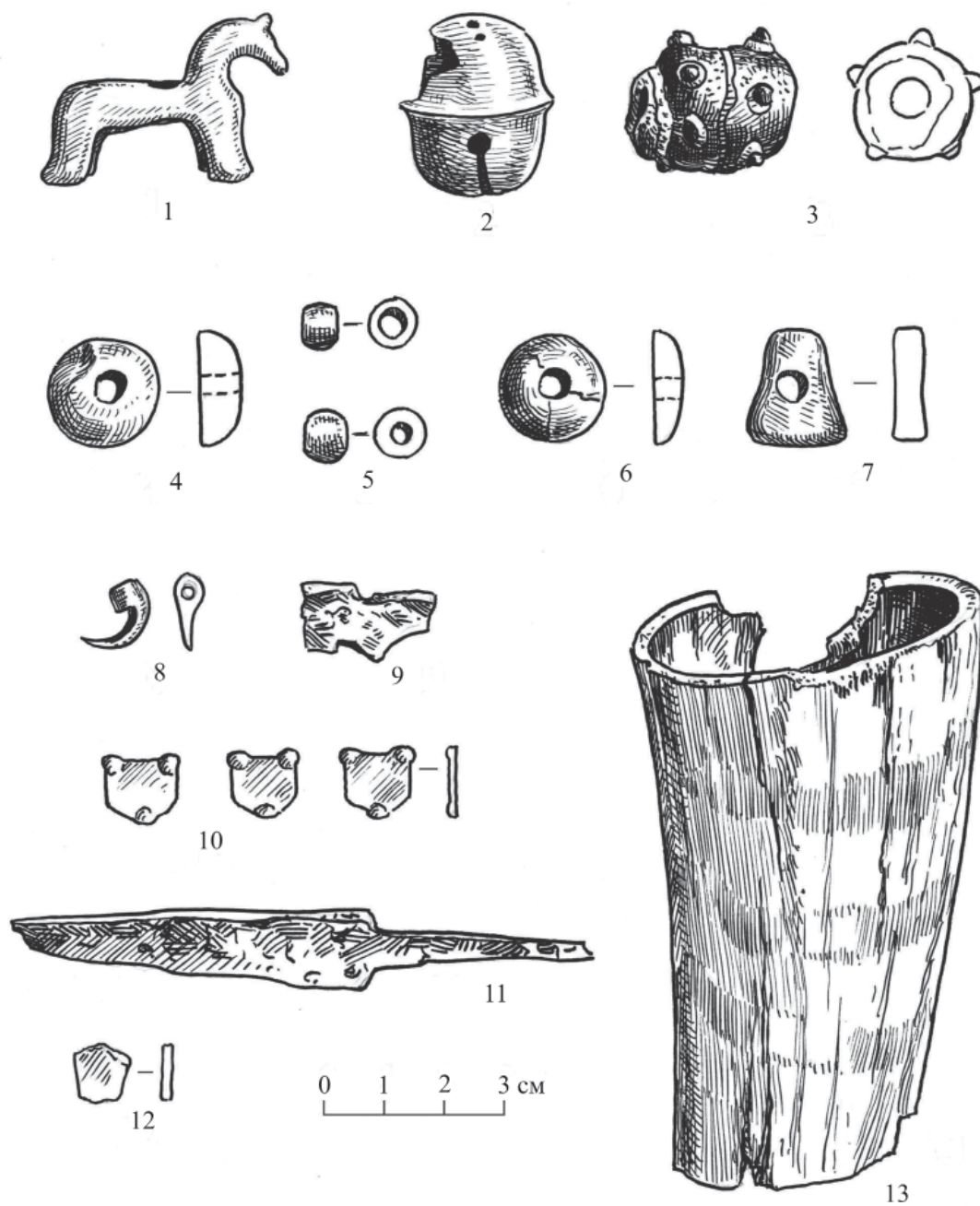

Рис. 21. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Вещевой комплекс погребения 62.
 1 – коньковидная подвеска, 2 – бубенчик, 3 – глазчатая бусина, 4, 5, 6, 7 – озокеритовые бусины, 8 – бронзовая пуговка, 9 – фрагмент железного предмета, 10 – медные накладки, 11 – железный нож, 12 – вставка из сердолика от перстня, 13 – сосудик из кости.

21. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás. A 62. sír leletei.

Рис. 22. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Фото погребения 63.
22. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás, a 63. sír fotója.

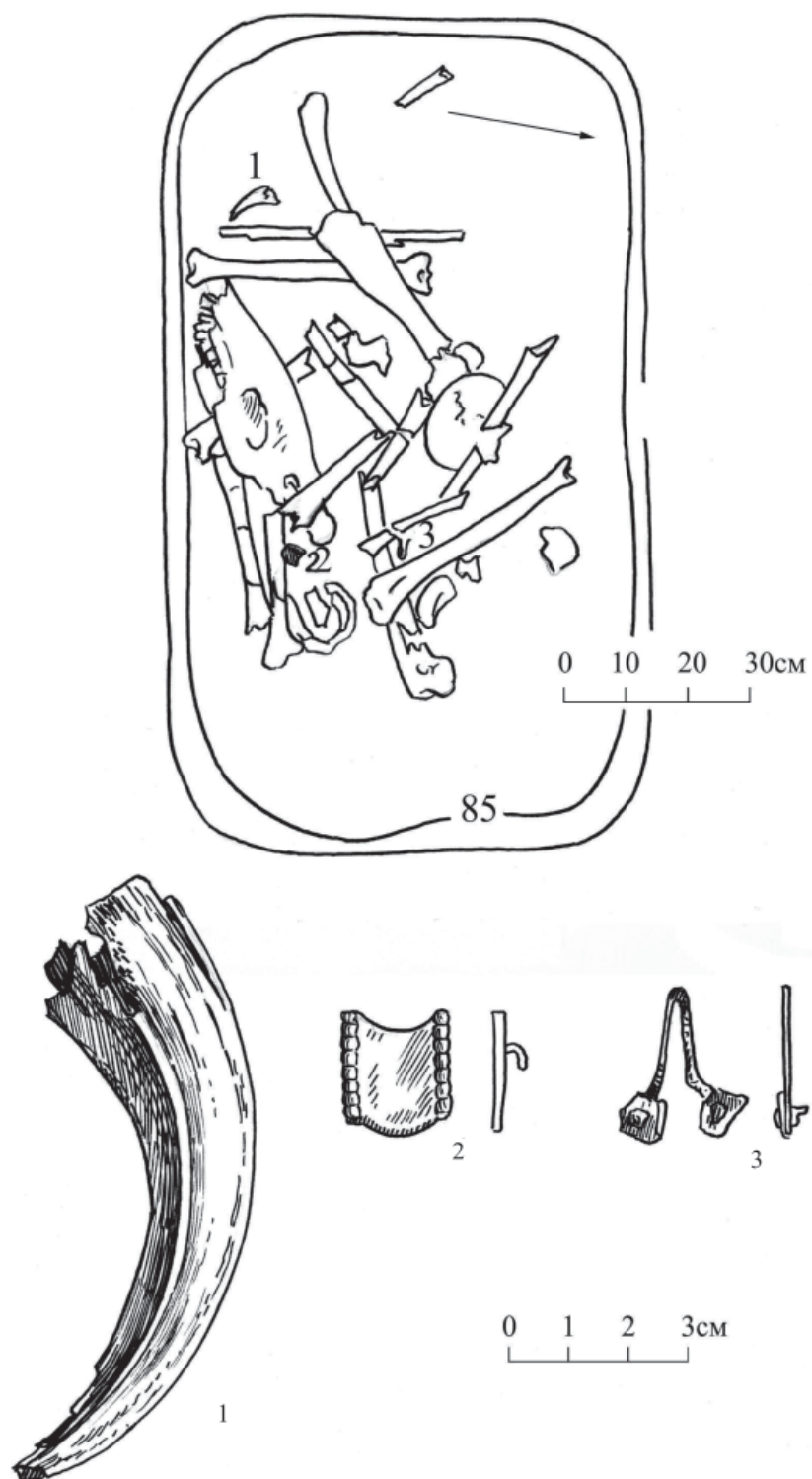

Рис. 23. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. План и вещевой комплекс погребения 63.
 1 – клык кабана, 2 – оловянная поясная накладка, 3 – медная скобочка.
 23. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás. A 63. sír rajza és tárgyai.

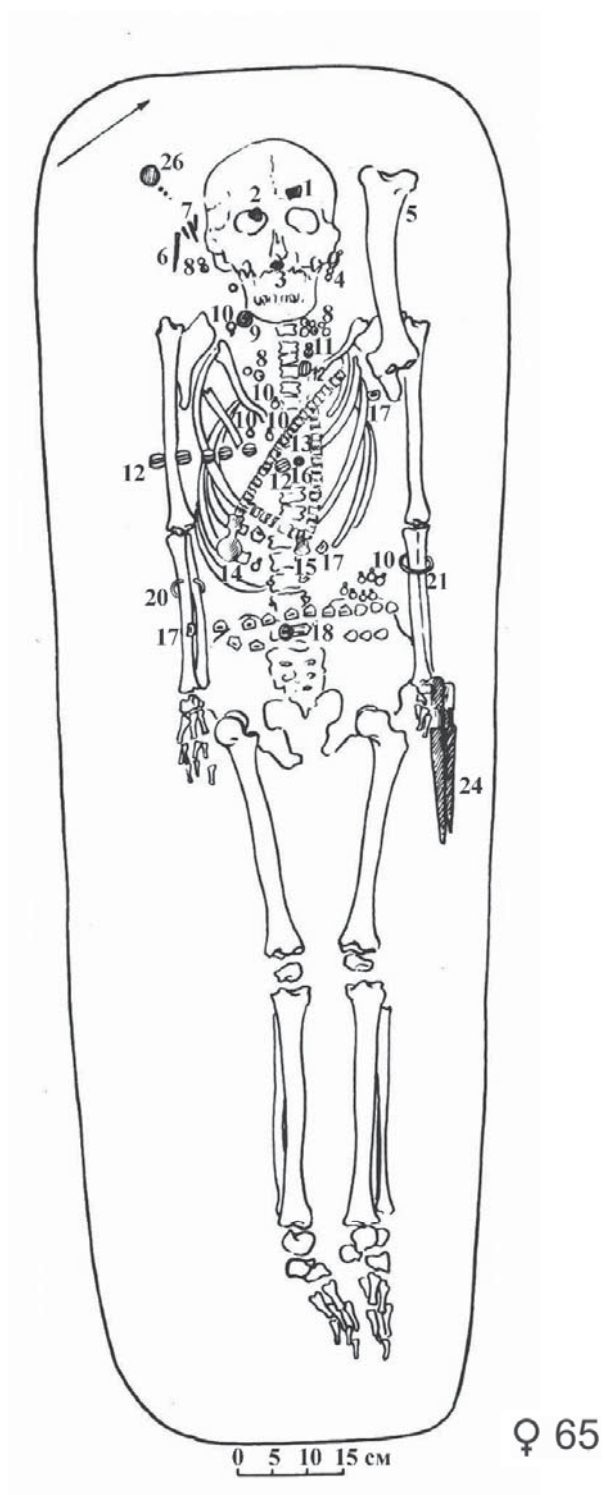

Рис. 24. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. План погребения 65.
24. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás, a 65. sír rajza.

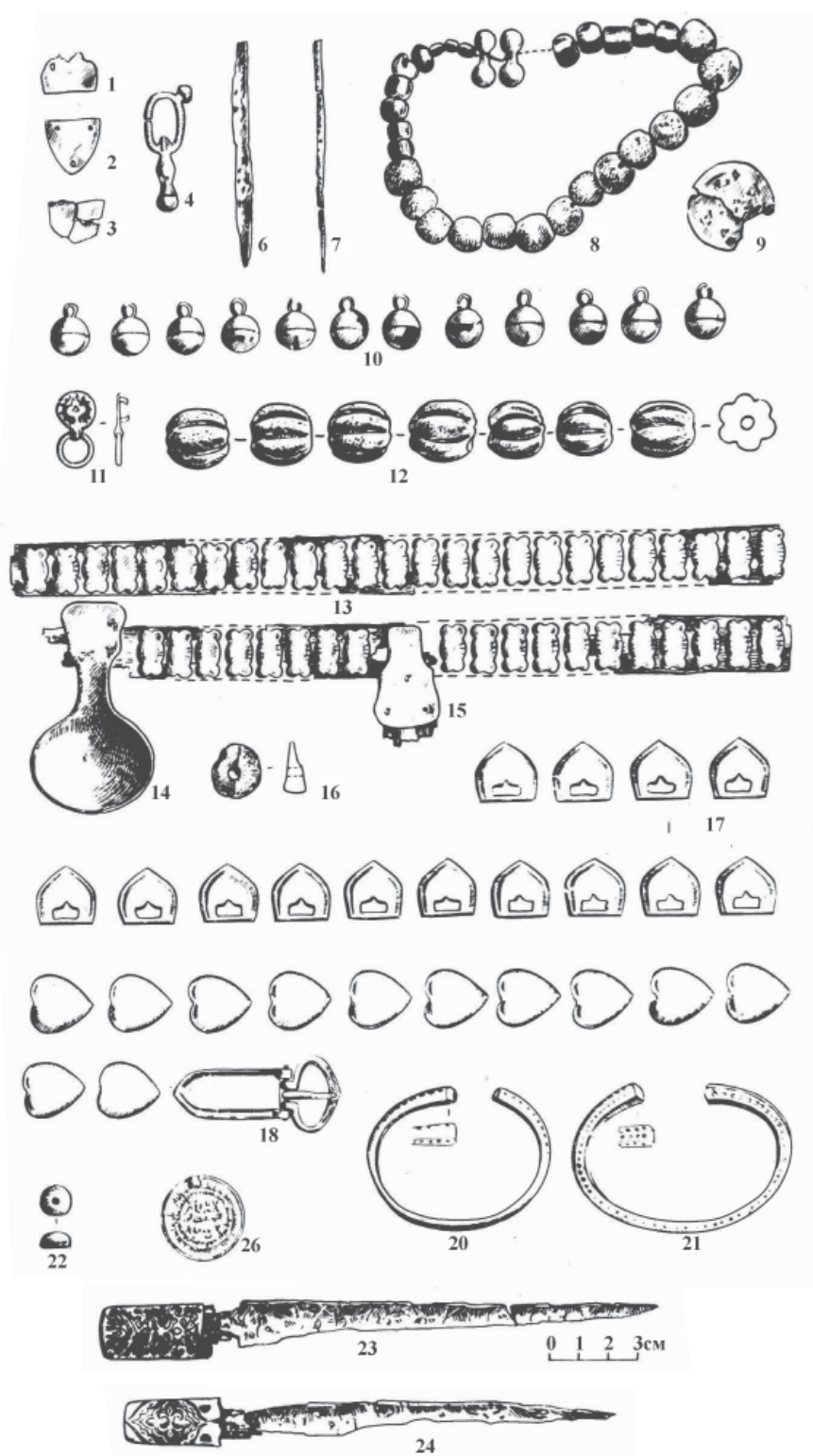

Рис. 25. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Вещевой комплекс погребения 65.
 1–3 – наглазники и наротник из серебра, 4 – литая серьга из бронзы, 5 – кость лошади (на плане, рис. 24), 6 – шило железное, 7 – иглы железные – 3 экз., 8 – ожерелье из бус, 9 – лопатовидная подвеска, 10 – бубенчико-видные пуговицы из бронзы, 11 – накладка, 12 – фаянсовые ребристые бусы, 16 – бусина, 13–15 – наконник из накладок, 17 – накладки из серебра, 18 – пряжка из серебра, 20, 21 – браслеты из бронзы, 22 – вставка из стекла от перстня, 23, 24 – железные ножи с остатками кожаных ножен, 26 – монета-подвеска из серебра.
 25. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásatás. A 65. sír leletei.

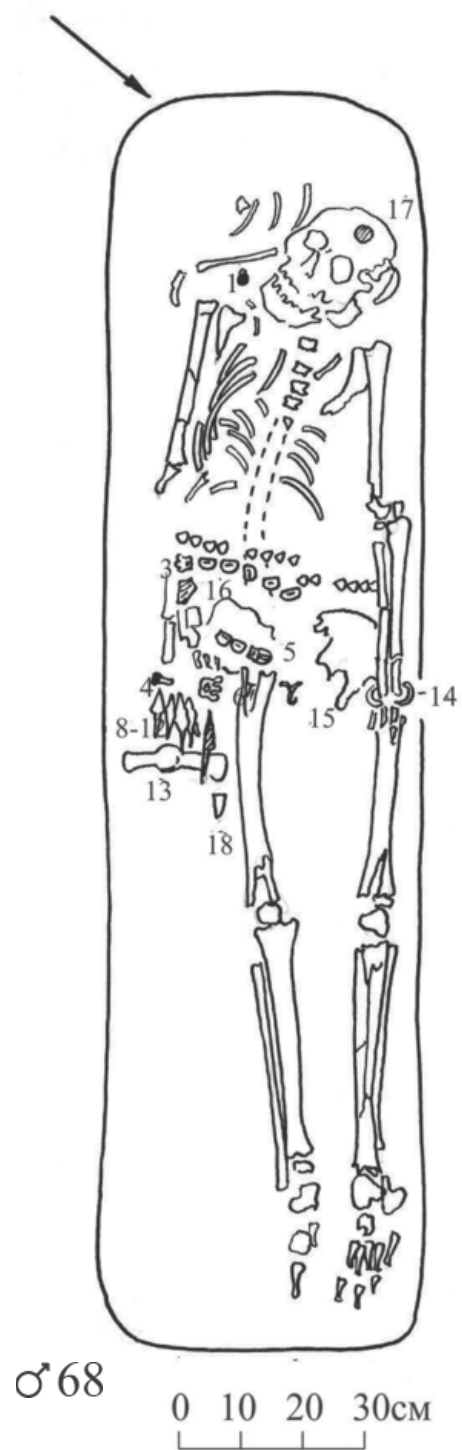
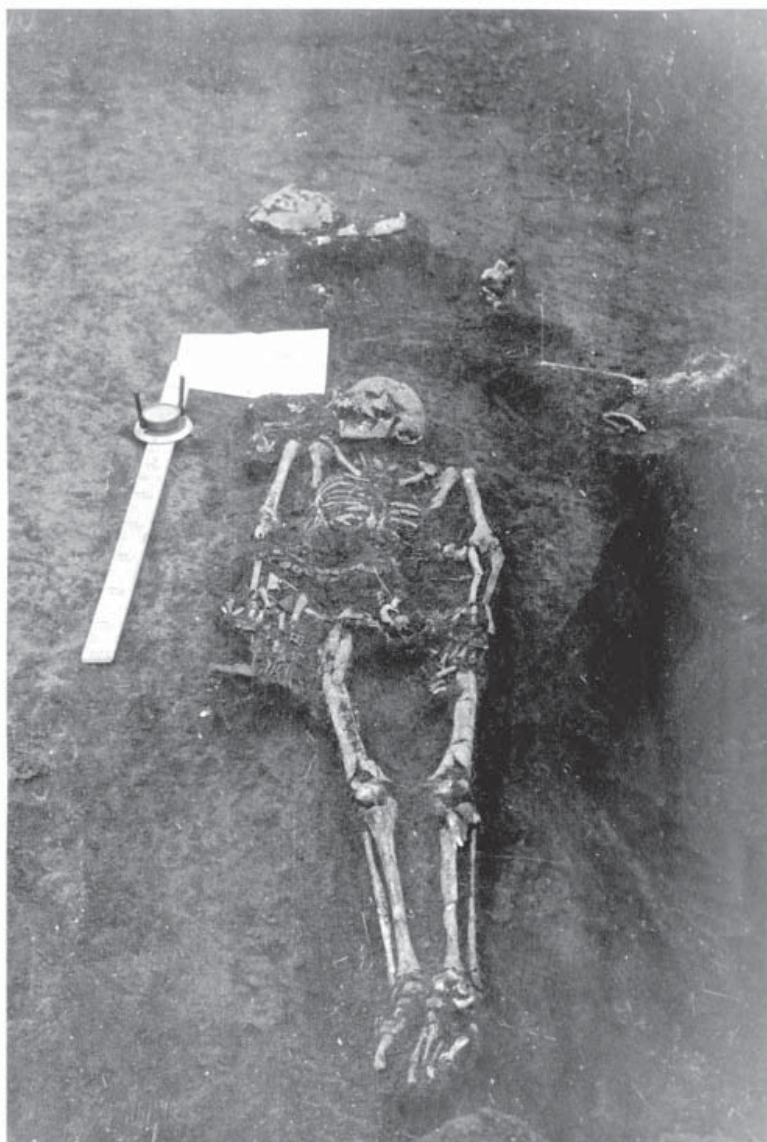

Рис. 26. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Фото и план погребения 68.
26. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1980. évi ásítás, a 68. sír fotója és rajza.

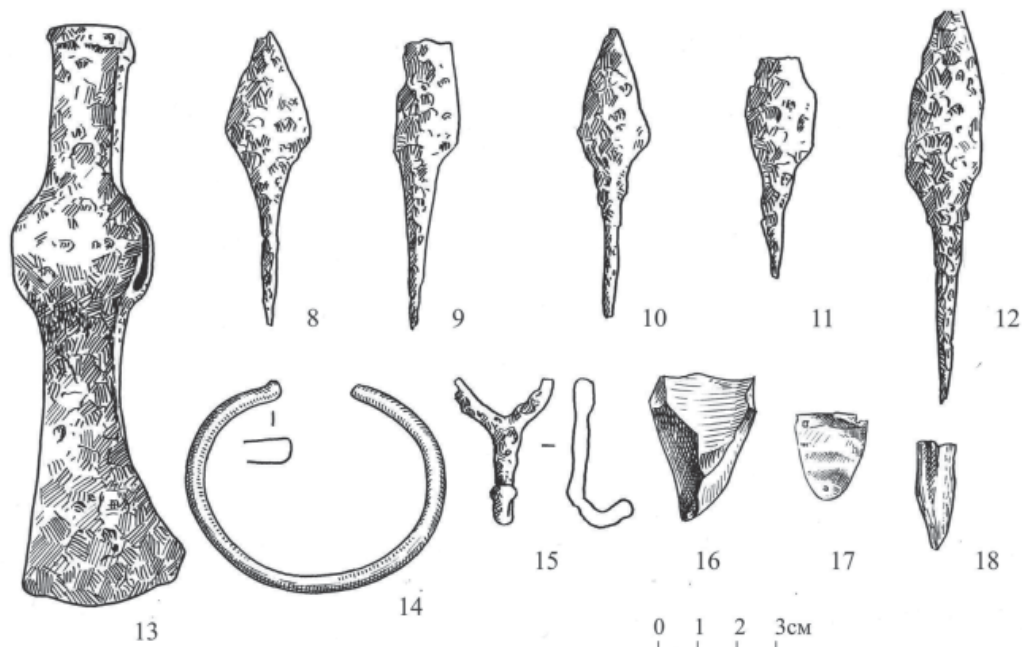
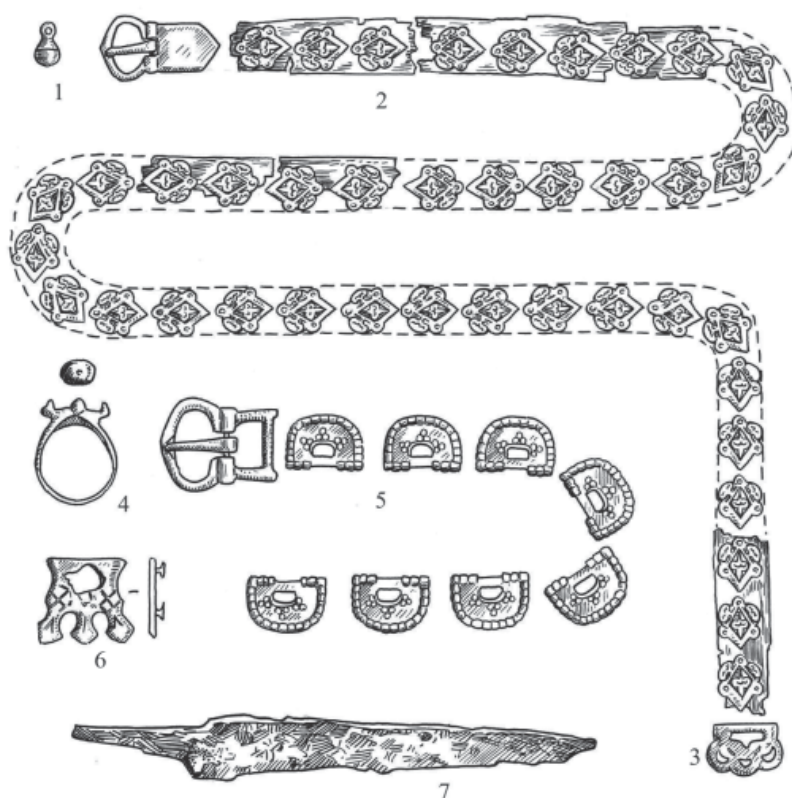

Рис. 27. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1980 г. Вещевой комплекс погребения 68.

1 – бубенчиковидная пуговка из бронзы, 2 – наборный ремень из бронзовых накладок, 3 – наконечник, 4 – серебряный перстень с шатоном из сердоликовой бусины, 5 – ременная пряжка, накладки, 6 – накладка бронзовая, 7 – железный нож, 8–12 – железные наконечники стрел (5 экз.), 13 – железный топор, 14 – браслет из бронзы, 15 – железный колчанный крючок, 16 – камень, 17 – золотая пластина от наглазника, 18 – костяная накладка от колчана.

27. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1980. évi ásatás. A 68. sír leletei.

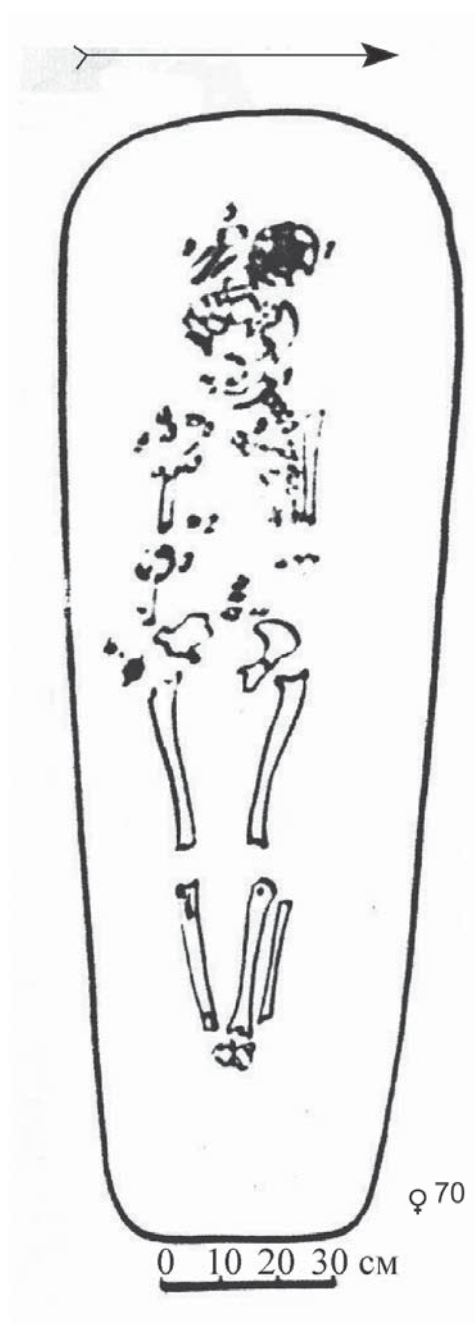

Рис. 28. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1981 г. План погребения 70.
28. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1981. évi ásatás, a 70. sír rajza.

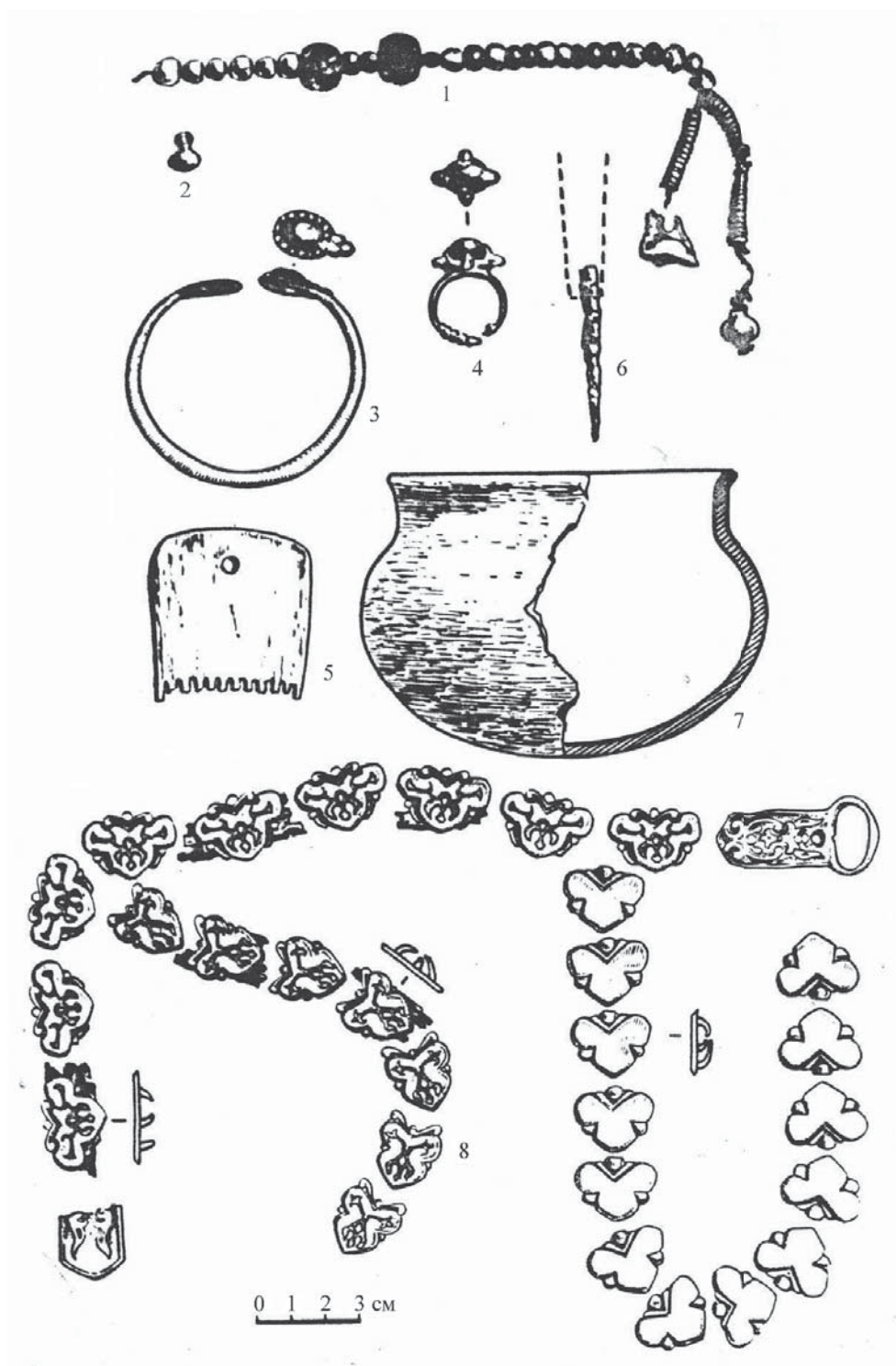

Рис. 29. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1981 г. Вещевой комплекс погребения 70.
 1 – ожерелье из 2-х глазчатых бусин, пронизки и зубы медведя, 2 – бронзовая пуговица, 3 – бронзовый браслет,
 4 – перстень из бронзы с лапчатым гнездом для шатона, 5 – костяной гребень, 6 – железное шило,
 7 – глиняный сосуд, 8 – накладки от поясного наборного ремня.
 29. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1981. évi ásátás. A 70. sír leletei.

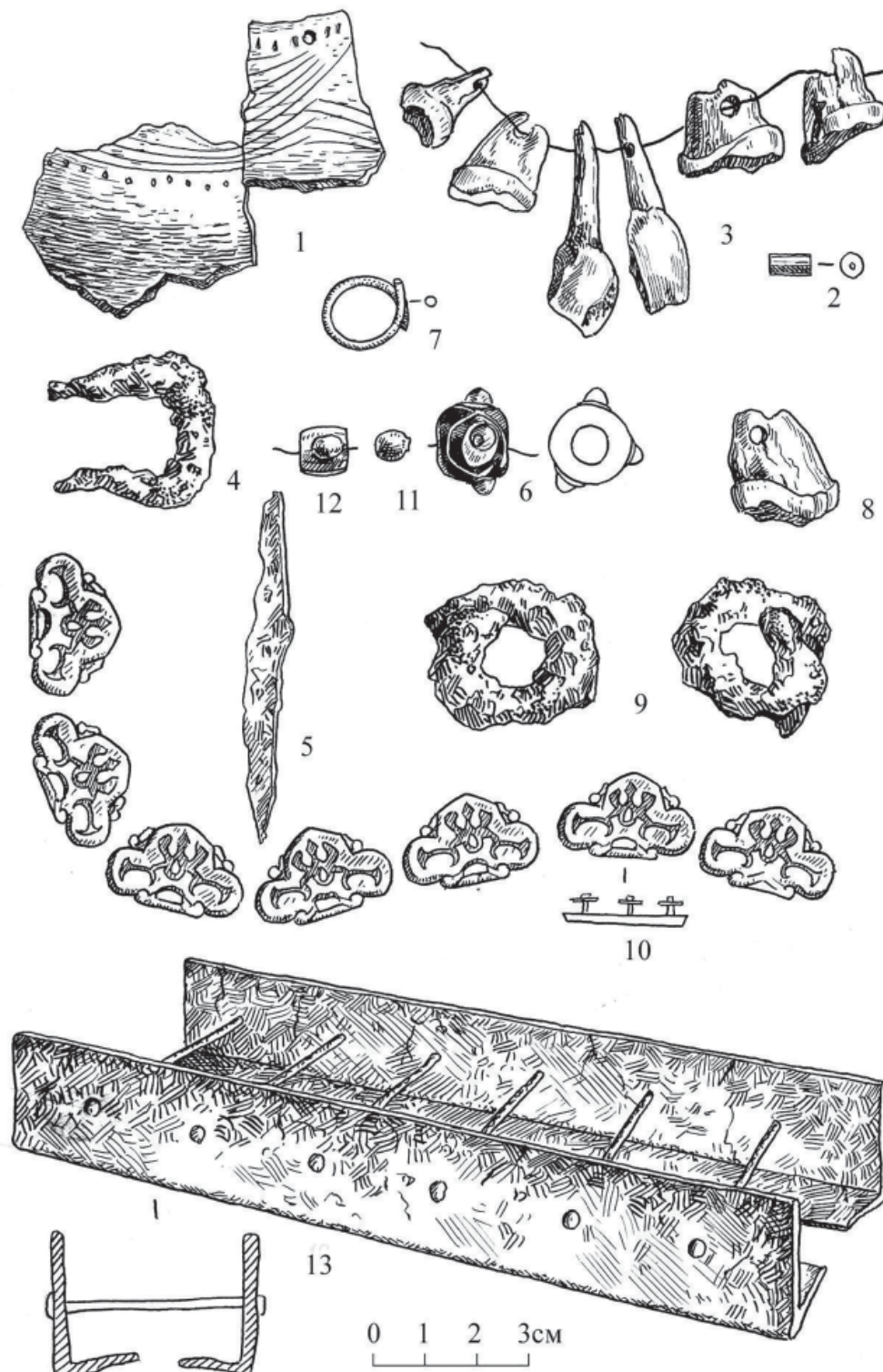

Рис. 30. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1981 г. Предметы из погребений.
 1 – фрагменты лепной керамики, погр. № 73; 2 – пастовая бусина, 3 – остатки ожерелья из зубов медведя, погр. № 78; 4 – фрагмент железной пряжки от конской сбруи, погр. № 79; 5 – железный нож, погр. № 80; 13 – железная оковка, возможно от дна колчана, погр. № 82; 6 – глазчатая бусина, 7 – серебряная сережка, погр. № 86; 8 – зуб медведя, погр. № 88; 9 – кольцо от колчана, погр. № 89; 10 – поясные накладки, погр. № 94; 11 – бусина, погр. № 95; 12 – глазчатая бусина, погр. № 98.

30. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1981. évi ásatás. Leletek a sírokból.

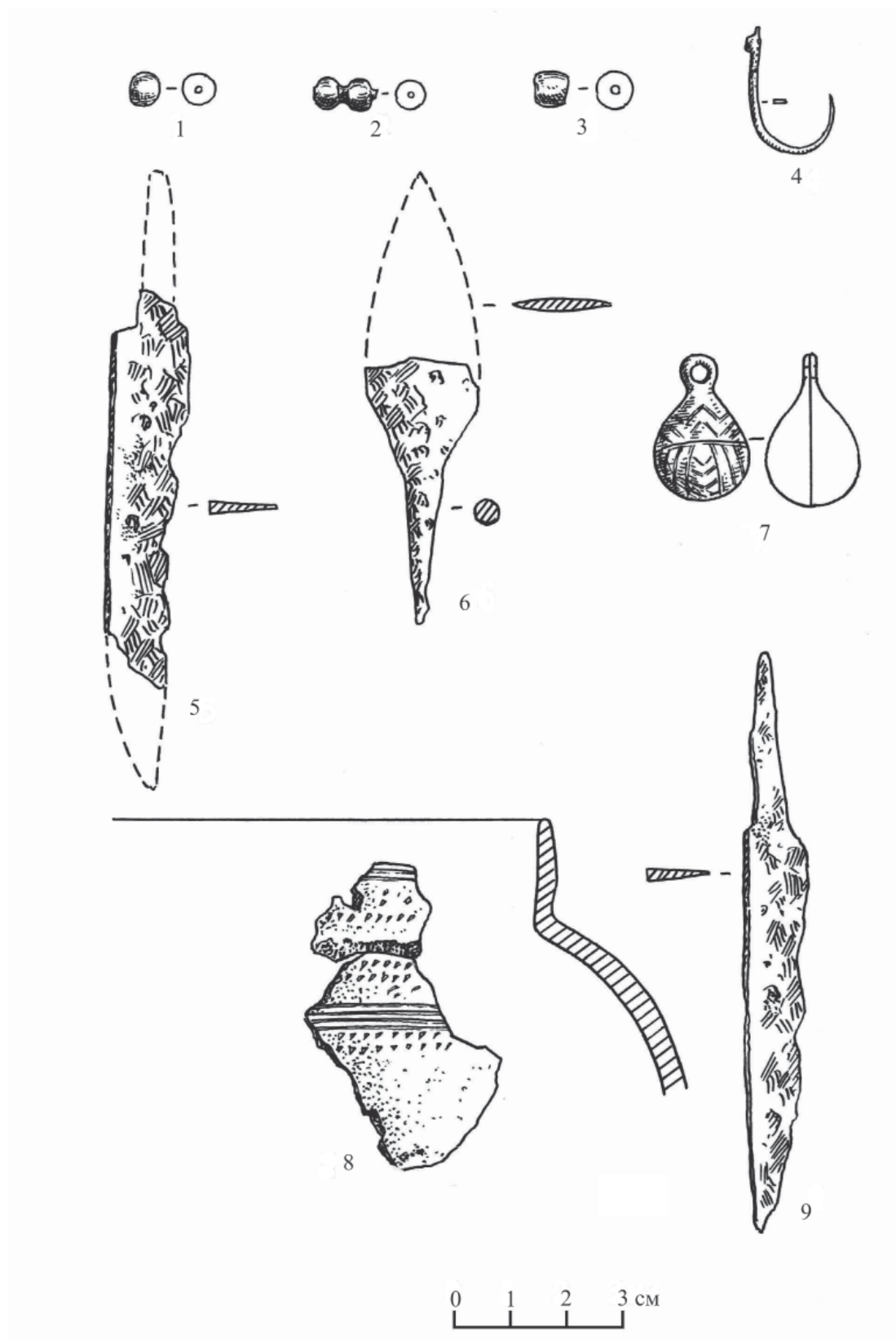

Рис. 31. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1982 г. Предметы из погребений.
 8 – фрагмент лепного сосуда, погр. № 101; 6 – наконечник стрелы, погр. № 102; 1 – бусина из стекла, 4 – обло-
 мок бронзовой сережки, 9 – железный нож, погр. № 105; 2, 3 – бусины,
 7 – бубенчик, погр. № 107, 5 – железный нож.

31. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1982. évi ásatás. Leletek a sírokból.

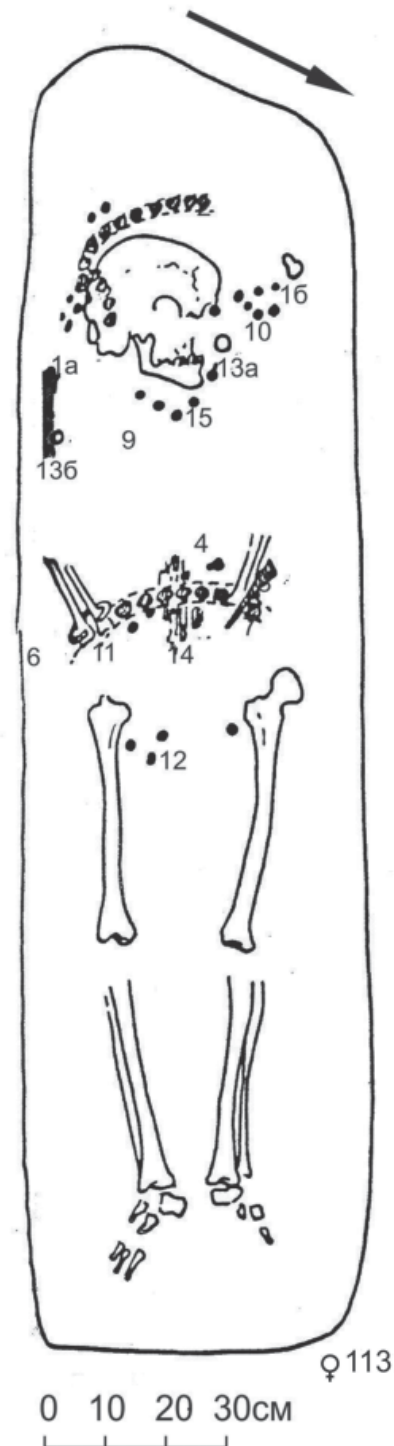

Рис. 32. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1984 г. План погребения 113.
 1а, 1б – проволочные серьги из серебра, 2, 3, 7 – фрагменты ремня с серебряными накладками, 4 – бубенчик из бронзы, 5, 9–12 – бусы от ожерелья стеклянные и пастовые, 6 – дровяной браслет из бронзы, 8 – остатки деревянной рукоятки от нагайки, 13а, 13б – серебряные кольца, 15 – бронзовая пуговка.
 32. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1984. évi ásatás, a 113. sír rajza.

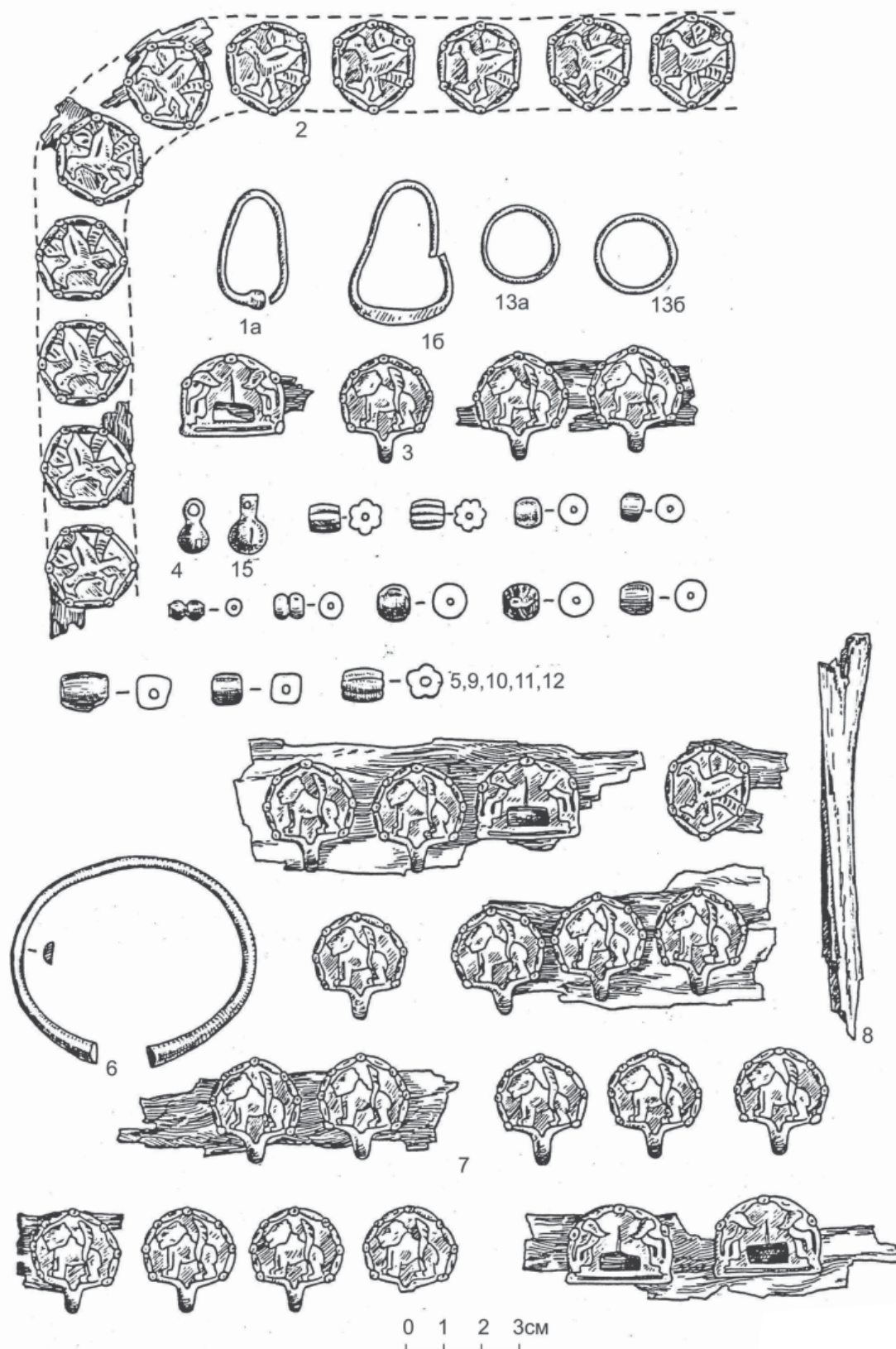

Рис. 33. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1984 г. Вещевой комплекс погребения 113.
 1а, 1б – проволочные серьги из серебра, 2, 3, 7 – фрагменты ремня с серебряными накладками, 4 – бубенчик из
 бронзы, 5, 9–12 – бусы от ожерелья стеклянные и пастовые, 6 – дротовый браслет из бронзы, 8 – остатки дере-
 вянной рукоятки от нагайки, 13а, 13б – серебряные кольца, 15 – бронзовая пуговка.
 33. kép. Bolsije Tyigani temetője. Az 1984. évi ásatás. A 113. sír leletei.

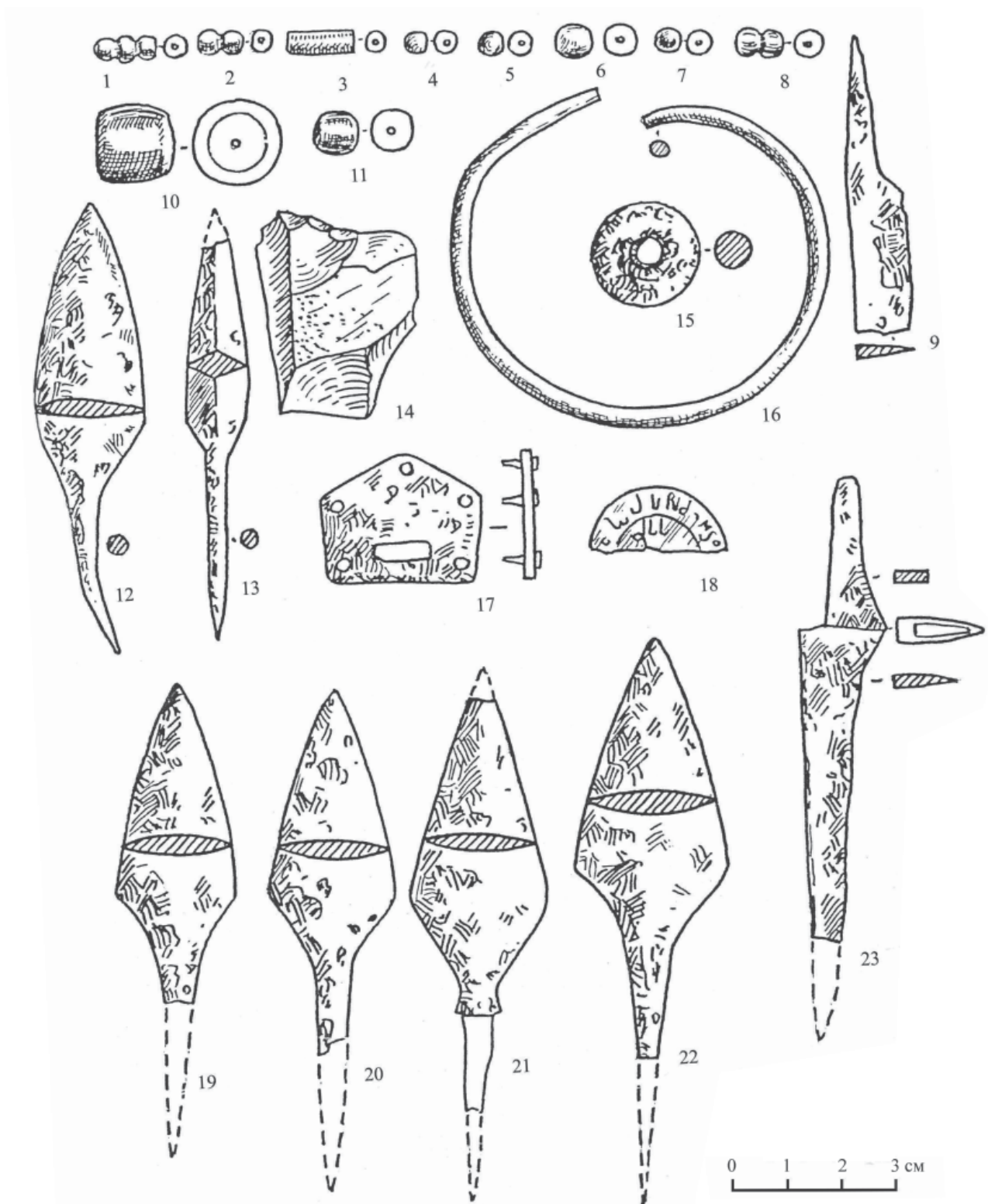

Рис. 34. Больше-Тиганский могильник. Раскоп 1984 г. Предметы из погребений.

1–8 – бусины из стекла и гешира, 9 – фрагмент железного ножа, погр. № 116; 10, 11 – бусы из гешира, погр. № 118; 12, 13 – железные наконечники стрел, 14 – кремь, 15 – кольцо железное, 16 – браслет бронзовый, погр. № 120; 17 – накладка железная, погр. № 122; 18 – обломок серебряного брактиага, 19–22 – наконечники стрел железные, 23 – железный нож, погр. № 123.

34. kép. Bolsije Tyigani temetője. 1984. évi ásatás. Leletek a sírokból.

Bioarchaeological analysis of Bolshie Tigani cemetery in context of Hungarians' early history

Introduction

Bolshie Tigani cemetery (9th–10th century AD) is an emblematic site of the archaeology of Middle Volga region and of Hungarians' early history. This cemetery was used by representatives of the Karayakupovo culture mixed with early Volga-Bulgars based on archaeological findings. A total of 142 graves were discovered, and in the occupation of the cemetery an early and a later period is differentiated.

We collected 18 human bone samples from the cemetery and we analysed the remains with an archaeogenetic approach. Our examinations were part of a bigger study (Szeifert et al. 2022), in which we aimed to characterize genetically the ethnic and cultural hub of the Volga-Ural region focusing on burial sites that can be linked to the early Hungarians archaeologically or geographically. We aimed to determine whether the possible ancestors of the Hungarians show biological connections to their neighbors and to the 9th–10th century conquerors of the Carpathian Basin. During our work we research the cemeteries of the areas identified as the stations of the early Hungarians (Fig.1).

We sampled the petrous part of the temporal bones and teeth of 18 individuals from different burials of Bolshie Tigani (Table 1.). We performed the laboratory work in a dedicated ancient DNA laboratory (Institute of Archaeogenomics, Research Centre for the Humanities, Eötvös Loránd Research Network) in Budapest Hungary, following strict work rules and protocols (described by Csáky et al. 2020a). Our laboratory work lasted from sampling to determining the mitochondrial DNA sequence and Y chromosome profile of the samples. After that we performed bioinformatic, statistical and

population genetic analyses (for the details see Szeifert et al. 2022).

During our analysis we determined the maternal (mitochondrial DNA sequence) and paternal lineages (Y-chromosomal short tandem repeats or Y-STRs and single nucleotide polymorphisms or SNPs) of the studied individuals. With this information we performed individual and population level analyses, during which we also used data from internationally published databases.

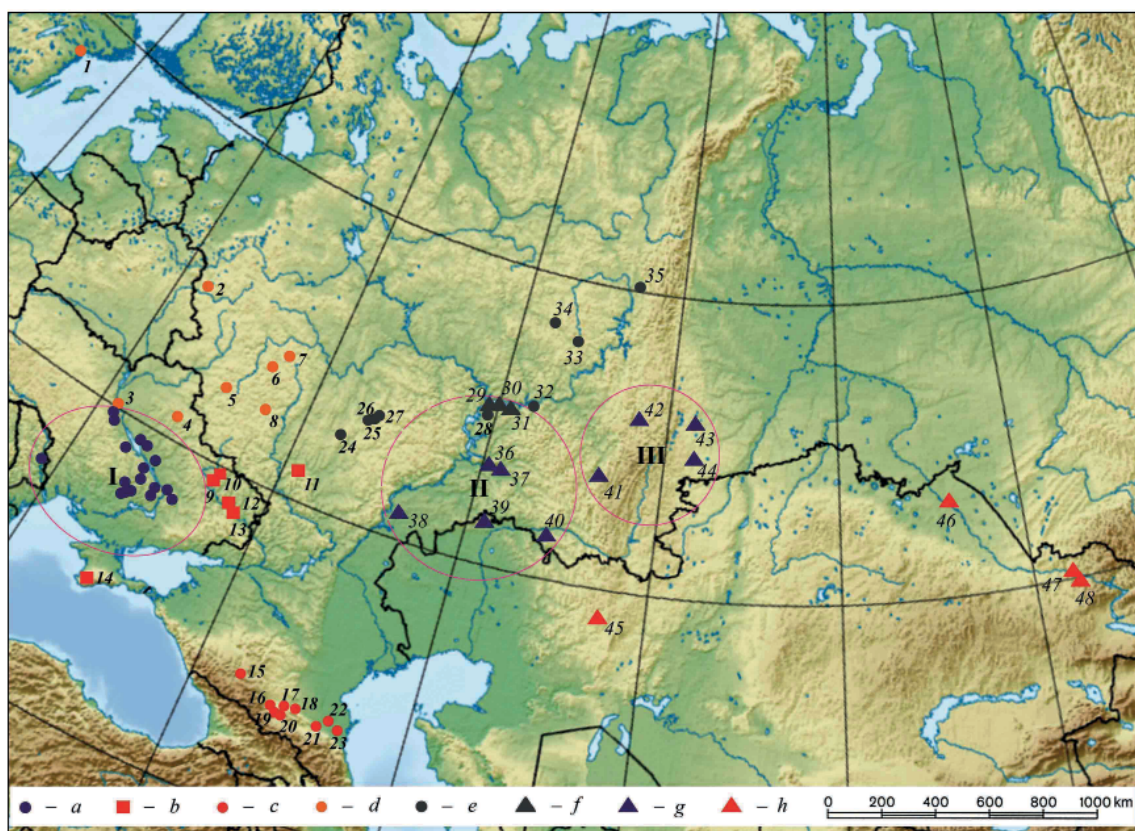
Results

Determination of genetic sex and Y chromosomal lineages

We determined the genetic sex of the studied individuals with shallow shotgun sequencing (Fig. 2). We identified 11 males and six females in the dataset. In the case of one individual, we did not get a clear result due to the poor quality of the sample. We performed Y chromosomal tests on the samples of males and we could determine the Y chromosome haplogroup of eight males analysing their Y-STR profile (Fig. 2). The investigated males belong to three main Y chromosomal haplogroup: I1 (two individuals), R1a (four individuals) and N1a (two individuals).

The two men with I1 Y chromosomal haplogroup (Grave 25/B and 37) had identical Y-STR profiles. Based on this we can assume, they belonged to the same paternal line. This detected I1 lineage is typical in the northern part of today's Eurasia.

Four men have R1a Y chromosomal haplogroup in our dataset. This line is one of the most common paternal lineages in Eurasia. Most Y-STR loci (16 of 17 tested locus) were successfully determined from the man discovered in Grave 23. In this case we could prepare a Y

1

2

Fig. 1: 1. The spread of artefacts parallel to the Subbótsi horizon (Etelköz) (KOMAR 2018, Fig. 106.); 2: Stages in the migration of the early Hungarians (KOMAR 2018, Fig. 108.).

Table 1
Analysed dataset and summary of the results.

General information				Summary of results*		
Lab ID	Site	Grave number	Investigated sample	Genetic sex	MtDNA Haplogroup	chrY Haplogroup STR
BT 1.	Bolshie Tigani	9	pars petrosa l.d.	MALE	H6a1a	R1a
BT 2.	Bolshie Tigani	12	pars petrosa l.d.	MALE	D4e4	n/a
BT 3.	Bolshie Tigani	19	pars petrosa l.d.	FEMALE	A12a	n/a
BT 4.	Bolshie Tigani	20	pars petrosa l.s.	FEMALE	T2d1b1	n/a
BT 5.	Bolshie Tigani	22	pars petrosa l.s.	MALE	D4g1b	R1a
BT 6.	Bolshie Tigani	23	pars petrosa l.s.	MALE	H1b	R1a
BT 7.	Bolshie Tigani	24	pars petrosa l.d.	MALE	U8a1a1b1	N1a1 M46
BT 8.	Bolshie Tigani	25/B	pars petrosa l.s.	MALE	T1a1	I1
BT 9.	Bolshie Tigani	14	37	MALE?	U4a2	n/a
BT10.	Bolshie Tigani	42	pars petrosa l.d.	FEMALE	U4	n/a
BT11.	Bolshie Tigani	47	37	FEMALE	M7c1a1a1	n/a
BT12.	Bolshie Tigani	28	pars petrosa l.d.	MALE	H13a1d	n/a
BT13.	Bolshie Tigani	30	pars petrosa l.d.	MALE	U4a2	N1a1 M46
BT14.	Bolshie Tigani	37	pars petrosa l.s.	MALE	G2a1	I1
BT15.	Bolshie Tigani	41	pars petrosa l.d.	MALE	Z1a1a	R1a
BT16.	Bolshie Tigani	46	pars petrosa l.d.	FEMALE	A10	n/a
BT17.	Bolshie Tigani	48	pars petrosa l.s.	FEMALE	T1a1d	n/a
BT18.	Bolshie Tigani	131	pars petrosa l.s.	MALE	T2d1b1	n/a

* for the detailed results see Szeifert et al. 2022.

chromosomal network analysis, and based on this we observed that he had a Near Eastern variant of paternal line R1a (Szeifert et al. 2022). In the case of the other three men with R1a haplogroup we got incomplete Y-STR profiles, therefore we didn't conduct network analysis (since too many missing loci can lead to unreliable and false connections).

The man from the Grave 24 has N1a1-M46 Y chromosomal haplogroup basen on his Y-STR profile. The N1a-Z1936 – one of the subclades of this haplogroup – is a potential marker of the connection between the members of the Uralic languages family. This subhaplogroup has also been detected among the Hungarian conquerors (Fóthi et al. 2020, Neparáczki et al. 2019). Based on our Y-STR median joining network analysis (Fig. 3) individuals from Bolshie Tigani, Uyelgi, Karanayevo and Gornovo (Chiyalik group)

belong to one cluster and they are grouped together with representatives of Uralic languages' Ob-Ugric branch (present-day Khantys, Mansis and Hungarians) as well as modern Tatars and Bashkirs of the Volga-Ural region (Szeifert et al. 2022, Csáky et al. 2020b, Post et al. 2019).

Analysis of maternal lineages

We sequenced the mitochondrial genomes with hybridization capture method, and determined the maternal lineages of all the studied individuals. Based on our results, maternal lines of the community buried at Bolshie Tigani site were heterogeneous. We detected 16 different haplotypes, which can be classified into eight main haplogroups (Fig. 4). Among the maternal haplogroups, both East and West Eurasian types were found, dominated by the latter ones.

We prepared Principal Component Analysis (PCA) with a mitochondrial DNA dataset, which

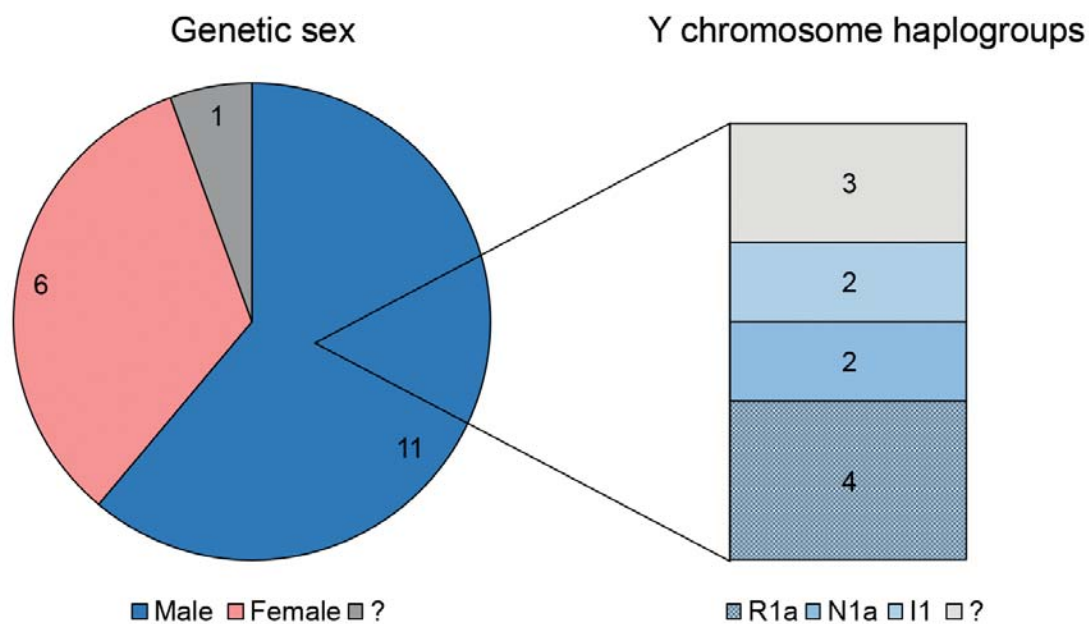

Fig. 2: Pie chart: Genetic sex composition of the studied individuals. Bar graph: Y chromosomal haplogroups of the studied males based on Y-STR analysis

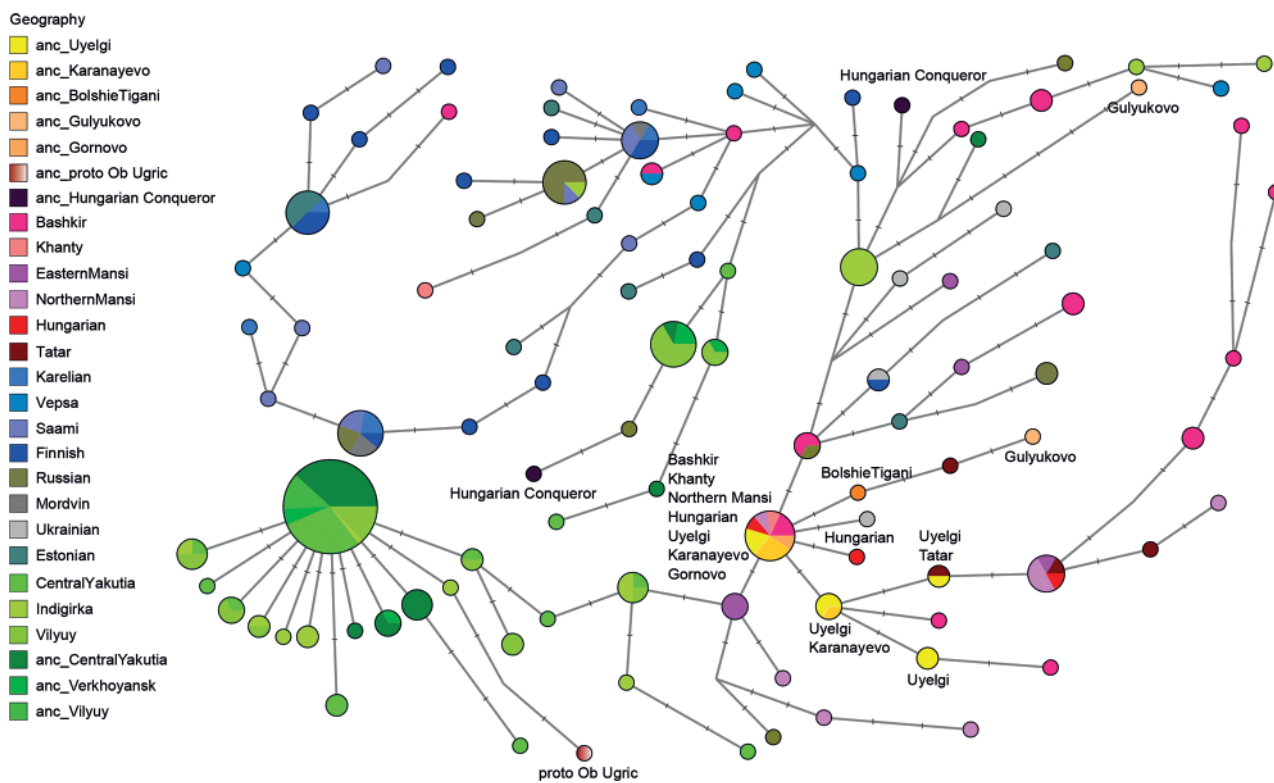

Fig. 3: Network analysis of N1a1-M46 Y chromosomal haplogroup based on 14 Y-STR loci

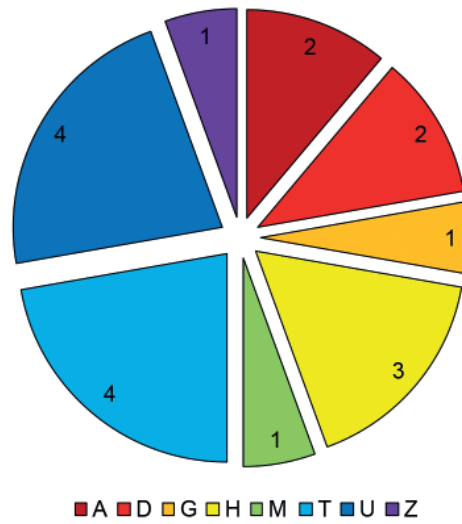

Fig. 4: Mitochondrial DNA haplogroup composition

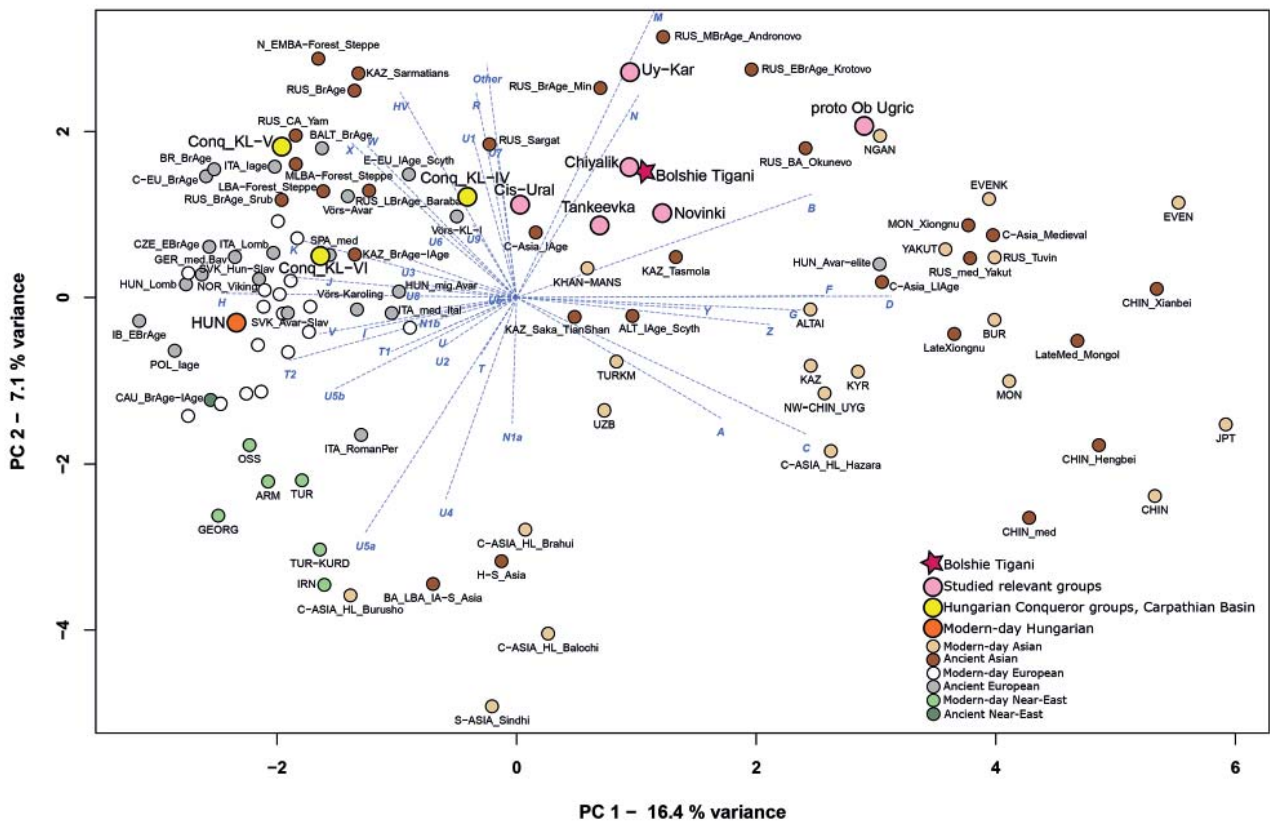

Fig. 5: A: Result of Principal Component Analysis based on mitochondrial DNA haplogroup composition of modern-day and ancient populations (see Table 2 for details on the studied groups)

Table 2
The most important information on the earlier studied groups.
These groups are relevant in the research of Hungarian prehistory.

Group name	Sites	Chronology (century AD)	Culture/Period	Samples in the group	Reference
Cis-Ural	Bajanovo, Szuhaj Log, Bartim, Brody	3th–10th	Nevolino/Lomovatovo	14	Csáky et al. 2020b
Uy-Kar	Uyelgi, Karanayevo	9th–11th	Late Kushnarenkovo	33	Csáky et al 2020b, Szeifert et al 2022
Bolshie Tigani	Bolshie Tigani	9th–10th	Karayakupovo, early Volga-Kama Bulghar period	18	Szeifert et al 2022
Tankeevka	Tankeevka	10th–11th		22	Szeifert et al 2022
Chiyalik	Gulyukovo, Novo Hozyatovo, Gornovo	11th–14th	Chiyalik	25	Szeifert et al 2022
proto Ob-Ugric	Ivanov Mis I, Panovo I, Ust-Tara, Vikulovo, Barsov Gorodok	6th–13th	Ust'-Ishim, Nizhneobskaya, Potchevash	16	Szeifert et al 2022
Novinki	Novinki, Lebyzhinka, Malaya Ryazan, Shilovka, Mullovka, Brusyany	8th–9th	Novinki-type sites	19	Szeifert et al 2022

contains modern-day and ancient groups as well (Fig. 5). This population genetic analysis is based on the maternal haplogroup composition of the groups. The results show that the population of Bolshie Tigani is situated in an intermediate position between the Eastern and Western Eurasian populations. Recently we have published archaeogenetic results of other relevant sites in the Volga-Ural region and Western-Siberia in the context of the Hungarian prehistory (Table 2.) (Csáky et al. 2020b, Szeifert et al. 2022). Most of these analysed groups are genetically close to each other. Bolshie Tigani shows strong affinity to the Chiyalik group (11–14th centuries AD), which includes cemeteries that – according to archaeologists – could have been used by the Hungarians who remained in the east after the westward migration of the Hungarians. The studied, “Hungarian-related” populations are mapped among modern Turkmens, Uzbeks, Khantys, Mansis, and Iron and Bronze Age groups of Central Asia. Due to the lack of data for the sampled region, our dataset is pointing to an unexplored genetic cluster between the East and West. This PCA analysis is another proof that the Volga-Ural region was a contact zone between East- and West-Eurasia in the early medieval times.

In our analyses we divided the 10–12th century Carpathian Basin population into three

groups. The basis of our grouping method was a well-defined description focusing on the number of graves discovered in the cemeteries and the chronology of their usage, which was developed by László Kovács and László Révész (Kovács 2013, Révész 2020). KL-IV is characterized by small 10th century cemeteries of the camps that were the primary settlements of the nomadic Hungarians. KL-V represents 10th century cemeteries of villages with a large number of burials and KL-VI contains large village cemeteries opened in the 10th century and used until the 11th and 12th centuries. Among the Conquering Hungarian groups from the Carpathian Basin, the KL-IV is even closer to the studied – and other steppe-origin – groups, the other two groups (KL-V and KL-VI) are located close to European (modern and ancient as well) and Bronze Age steppe groups. This picture resulted from the conquerors continuous admixture with the local population of the Carpathian Basin in the 10th century.

Our mitochondrial sequence-based analyses (Multidimensional Scaling, genetic distance analysis) gave comparable output with the results described here (for the details see Szeifert et al. 2022).

After the group-based analysis we investigated the maternal lines of the people

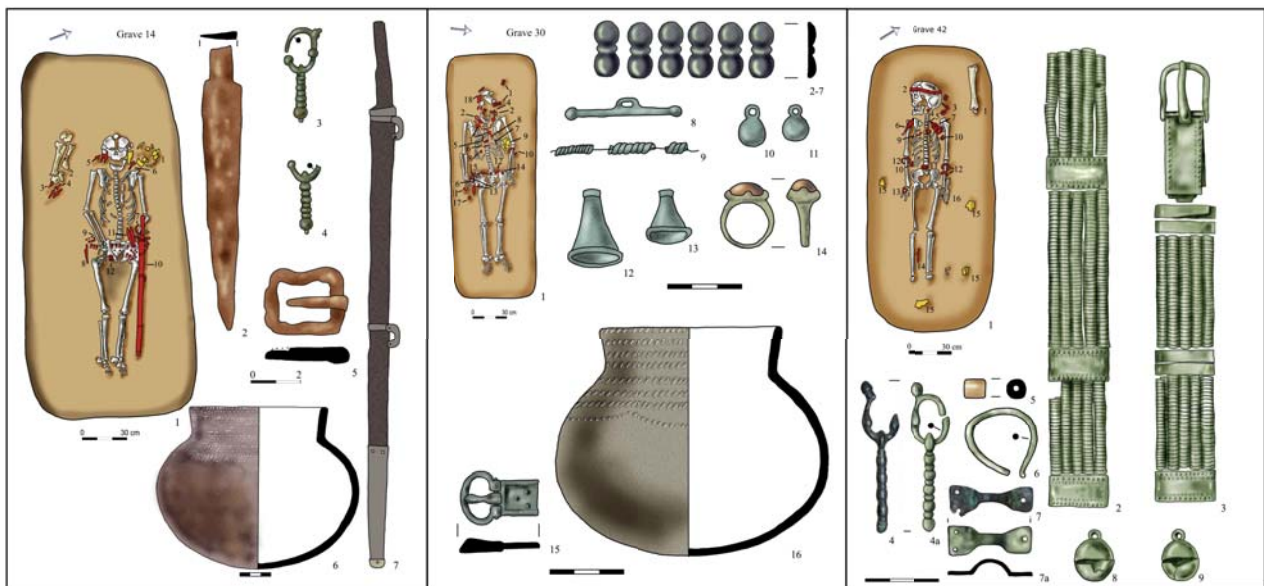

Fig. 6: Bolshie Tigani Grave 14., 30. and 42. Individuals from these graves may have been closely related based on their mitochondrial DNA. (after Chalikova-Chalikov 1981. Photos and digital drawing by Attila Türk).

excavated at Bolshie Tigani on an individual level as well.

We described close maternal relationships within the cemetery. Three individuals from the Graves 14, 30 and 42 (Fig.6) belong to U4 mitochondrial haplogroup and they may have been closely related. The individuals from Grave 30 and 42 have identical mitochondrial DNA sequences, which indicates a very close maternal relationship between them.

Another example of possible maternal kinship within the cemetery is two individuals with haplogroup T2d. The mitochondrial DNA sequences of individuals from Grave 20 (Fig. 7) and 131 are also identical. Based on these data we can assume that there were also maternal relatives within the community. Full genome analyses could define the degree and type of their kinship.

The typical distribution area of most of the detected maternal lineages are the steppe region and Eastern-Europe. However, some lines suggest much more eastern genetic links. Such as A10 (female from Grave 46 [Fig.7]) and D4g1b (male from Grave 22 [Fig.7]) lineages, which are typical in modern-day Japanese, Chinese and Taiwanese populations.

Based on the maternal lineages, we detect connections with other “Hungarian-related” sites

from the Volga-Ural region and the Carpathian Basin as well. We described the highest number of inter-site haplotype (sequence) identities between Bolshie Tigani and Gulyukovo site (one of the sites of Chiyalik group) (haplogroups M7c1c1c1 and T2d1b1). Between these two groups we detected further close connections (D4e4, H13a1d maternal lineages). These connections are consistent with the results of our population genetics analyses, and they suggest a real biological connection between these two groups. These results are especially important because there are just a few archaeological findings (gravegoods) in the graves of the Chiyalik culture, and therefore it is difficult based on only archaeological data to identify the ethnic group(s) that used these cemeteries. Their numerous biological connections with Bolshie Tigani confirm the archaeological assumption that these cemeteries were at least partly used by remnant Hungarians.

Bolshie Tigani cemetery can also be connected through maternal lines with other “Hungarian-related” genetic groups like Uyelgi-Karanayevo, Cis-Ural group, Tankeevka and Conq_KL-IV and with some maternal lines also with the population of Novinki-type cemeteries (8-9th centuries military group in the Volga-Bend).

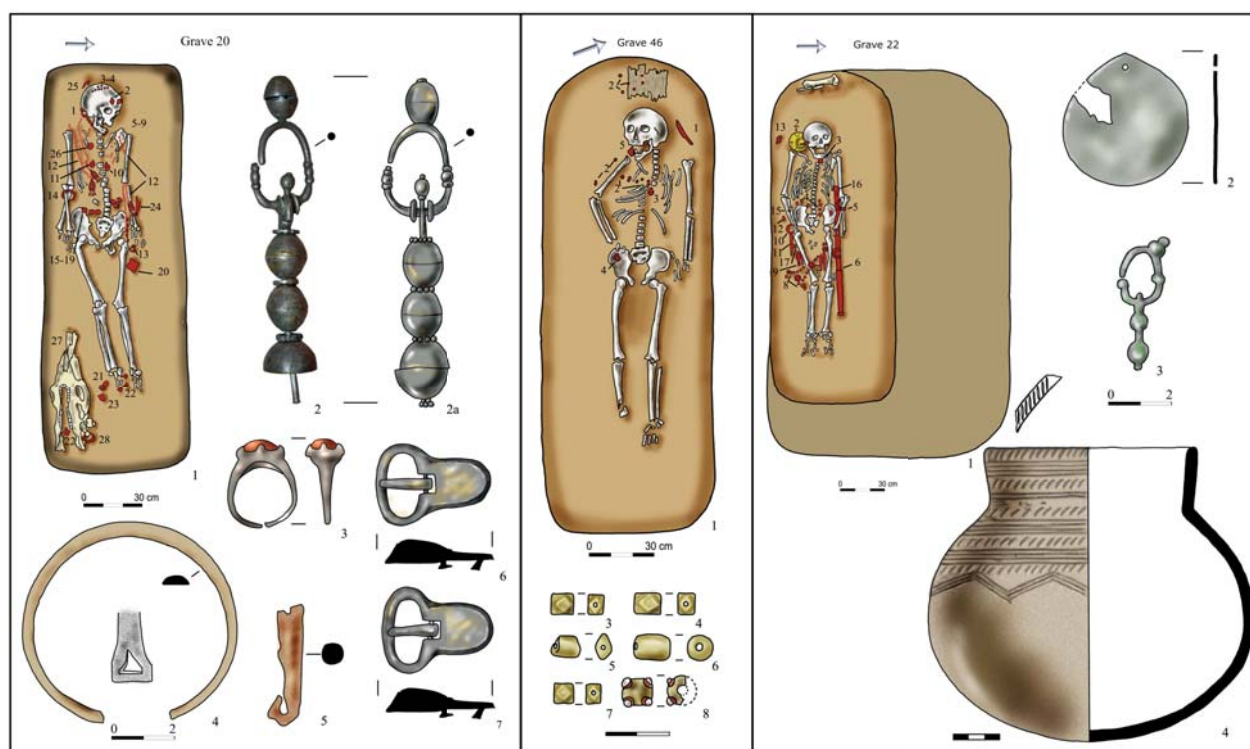

Fig. 7: Bolshie Tigani Grave 20., 46. and 22. (after Chalikova-Chalikov 1981.
Photos and digital drawing by Attila Türk).

Tankeevka cemetery, like Bolshie Tigani, belongs to the Late Kushnarenkovo/Karayakupovo culture. This cemetery could be used by Hungarians and early Bulgars as well, chronologically later than Bolshie Tigani. Between the population of these two sites we also detected several maternal connections, despite the fact that in population genetic analyses, Tankeevka shows a much more western genetic composition. According to our population genetic analyses, both groups are similar to Volga-Tatars, who live today in the studied Volga-Ural region. This suggests that the early medieval population of this region still has an imprint on the present-day groups of the region.

Conclusion

Our present paper is a part of a larger study. During our archaeogenetic research we studied early medieval cemeteries in present-day Russia, which could be connected to the early Hungarians and their neighbours based on historical, philological and archaeological sources. Our results confirm the connection between the studied sites and cultures in context of early Hungarians and their migration. We detected numerous

relations between the investigated cemeteries at both individual and population level.

Here we analyzed deeper the genetic data of 18 individuals, excavated in the context of the Bolshie Tigani archaeological site. This cemetery was used by a possible mixed group, which could consist of Volga-Bulgars and Hungarians based on the gravegoods. Most of the detected maternal (mitochondrial) lineages in Bolshie Tigani are prevalent in the steppe region and Eastern-Europe, although some lineages suggest much more eastern genetic links. The nuclear DNA (Y chromosome lineages) were worse preserved and less suitable for analyses. However, both uniparental markers (mtDNA and Y) show the mixed nature of the population buried at Bolshie Tigani.

Together with historical data, our results clearly connect the 9th–10th century population of this cemetery to the representatives of the sites of the later Chiyalik culture (11th to 14th centuries) in the Volga region, as we detected numerous (identical) maternal lineages between them. Based on the population genetic analyses, the two groups had elements of common origin,

which suggest at least partial continuity of the population, but the chronological gap also explains diverging affinities.

We described maternal, paternal and population level connections between Bolshie Tigani and other sites, which were an important role in early history of Hungarians. These show that Bolshie Tigani played a determinative role in the

research of the early Hungarians. In addition, our research provides important genetic information for other researchers, who are interested in the prehistory of this region. The genetic study is continued on the level of genome-wide analyses that will place the population of Bolshie Tigani in the genomic network of migration period and medieval Eurasian populations.

References

Chalikova–Chalikov 1981 Chalikova, E. A. – Chalikov, A. H.: *Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. Régészeti Füzetek Ser. II. 21. Budapest 1981.

Csáky et al. 2020a: Csáky, V. – Gerber, D. – Koncz, I. – Csiky, G. – Mende, B. G. – Szeifert, B. – Egyed, B. – Pamjav, H. – Marcsik, A. – Molnár, E. – Pálfi, Gy. – Gulyás, A. – Kovacsóczy, B. – Lezsák, G. M. – Lőrinczy, G. – Szécsényi-Nagy, A. – Vida, T.: Genetic insights into the social organisation of the Avar period elite in the 7th century AD Carpathian Basin. *Scientific Reports*, 2020 (10:948).

Csáky et al. 2020b: Csáky, V. – Gerber, D. – Szeifert, B. – Egyed, B. – Stégmár, B. – Botalov, S. G. – Grudochko, I. G. – Matveeva, N. P. – Zelenkov, A. S. – Sleptsova, A. V. – Goldina, R. D. – Danich, A. V. – Mende, B. G. – Türk, A. – Szécsényi-Nagy, A.: Early Medieval Genetic Data from Ural Region Evaluated in the Light of Archaeological Evidence of Ancient Hungarians. *Scientific Reports*, 2020 (10:19137).

Fóthi et al. 2020: Fóthi, E. – Gonzalez, A. – Fehér, T. – Gugora, A. – Fóthi, Á. – Biró, O. – Keyser, C.: Genetic analysis of male Hungarian Conquerors: European and Asian paternal lineages of the conquering Hungarian tribes. *Archaeological Anthropological Sciences*, 2020, 12.

Komar 2018: Комар, А.: *История и археология древних мадьяр в эпоху миграции / A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei*. Ред.: Türk, A. – Budai, D. *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia* 11. – Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 5. Budapest 2018.

Kovács 2013: Kovács L.: A Kárpát-medence honfoglalás és kora Árpád-kori szállási és falusi temetői. In: *A honfoglalás kor kutatásának legújabb eredményei. Tanulmányok Kovács László 70. születésnapjára*. Szerk.: Révész L. – Wolf M. *Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről* 3. Budapest–Szeged 2013, 511–604.

Neparáczki et al. 2019: Neparáczki, E. – Maróti, Z. – Kalmár, T. – Maár, K. – Bihari, P. – Nagy, I. – Latinovics, D. – Kustár, Á. – Pálfi, Gy. – Molnár, E. – Marcsik, A. – Balogh, Cs. – Lőrinczy, G. – Gál, Sz. S. – Tomka, P. – Kovacsóczy, B. – Kovács, L. – Raskó, I. – Török, T.: Y-chromosome haplogroups from Hun, Avar and conquering Hungarian period nomadic people of the Carpathian Basin. *Scientific Reports* 2019:9. 16569.

Post et al. 2019: Post, H. – Németh, E. – Klima, L. – Flores, R. – Fehér, T. – Türk, A. – Székely, G. – Sahakyan, H. – Mondal, M. – Montinaro, F. – Karmin, M. – Saag, L. – Yunusbayev, B. – Khusnutdinova, E. K. – Villems, R. – Tambets, K. – Rootsi, S.: Y chromosomal connection between Hungarians and geographically distant populations of the Ural Mountain region and West Siberia. *Scientific Reports* 2019: 9. 7786.

Révész 2020: Révész, L.: *A 10–11. századi temetők regionális jellemzői a Keleti-Kárpátoktól a Dunáig*. Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 13. Budapest–Szeged 2020.

Szeifert et al. 2022: Szeifert, B. – Gerber, D. – Csáky, V. – Langó, P. – Stashenkov, D. A. – Khokhlov, A. A. – Sitdikov, A. G. – Gazimzyanov, I. R. – Volkova, E. V. – Matveeva, N. P. – Zelenkov, A. S. – Poshekhonova, O. E. – Sleptsova, A. V. – Karacharov, K. G. – Ilyushina, V. V. – Konikov, B. A. – Sungatov, F. A. – Kolonskikh, A. G. – Botalov, S. G. – Grudochko, I. V. – Komar, O. – Egyed, B. – Mende, B. G. – Türk, A. – Szécsényi-Nagy, A.: Tracing genetic connections of ancient Hungarians to the 6th–14th century populations of the Volga-Ural region, *Human Molecular Genetics*, 2022; ddacl06.

About the Authors:

Bea Szeifert, Institute of Archaeogenomics, Research Centre for the Humanities, Eötvös Loránd Research Network (ELKH), Budapest, 1097, Hungary; Doctoral School of Biology, Institute of Biology, ELTE Eötvös Loránd University, Budapest, 1117, Hungary

Dániel Gerber, Institute of Archaeogenomics, Research Centre for the Humanities, Eötvös Loránd Research Network (ELKH), Budapest, 1097, Hungary; Doctoral School of Biology, Institute of Biology, ELTE Eötvös Loránd University, Budapest, 1117, Hungary

Balázs Egyed, Department of Genetics, ELTE Eötvös Loránd University, Budapest, 1117, Hungary

Ayrat G. Sitdikov, Kazan Federal University, Kazan, 420111, Russia

Ilgizar R. Gazimzyanov, Kazan Federal University, Kazan, 420111, Russia

Elizaveta V. Volkova, Kazan Federal University, Kazan, 420111, Russia

Balázs Gusztáv Mende, Institute of Archaeogenomics, Research Centre for the Humanities, Eötvös Loránd Research Network (ELKH), Budapest, 1097, Hungary

Attila Türk, Institute of Archaeological Sciences, Faculty of Humanities and Social Sciences, Pázmány Péter Catholic University, Budapest, 1088, Hungary; Hungarian Prehistory Researchgroup, Research Centre for the Humanities, Eötvös Loránd Research Network (ELKH), Budapest, 1097, Hungary

Anna Szécsényi-Nagy, Institute of Archaeogenomics, Research Centre for the Humanities, Eötvös Loránd Research Network (ELKH), Budapest, 1097, Hungary

К вопросу локализации Больше-Тиганского могильника

Больше-Тиганский могильник¹ был открыт в 1974 г. при строительстве автодороги «Большие Тиганы – Средние Тиганы». Он располагается в 300 м к востоку у с. Большие Тиганы Алексеевского района Татарской АССР в 20 км южнее левого берега низовий Камы (рис. 1). В результате исследований 1974–1985 гг. Билярской археологической экспедицией КФАН Академии наук СССР, возглавляемой А.Х. Халиковым, с участием в раскопках студентов Казанского государственного университета под руководством Е.А. Халиковой, работавшей на могильнике в первые два года исследований, было выявлено и изучено 156 захоронений (рис. 2), датированных массовым материалом, а также находками монет VIII – началом IX вв. (Халиков, 1987). Погребальный обряд и полученные находки Больше-Тиганского могильника имеют ближайšie аналогии в древневенгерских могильниках на Дунае эпохи венгерского «обретения Родины», а также находится множество параллелей, в том числе и диахронных, в материалах памятников VII – начала IX вв. Прикамья и Приуралья (Халикова, 1976б, Халиков, 1984). Полученные материалы в ходе археологических исследований позволяет более детально обрисовать территорию так называемой Великой Венгрии и проследить истоки древних венгров в Восточной Европе.

Результаты первых двух лет исследований уникального памятника получили достаточно

полное освещение как в советской (Халикова, 1976а; 1976б), так и венгерской печати (Chalíkova, Chalíkov, 1981). В книге «Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник)», вышедшей в 2018 г., опубликован перевод с немецкого языка издания 1981 г., вышедшего в Венгрии материалов изучения Больше-Тиганского могильника в 1974–1978 гг. (Халикова, Халиков, 2018).

В 2017–2018 гг. Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проводились работы по подготовке издания архивных материалов экспедиции А.Х. Халикова. В этот же период осуществлялись комплексные изыскательские работы, включая полевые археологические исследования по локализации могильника. Совокупность предпринятых изысканий предполагали решение вопросов по определению местоположения границ раскопов на могильнике на основе анализа архивных документов с применением ГИС методов, а также применение геофизических методов на месте расположения раскопок на памятнике с последующим контрольным вскрытием выявленных аномалий.

Установление нахождения раскопов 1974–1985 гг. было выполнено на основе анализа архивных данных научных отчетов и полевой документации, а также опросах участников раскопа. На подготовительном этапе был осуществлен сбор историко-архивных, картографических и геолого-геоморфологи

¹ Под названием «Большетиганский могильник» памятник указан в Приказе Министерства культуры Республики Татарстан №267 от 22.11.2000 г. Об утверждении «Списка вновь выявленных объектов Республики Татарстан представляющих историческую, научную или иную культурную ценность. Памятники археологии», а также под таким именем отмечен в Своде памятников археологии Республики Татарстан / отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдигов. – Казань, 2007. – Т. 3. – С. 94-95.

В ряде научных публикациях могильник упоминается также как «Больше-Тиганский».

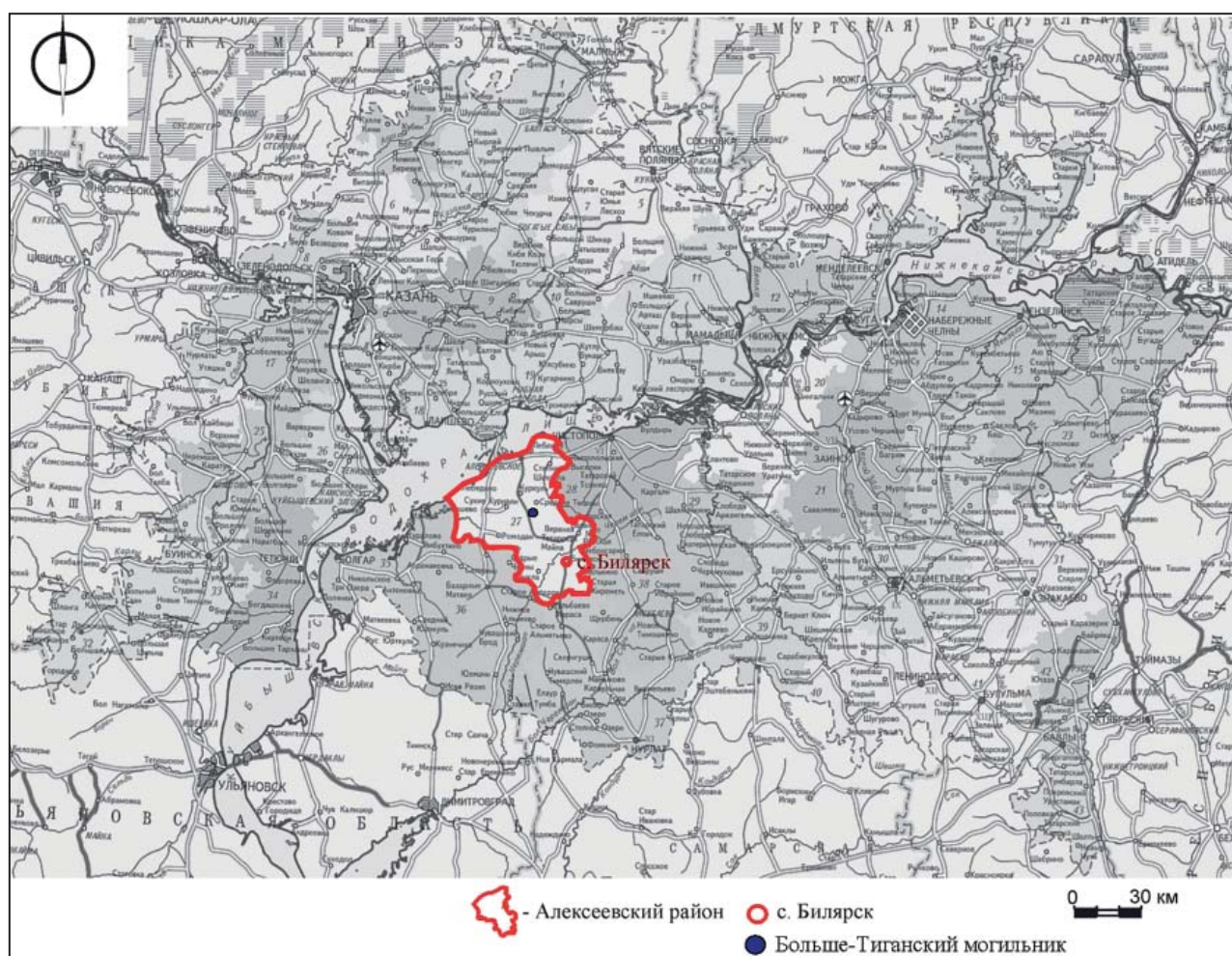

Рис. 1. Карта Республики Татарстан, Больше-Тиганский могильник.

ческих данных, проанализирована литература и отчеты о предыдущих исследованиях в рассматриваемом регионе. В научном фонде Музея археологии Республики Татарстан Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ выявлены полевые материалы и научные отчеты (Халиков, 1978; 1979; 1980; 1981; 1982; 1984; 1985) (рис. 3). В процессе изучения планов и схем из архивных материалов, а также совмещения их с реальными картографическими основами, было установлено, что чертежи ориентированы по «магнитному», а не «истинному» северу. Это обстоятельство принималось во внимание при разбивке площадок под геофизические исследования, которые были сориентированы с учетом выявленных отклонений по осям старых раскопов от «истинного севера» с целью более верной фиксации их границ на местности (рис. 4, 5).

В результате работ с архивными материалами с использованием ГИС составлен топографический план территории памятника с вероятным определением границ раскопов и расположения погребений Больше-Тиганского могильника. Были получены важные дополнительные сведения о современном состоянии памятника, уточнены разночтения в архивных данных и материалах публикаций.

В соответствии с установленной программой исследований, Билярской археологической экспедицией в 2018 г. производились полевые археологические работы с натурным обследованием состояния памятника с топографической съемкой его территории и с последующей закладкой шурфов на местах аномалий, выявленных в ходе геофизических работ (рис. 4–6).

До начала геофизических изысканий в июле 2018 г. экспедицией Института археоло-

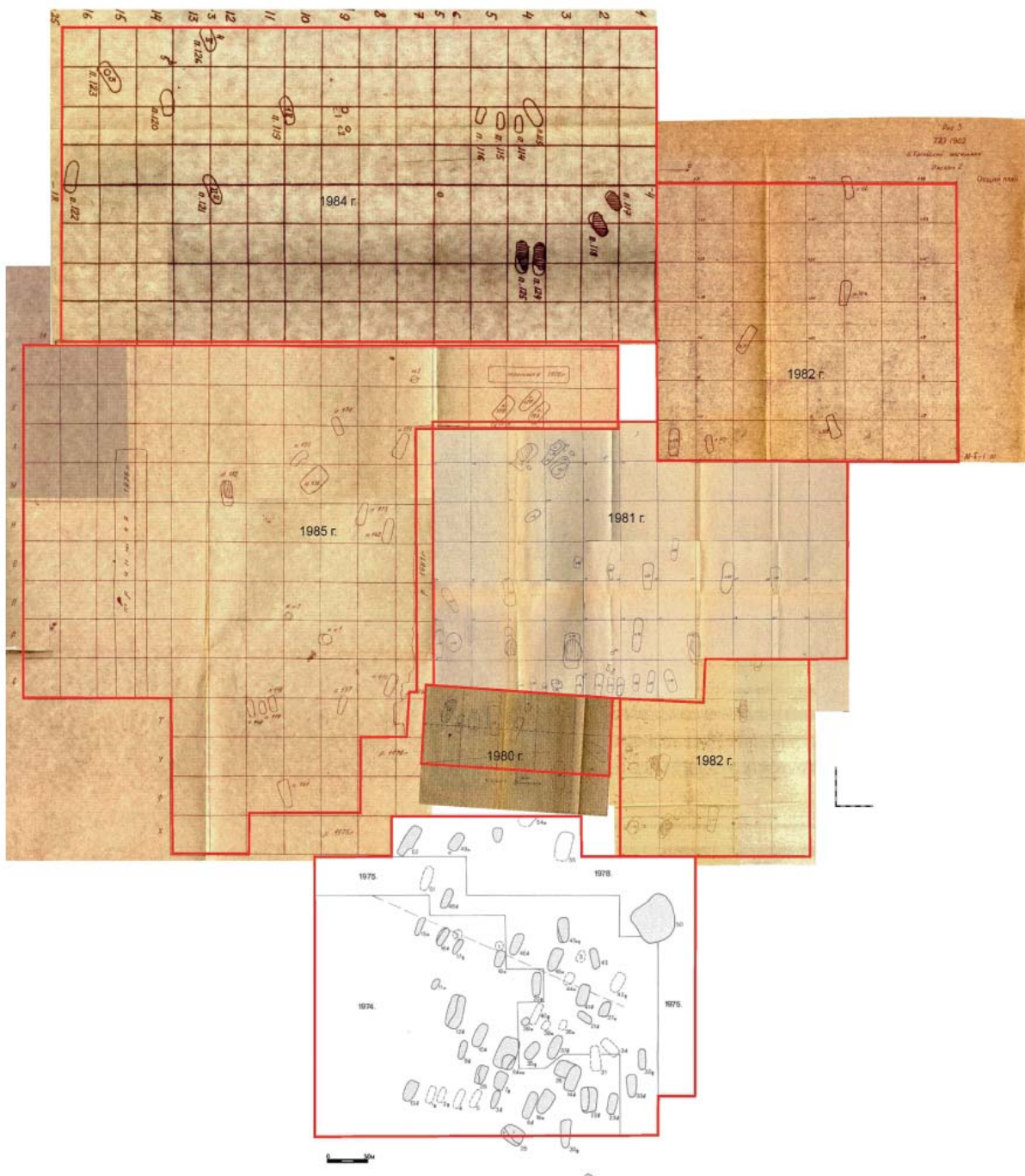

Рис. 2. Больше-Тиганский могильник. Сводный план раскопов 1974-1985 гг.

гии им. А.Х. Халикова АН РТ было организовано археологическое полевое обследование на Больше-Тиганском могильнике в 300 м к северу от с. Большие Тиганы в Алексеевском муниципальном районе Республики Татарстан (рис. 1) для натурной привязки территории ранее проведенных раскопок и локализации участков геофизических исследований.

В ходе натурального обследования осуществлялся визуальный осмотр территории. На

момент ведения описания площадь памятника использовалась под сельскохозяйственные угодья. С юго-запада на северо-восток территорию могильника пересекала дорога с асфальтовым покрытием, соединяющая села Большие Тиганы и Средние Тиганы Алексеевского муниципального района РТ (рис. 6).

Инструментальная топографическая съемка территории могильника производилась с помощью прибора глобального пози-

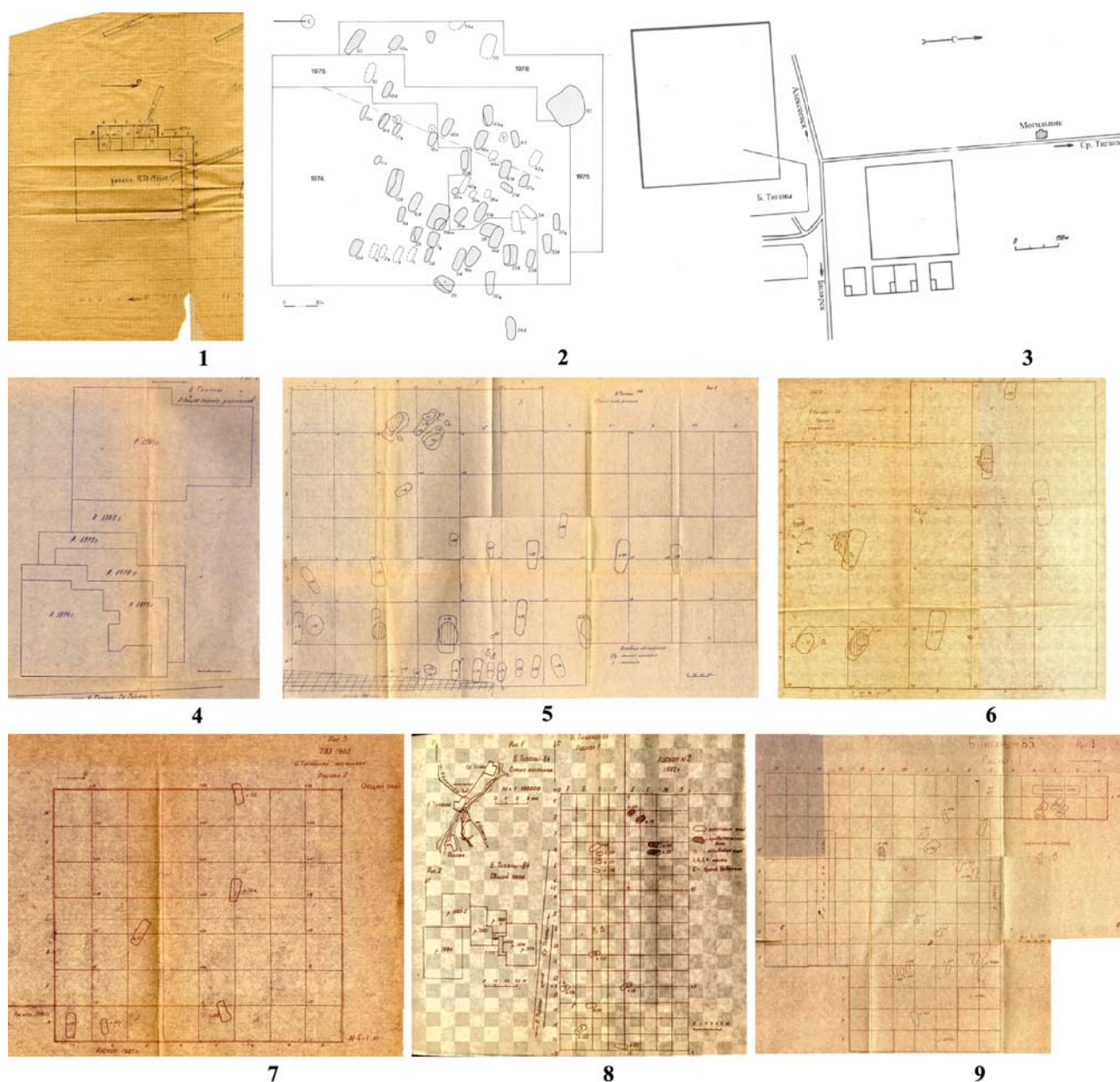

Рис. 3. Историко-архивные материалы: 1 – материалы к отчету 1978 г.; 2, 3 – из монографии 1981 г. об итогах за 1974–1978 гг.; 4, 5 – материалы отчета 1981 г.; 6, 7 – материалы отчета 1982 г.; 8 – материалы отчета 1984 г.; 9 – материалы отчета 1985 г.

ционирования GNSS Trimble R8. Привязка осуществлялась в системе координат: WGS 1984. При построении топографических планов сплошные горизонталы располагались через 0,5 м, высотные отметки отсчитывались от эллипсоида WGS 1984 (рис. 4).

Выбор месторасположения и конфигурации участков геофизических работ велись, основываясь на архивные планы раскопок, привязанные в ГИС на современные топографические планы. Выбранные для геофизических работ участки располагались вдоль современ-

ной автодороги с западной стороны. Участок 1 (75×30 м) находился на предполагаемом месте раскопанного могильника. Участок 2 (80×30 м) южнее, для тестового исследования и проверки на наличие изменений в грунте, которые могли маркировать нераскопанные погребения (рис. 7).

Георадарные измерения велись с профилями проходов через 0,5 м, фиксация значений электромагнитного импульса по профилю не более – 10 см. Произведено 9300 м георадарных профилей. По итогу исследова-

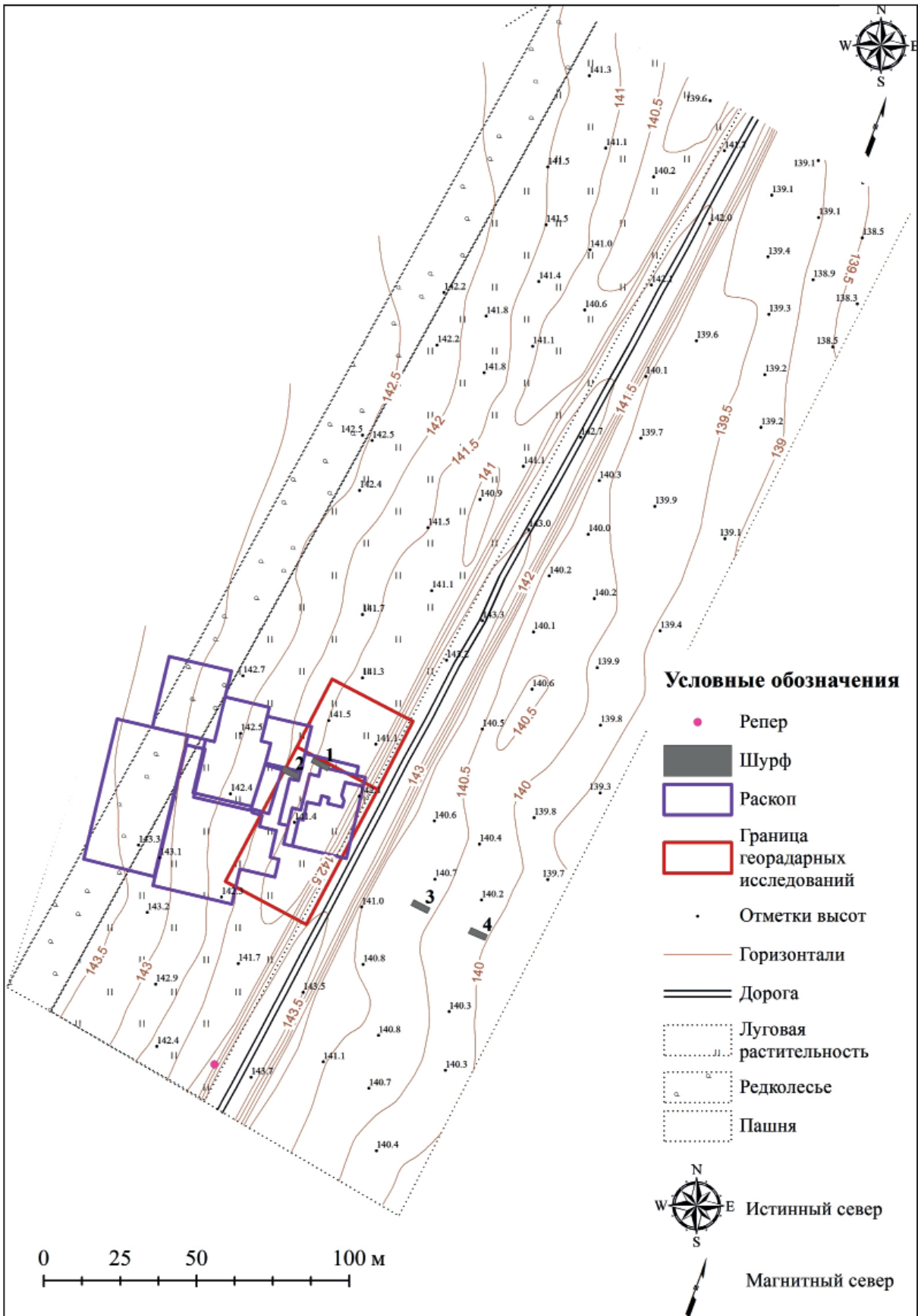

Рис. 4. Топоплан местности с предполагаемым расположением раскопов 1974-1985 гг. и границами георадарных исследований (участок 1), шурфами 2018 г.

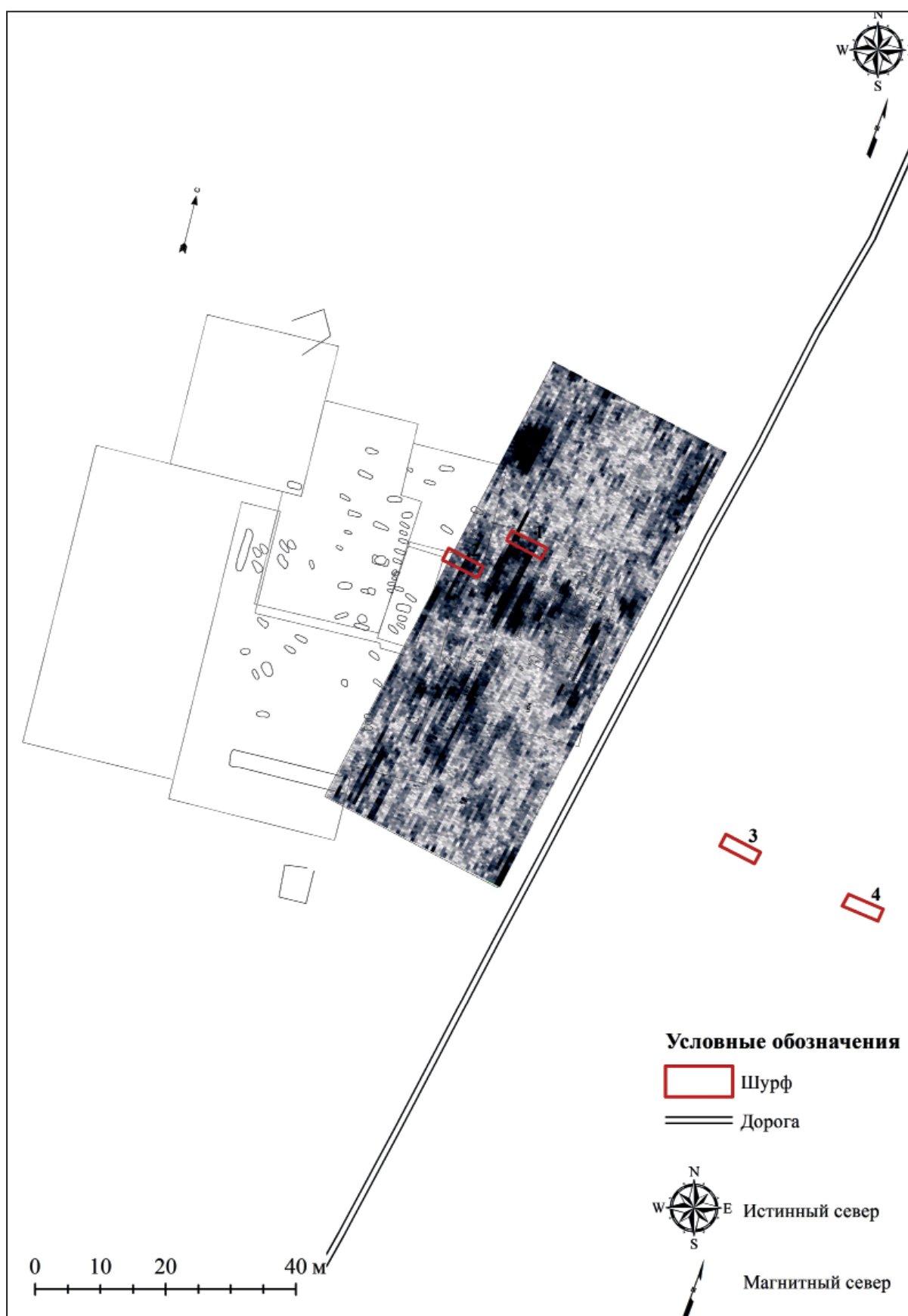

Рис. 5. План с нанесением георадарных исследований на предполагаемом месте расположения раскопов 1974–1985 гг.

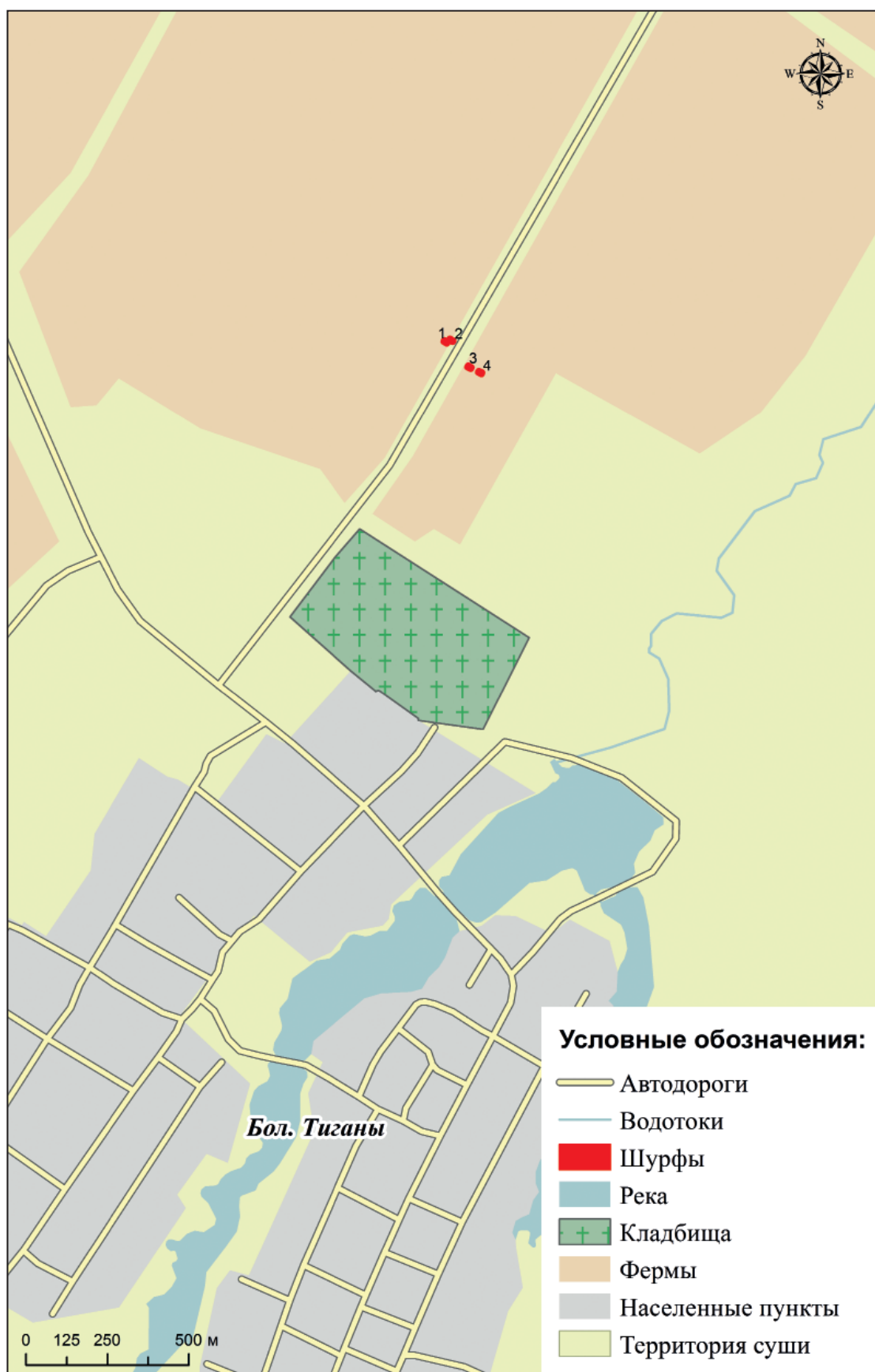

Рис. 6. Ситуационный план с указанием места закладки шурфов 2018 г.

Рис. 7. Участки проведения геофизических исследований.

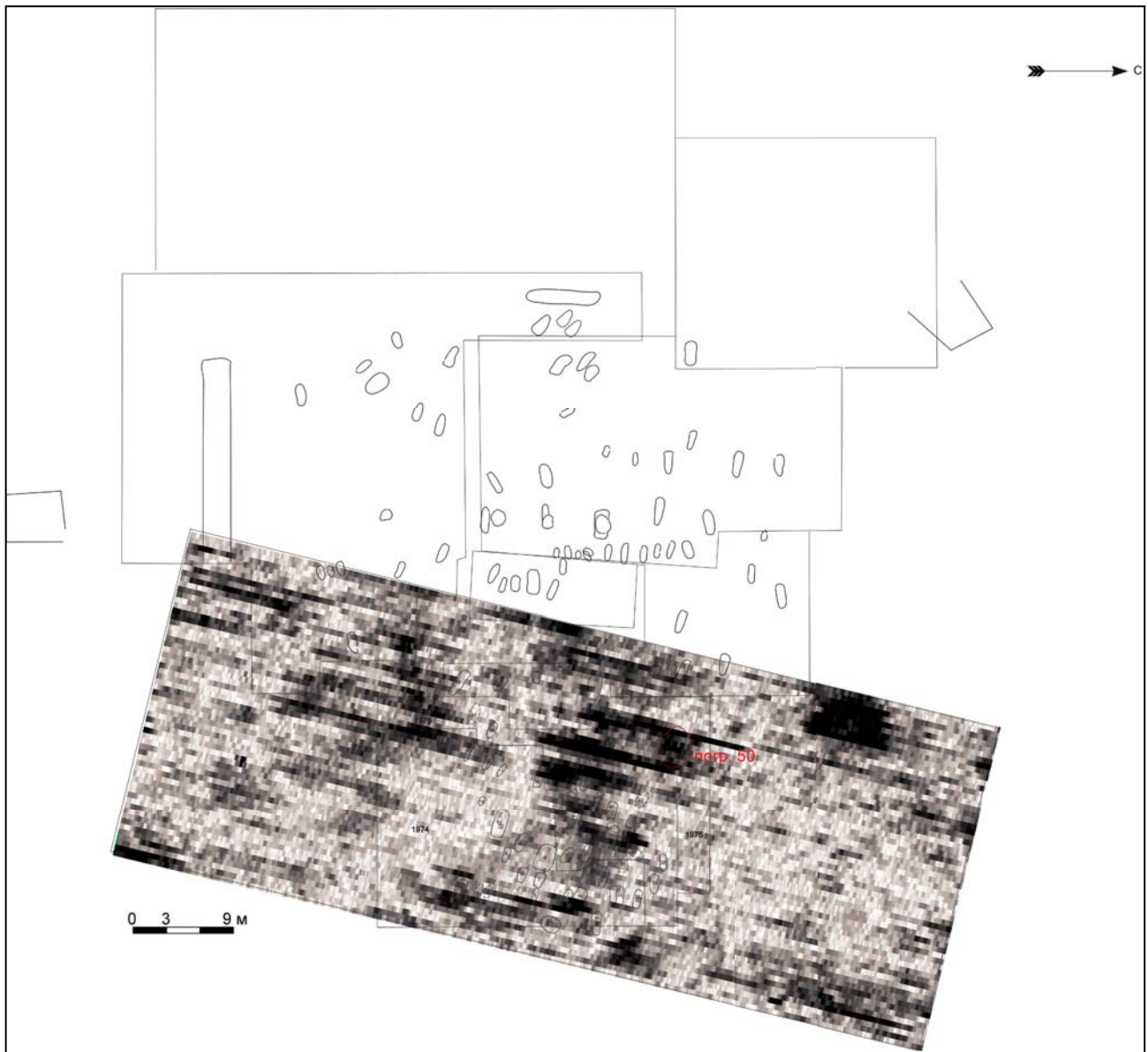

Рис. 8. Совмещение результата георадарных исследований на участке 1 (глубина 1 м) с планом погребений.

ний выстроено распределение электромагнитного импульса на радарограммах, по каждому георадарному профилю и произведено объединение их в послойные планы (планиграфические разрезы, на различные, расчетные глубины исследования, в масштабе).

Предварительный анализ георадарных данных, ясно показывает разницу, под поверхностью пашни на двух участках. Грунт на участке 2 однороден (стерилен) и не содержит в себе изменений, на глубинах ниже уровня вспашки. На участке 1 фиксируются локальные небольшие изменения в грунте под поверхностью. К сожалению, четкой карти-

ны распределения ям погребений на бывшем раскопе получить не удалось. Территория раскопанного могильника, во время строительства современной автодороги, засыпалась и ровнялась тяжелой строительной техникой. Глубина могильных ям по материалам отчетов была незначительной. Возможно, поэтому, из-за общего равномерного уплотнения фиксируются только общие пятна под поверхностью исследования.

Материалы георадарного исследования (в виде послойных схем) были сведены с планами раскопок могильника из архивных научных отчетов. При совмещении, принималось

Рис. 9. Привязка предполагаемого места раскопов 1974–1985 гг. к существующим объектам на местности

во внимание наличие на старых планах могильника местоположения и направления дороги, а также отклонение магнитного севера в данном регионе, от истинного севера на космоснимках в ориентировке планов в научных отчетах. На участке 1 при наложении углублений раскопа было зафиксирована аномалия, которая могла совпадать с ямой погребения 50 раскопа 1978 г. (рис. 7, 8).

Локальные археологические работы осуществлялись закладкой 4 шурфов размерами 2×6 м каждый. Полевые исследования осуществлялись с целью определения границ старых раскопов и могильника, а также уточнения данных аномалий, полученных путем геофизических изысканий.

Территория раскопочных работ располагалась в 640 м к северу от северной окраины с. Большие Тиганы в 300 м к северо-востоку от северного угла территории кладбища (рис. 9). Площадка работ характеризуется как ровный участок, с небольшим перепадом абсолютных отметок. Было заложено три шурфа, пронумерованных арабскими цифрами и вытянутых по линии запад – восток размерами 2×2 м.

За условный ноль для привязки поверхности шурфов был принят репер – дорожный знак «Пересечение с главной дорогой» (GPS координаты: N 55° 08' 493" E 50° 09' 156").

Шурфы 1 и 2 были заложены к западу от автодороги Большие Тиганы – Средние Тиганы на месте предполагаемых раскопов 1970–1980-х гг., на которых были выявлены и геофизические аномалии. Шурф 1 был заложен на месте совпадения по совмещенным планам с углублением погребения 50 (365×385 см) (рис. 8), изученного раскопом 1978 г. Однако, в ходе выборки пластов, контуры погребения выявить не удалось, а на месте аномалии отмечалось лишь уплотнение материкового грунта с большим количеством карбонатов, чем на остальной площади шурфа (рис. 9).

В шурфах 1 и 2 прослежена схожая стратиграфия, отражающая планировку и перемещение грунта в технической зоне формирования дорожного полотна автодороги Большие Тиганы – Средние Тиганы. Глубина шурфов, с учетом контрольной прокопки, достигала 90 см, где в верхней части заполнения – серая плотная супесь, насыщенная корнями много-

Рис. 10. Шурф 1, фото. 1 – уплотнение грунта с включениями на месте аномалии (-60 от 0);
2 – общий вид (-80 от 0).

летней культуры (пашня) до 40 см, покоящаяся на коричневом суглинке со следами почвенных затеков (материк) (рис. 10, 11). Находки в шурфах не обнаружены.

Шурфы 3 и 4 были заложены к востоку от автодороги Большие Тиганы – Средние

Тиганы для определения возможной территории распространения погребений могильника к востоку от раскопов 1970–1980-х гг. (рис. 3, 7). Стратиграфия в шурфах представлена серой плотной супесью с включением суглинки (пашня) мощностью до 40 см, покоя-

Рис. 11. Шурф 1, фото. 1 – после завершения уплотнение грунта на месте аномалии (-90 от 0);
2 – общий вид южной стенки шурфа

щейся на коричневом суглинке (материк). Это подтверждает результаты предыдущих исследований, что за дорогой в юго-восточном направлении могильник не распространялся.

Исследования 2017–2018 гг. проведенные Институтом археологии им. А.Х. Халикова

АН РТ дали важные сведения о состоянии Больше-Тиганского могильника. Геофизические исследования показали ограниченность возможности фиксации грунтовых углублений, связанных с могильником, что предполагает необходимость работ по продолжению

поиска не изученных захоронений некрополя. Анализ многочисленных архивных материалов, и данные геофизических исследований, а также результаты археологических работ позволили локализовать местоположение раскопок 1974–1985 гг.

Список источников и литературы

Архивные источники

Халиков А.Х. Материалы к отчету о раскопках Больше-Тиганского м-ка в 1978 г.: рис. на карточках, чертежи, фото // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 52.

Халиков А.Х. Материалы к отчету о раскопках Больше-Тиганского м-ка: чертежи, фото. Дневник 23-24.08.79 // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53.

Халиков А.Х. Отчет о раскопках Больше-Тиганского м-ка в 1980 г. 43 л. с илл. Материалы к отчету о раскопках Больше-Тиганского м-ка в 1980 г.: текст отчета, чертежи, фото, рис. // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54.

Халиков А.Х. Отчет об исследовании Больше-Тиганского м-ка в 1981 г. 39 л. с илл. Материалы к отчету об исследовании Больше-Тиганского м-ка в 1981 г.: планы, рис., фото // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56.

Халиков А.Х. Отчет об исследовании Больше-Тиганского м-ка в 1982 г. 24 л. с илл. Материалы к отчету об исследовании Больше-Тиганского м-ка в 1982 г.: чертежи, фото, рис., текст // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58.

Халиков А.Х. Отчет о раскопках Больше-Тиганского м-ка в 1984 г. 30 л. с илл. Материалы к отчету о раскопках Больше-Тиганского м-ка в 1984 г.: чертежи, планы раскопов предыдущих лет // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61.

Халиков А.Х. Отчет о раскопках Больше-Тиганского м-ка в 1985 г. 36 л. с илл. Материалы к отчету о раскопках Больше-Тиганского м-ка в 1985 г.: чертежи, дневник // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63.

Литература

Халиков А.Х. Культура древних венгров в Приуралье и Подунавье // Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6–10 Jahrhundert. Nitra, 1984. С. 45–47.

Халиков А.Х. Исследования на Больше-Тиганском могильнике и в Казани // Археологические открытия 1985 г. / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 210–211.

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976а. № 2. С. 158–178.

Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976б. № 3. С. 141–156.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) // Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Изд-во ФЭН, 2018. 144 с.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tiganí) // Régészeti Füzetek. Ser. II, № 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 p.

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, директор, ГБУК РТ «Биллярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник» (с. Биллярск, Россия), доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

Бездудный Владимир Григорьевич, младший научный сотрудник отдела охранных исследований, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); lekt88@mail.ru

Худяков Алексей Викторович, научный сотрудник отдела охранных исследований, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kazan-1974@yandex.ru

Содержание

От редакции	5
Введение.....	9
Часть I	
Древние венгры между Камой и Уралом	13
1. «Великая Венгрия» и Больше-Тиганский могильник	14
2. Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом	30
3. Венгры, болгары и буртасы в Среднем Поволжье и Приуралье.....	36
4. Судьба венгров, оставшихся на древней Родине	45
Часть II	
Раскопки Больше-Тиганского могильника в 1979–1982, 1984–1985 гг.	53
1. Раскоп 1979 г.	54
2. Раскоп 1980 г.	54
3. Раскоп 1981 г.	57
4. Раскопы 1982 г.	61
5. Раскоп 1984 г.	63
6. Раскоп 1985 г.	66
Summary.....	80
Список литературы	82
Список сокращений.....	88
Список иллюстраций	89
Иллюстрации	96
Bioarchaeological analysis of Bolshie Tigani cemetery in context of Hungarians' early history	132
К вопросу локализации Больше-Тиганского могильника	142

Tartalom

A szerkesztők előszava	5
Bevezetés	9
I. Rész	
A korai magyarság a Káma és az Urál között	13
1. “Magna Hungaria” és Bolsije Tyigani temetője	14
2. Újabb adatok a korai magyarok jelenlétéhez a Káma és az Urál közt	30
3. Magyarok, bolgárok és burtászok a Közép-Volga vidéken és az Urál nyugati előterében.....	36
4. A Keleten maradt magyarok sorsáról	45
II Rész	
Bolsije Tyigani temetőjének ásatásai, 1979–1982, 1984–1985.....	53
1. Az 1979. évi ásatás.....	54
2. Az 1980. évi ásatás.....	54
3. Az 1981. évi ásatás	57
4. Az 1982. évi ásatás.....	61
5. Az 1984. évi ásatás.....	63
6. Az 1985. évi ásatás.....	66
Summary.....	80
Irodalomjegyzék.....	82
Rövidítésjegyzék	88
A képek jegyzéke.....	89
Képek	96
Bioarchaeological analysis of Bolshie Tigani cemetery in context of Hungarians’ early history	132
A Bolsije Tyigani temetkezési hely lokalizációjának kérdésében	142

Content

From the editorial board	5
Introduction	9
Part I	
Ancient Hungarians between the Kama and the Urals	13
1. “Magna Hungaria” and Bolshie Tigani burial ground	14
2. New data on the stay of the ancient Hungarians between the Kama and the Urals	30
3. Hungarians, Bulgars and Burtases in the Middle Volga region and the Urals	36
4. The fate of the Hungarians. remained in the ancient Homeland	45
Part II	
Excavations of the Bolshie Tigani burial ground in 1979-1982, 1984-1985	53
1. Excavation of 1979	54
2. Excavation of 1980	54
3. Excavation of 1981	57
4. Excavations of 1982	61
5. Excavation of 1984	63
6. Excavation of 1985	66
Summary	80
References	82
List of abbreviations	88
List of illustrations	89
Illustrations	96
Bioarchaeological analysis of Bolshie Tigani cemetery in context of Hungarians’ early history	132
On the issue of localization of the Bolshie Tigani burial ground.....	142

ISBN 978-5-6049094-1-6

9 785604 909416

Альфред Хасанович Халиков

Великая Венгрия между Волгой и Уралом

Научное издание

Оригинал-макет – *Г.Ш. Асылгараева*

Перевод на венгерский язык – *PhD habil. А. Тюрк, Б. Янчик*

Компьютерная обработка рисунков *С.Ф. Ахметзанов*

Подписано в печать 00.00.2022 г. Формат 60x84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л.

Тираж 300 экз. Заказ № 23975

Изготовлено в ООО «АЛЕКС ПРИНТ»

394007, г. Воронеж, Ленинский пр-кт, дом 94,
корпус 5, квартира 52

16+